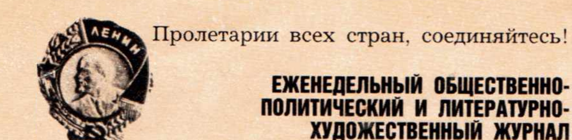

ОГОНЁК
№ 2 ЯНВАРЬ 1990
ISSN 0131-0097
БЕССМЕРТИЕ ДУХА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЕК

Основан 1 апреля 1923 года

№ 2 (3259)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»

6 — 13 января

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

«Троица» Андрея Рублева.

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 15.12.89. Подписано к печати 02.01.90. А 10637. Формат 70×108 1/8. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 1620. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

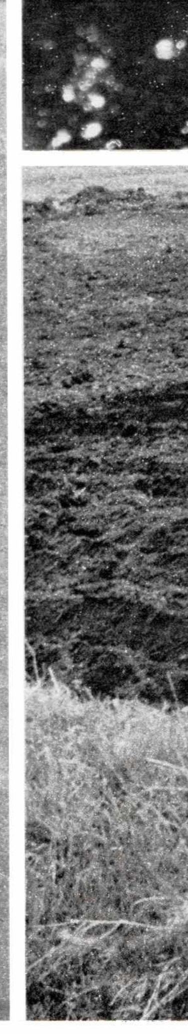
Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

С Сергеем Сергеевичем АЛЕКСЕЕВЫМ беседует специальный корреспондент «Огонька» Леонид ПЛЕШАКОВ.

СОБСТВЕННОСТЬ ОБРЕТАЕТ ХОЗЯЕВ

Фото А. ВОЛОКШИНА, А. НАГРАЛЬЯНА, А. ПИНЧУКА, М. ХИЙСА

Это интервью С. С. Алексеев дал «Огоньку», будучи председателем Комитета Верховного Совета СССР по вопросам законодательства, законности и правопорядка. На втором Съезде народных депутатов СССР он избран председателем Комитета конституционного надзора СССР.

— Недавно опубликован проект Закона Союза Советских Социалистических Республик «О собственности в СССР», который является частью пакета законодательных актов, регулирующих экономические отношения в нашей стране и представленных правительством на утверждение Верховным Советом.

В этом документе содержится много новых положений, прямо скажем, необычных для нас, вернее, для наших представлений о собственности.

Почему, Сергей Сергеевич, на семьдесят втором году жизни нашего государства вдруг так серьезно мы стали обсуждать вопрос о собственности? Вроде бы жили столько десятилетий спокойно, без забот и — на тебе: занялись обсуждением проблем в тех областях, где ранее не допускалась даже сама мысль о дискуссиях?

— Я думаю, что вопросы эти возникли именно сейчас не случайно. До этого мы много говорили о революционных преобразованиях, о реформе всей жизни в нашей стране, о том, что происходят коренные изменения всего нашего общества, то, что мы называем, пожалуй, неточным словом «перестройка». Но никакой переделки, никакой революции или перестройки общества не может быть до тех пор, пока не будут изменены отношения собственности, ее формы, ее характер — все то, что лежит в основе общественной жизни. И настоящие крупные перемены возможны лишь тогда и постольку, когда и поскольку преобразованы отношения собственности.

Для нашей страны это особенно значимо, потому что наш предшествующий эксперимент, та версия социализма (левокоммунистического, военно-бюрократического толка), которой мы придерживались, была построена на огосударствлении собственности, на соединении государственной власти и отношений собственности, что не позволило полностью раскрыть потенциал последней как ценности цивилизации, как основы экономической и социальной жизни.

Поэтому предлагаемый ныне проект Закона — это вопрос о нашем социальном строе, о его видении. На одном из заседаний Верховного Совета я даже сказал, что это экономический и социальный манифест нашей перестройки. Если мы идем на крутые преобразования, мы не можем ограничиться мелкими, чисто косметическими мерами. Нашу жизнь надо переделывать в соответствии с общечеловеческими цен-

ностями, с общей линией прогресса. И не решив вопроса о собственности, мы ничего не решим.

— Вас убедил в этом наш предшествующий опыт?

— Да. Негативный опыт подошел к черте, когда нужно что-то кардинально решать. Это трудная задача даже чисто психологически. Не случайно и на недавней Всесоюзной научно-практической конференции по проблемам радикальной экономической реформы, и на телевидении, и на митингах, и разных совещаниях порой раздаются предостережения, что мы ломаем социализм, что создаем поприще для разворовывания государственного имущества. Я думаю, что при учете нашей нынешней критической ситуации хуже уже быть не может. Надо создавать эффективную товарно-рыночную экономику на нашей социалистической основе, которая бы защищала интересы людей, расковала бы творческую энергию, предпринимательскую инициативу человека, связала бы экономическую жизнь с живым людским интересом, чем и обеспечила динамичное, восходящее развитие всего общества. Разумеется, мы должны одновременно принять меры для сдерживания стихийной стороны этого процесса.

— Вот как раз об этом и речь, когда говорят, что социализму в нашей стране придет конец...

— Нет, не придет. Напротив, это будет действительно реальный социализм. Слово «реальный» плохое, мы уже замучили его, скажем поэтому иначе: это будет социализм, обращенный к людям, их интересам...

— Где-нибудь, на ваш взгляд, уже есть подобный опыт или какие-то зачаточные его черты? Пусть у себя мы сделаем иначе, но посмотреть, как дело вышло у других, все-таки стоит. Можно ведь учиться и на чужом опыте, а не только на своем. Или мы опять пойдем первооткрывателями торить новую дорогу по первопутку?

— Я не думаю, что мы будем первооткрывателями. Я уже высказывался на этот счет, но должен сказать, что моя мысль воспринимается пока что довольно осторожно. Я считаю, что социал-демократическая версия социализма, которая реализовалась в северных странах Европы — Швеции, Норвегии, Финляндии,— в какой-то степени выражает воплощение общесоциальных, общечеловеческих ценностей. Только нам эти ценности нужно еще с большей силой увязать с идеалами человека, с его интересами, предотвращая одновременно стихийные процессы, которые могут возникнуть. Другими словами, мы должны суметь взять все положительное и несущее социалистические тенденции, что смогло пробить себе дорогу даже в условиях капиталистического общества, и обогатить его идеями, которые несла в себе Октябрьская революция. Я думаю, что такое сочетание и будет более надежным и верным путем, который убережет нас от очередных страшных экспериментов, которыми нам все время сейчас грозят: заведете, мол, страну не туда. Швецию никуда не завели, и Норвегию никуда не завели. Все есть, чтобы можно было спокойно жить по-людски, и человеческие права гарантированы. Если мы сумеем все это одухотворить началами глубокой нравственности, пониманием добра, справедливости,— вот тогда и получим искомое. С чем, собственно говоря, связан настоящий социализм? Утвердить в мире СПРАВЕДЛИВОСТЬ! Это-то больше всего и нужно людям. И нам, и нашим детям, и нашим внукам.

— Хорошо, цель ясна: построить лучшее во всех отношениях общество. Но что для этого нужно сделать?

— Сейчас наметились две крайности. Одни предлагают чуть-чуть модернизировать государственную собственность, выдвигая на первый взгляд довольно революционную идею: считать имущественное положение государственного предприятия положением собственника на имеющиеся на нем орудия и средства производства. На мой взгляд, это замаскированная разновидность наших старых догм и стереотипов.

Это один взгляд. Другой: «Давайте внедрять частную собственность!»

Я считаю, что оба эти направления — крайности. И, как во всяком деле, нужна золотая середина. Мне кажется, что от частной собственности нужно взять все позитивное, конструктивное — индивидуализация имущественных отношений, предпринимательство — и воплотить это на нашей социалистической основе, на коллективистских началах и принципах прежде всего.

В то же время нужно резко отойти от всеобщего огосударствления собственности. Начать — я такой термин часто употребляю, и он, кажется, начинает внедряться — ее разогосударствление.

— Какой смысл вы вкладываете в это понятие — денационализацию собственности?

— Как раз наоборот. Разогосударствление противопоставляется термину «денационализация». Денационализация — это передача государственной собственности в частные руки. Разогосударствление — это процесс, когда преодолевается монопольность государственной собственности, когда при сохранении ее общественной основы прямыми ее хозяевами становятся непосредственные производители. Происходит соединение производителей и средств производства. В этом-то и заключается основная идея: передача средств производства организациям трудящихся.

— А не может при такой передаче возникнуть конфликтная ситуация: одни работают на современном предприятии, с дорогостоящими фондами, другие — на фабричонке с допотопным оборудованием. У них и производительность труда разная, и стоимость выпускаемой продукции тоже. Как быть с социальной справедливостью? Ведь в свое время государство вкладывало в эти предприятия разные средства, но из нашего общего кармана...

— Все дело в том, каким способом произойдет передача экономической власти. Я хочу особо обратить внимание на этот термин — «передача экономической власти». Сейчас у нас многие зациклились на вопросе о власти.

«Давайте брать власть!», «Давайте передадим власть от партии — Советам! От ведомств — предприятиям!» И так далее.

Я вам скажу откровенно, не только с научной точки зрения, но и моего чисто личного понимания: пока власть в обществе остается централизованной, диктаторской, передавай ее от одного к другому или не передавай, она все равно такой и останется. И зависит она от экономики. Бюрократическое, огосударствленное хозяйство требует именно такой власти. Придут на места нынешних бюрократов молодые, энергичные, радикально мыслящие ребята, воюющие сейчас с аппаратом, и сразу или через какое-то время станут такими же аппаратными чиновниками, как их предшественники. Будут точно так же командовать, «решать» вопросы, потому что другого выхода у них просто нет. И не будет. Экономическую-то власть нужно передавать трудящимся, и это сразу решит многие наши проблемы: и демократии, и национальных отношений, и другие, ибо создается благоприятный фон для этого.

Способы этой передачи экономической власти как раз и содержатся в проекте нового закона. Главный из них — аренда. Коллектив трудящихся получает в аренду имущество своего предприятия, уплачивая арендную плату сообразно стоимости этого имущества. За счет собственных доходов трудящиеся будут его использовать, наращивать и обновлять фонды, а впоследствии могут и выкупить. Выкупить, а не получить в качестве подарка!

Так что стартовые позиции будут у разных предприятий уравнены, и ни один коллектив — даже самого современного предприятия — не получит преимуществ. Арендные отчисления уравняют положение всех. Вот почему, кстати, на первом месте в законодательной деятельности (и это, как известно, уже реализовано) в Верховном Совете выдвинулся Закон об аренде.

— Ну хорошо, рабочие выкупили свой завод или фабрику. А дальше-то что?

— После этого они становятся самостоятельными товаропроизводителями. Мы долго думали, как назвать такое предприятие. Сначала хотели по-бочаровски — народное предприятие. Но что такое народное предприятие?.. Все предприятия, основанные на общественной собственности,— народные. Теперь предлагаем: либо ассоциация производителей, либо коллективное предприятие. Ассоциация производителей хорошо ложится на одно из марксовых положений, которое мы подзабыли. Карл Маркс считал, что будущую экономическую структуру будут образовывать свободные ассоциации производителей.

Таким образом, когда трудовой коллектив выкупит свое предприятие, его положение будет близко к положению промышленного кооператива. И вся экономическая структура предстанет как раз в виде либо цивилизованных промышленных кооперативов, либо коллективных предприятий, ассоциаций производителей, которые выросли из арендных предприятий. Конечно, при этом сохранятся и чисто государственные, которые будут держать в своих руках ключевые отрасли: железные дороги, энергетику, трубопроводный транспорт, оборонные заводы.

Таким образом, создается многомерная структура с многообразием форм собственности, в которых допускается участие и отдельных граждан...

— Чем? Трудом или капиталом?

— Трудом, конечно.

— Значит, положение рантье исключается?

— В чистом виде рантье, который бы жил за счет стрижки купонов, не может быть. Но в какой-то степени элементы такой уступки придется сделать, потому что акционерная форма неизбежно должна привести к этому. От этого момента никуда не денешься.

— Выходит, складывающаяся структура будет выглядеть следующим образом: государственные предприятия, которые неизбежно в новой обстановке обретут большую, чем теперь, самостоятельность, ассоциации производителей, выросшие из арендных предприятий, цивилизованные кооператоры и отдельные граждане, которые могут обладать производительной собственностью и средствами производства. Но это в промышленности и сфере услуг. А как в сельском хозяйстве? Как быть с землей и землепользованием?

— В сфере землепользования главная идея заключается в том, что мы вообще отказываемся от понятия собственности. Вокруг этого термина шли довольно драматические и жесткие дебаты. Другого, собственно говоря, нельзя было и ожидать, так как тут многое повязано с национальными отношениями. Представители союзных республик и наших автономных образований провели остро направленную наступательную линию: мол, все, что лежит в пределах наших национальных границ, принадлежит нашему народу. Проблема из проблем, решить которую будет очень сложно. Мы проводили идею, что надо различать две юридические категории: народное достояние и собственность. Земля и ее недра — народное достояние, которое не может быть индивидуальной собственностью. Это соответствует и Марксу, и логике вещей, и нормам нравственности. Это заложено в самой природе этих объектов: они от бога или исторической удачи. Отдельные же лица, те, кто обрабатывает землю, являются владельцами ее. Мы ввели даже новое понятие — крупное нововведение в законодательство — отдельный гражданин или семья получают землю в пожизненное наследуемое владение.

— Чем это будет отличаться от права собственности на землю?

— Тем, что полученный надел не может быть продан, пущен в обычный имущественный оборот со всеми вытекающими отсюда неизбежными негативными последствиями: спекуляцией, залогом и так далее.

— А может быть все-таки какое-то движение от одного владельца к другому?

— Может, но опять-таки под общественным оком.

— А именно?

— Если, допустим, крестьянин продает свою ферму, ликвидирует свое хозяйство, то покупатель приобретает право преимущественного получения и земельного надела. Право, защищаемое судом.

— От кого покупатель получает это право?

— От местного Совета.

— Другими словами, покупая, допустим, постройки, тракторы, машины и другие сельскохозяйственные орудия, я одновременно обретаю право и на землю, которой владел мой предшественник? По-моему, эта конструкция довольно уязвима и не спасет нас от спекуляций общенародным достоянием. Под предлогом продажи своей фермы и принадлежащего ему инвентаря землевладелец может торгануть и землей, которая вовсе не является его собственностью. Простейший пример: дом поблизости от Москвы, особенно если рядом лес, дорога, озеро, речка, стоит гораздо дороже, чем точно такой же дом, но где-нибудь верст за двести—триста от столицы, да еще в непролазном медвежьем углу. Я думаю, точно так же будут цениться и фермы, даже если их объективные показатели — качество земли, стоимость построек, инвентаря, скота — будут одинаковы. Удачное расположение тоже стоит денег.

— Конечно, можно торгануть и так. Но весь секрет как раз в том, что покупатель имущества получает землю не автоматически, а под контролем Совета и суда. Плюс надо предусмотреть народный контроль. И все это очень важно. Иначе вольная продажа обрастет спекуляцией, приведет к сосредоточению в одних руках участков, которые станут объектами имущественных операций, средством наживы. Подобная вольница может разрушить нашу экономическую структуру. Между прочим, и за рубежом уже нет былой свободы в отношении земли. Она находится под жестким государственным регулированием. Так что с точки зрения наших идеалов, понятий справедливости такое положение вполне приемлемо, оно, кстати, хорошо ложится на природу нашей русской сельской общины. Нельзя, чтобы образовывались латифундии, чтобы кто-то становился помещиком. Да это еще в условиях, когда сюда может ринуться со своими ресурсами теневая экономика. А это неизбежно, если будет свободная купля-продажа земли. Поэтому формула пожизненного наследственного владения, очень близкая к тому, что мы понимаем под собственностью, представляется наиболее оптимальным решением вопроса.

— На Всесоюзной научно-практической конференции по проблемам радикальной экономической реформы, о которой вы уже упоминали, бурные аплодисменты срывали те выступающие, которые довольно критически оценивали новации, проводимые в нашей экономике сегодня и планируемые на будущее. А ведь присутствовали в зале не только кабинетные ученые, но и вид-

ные хозяйственники, партийные и профсоюзные руководители довольно высокого ранга, как раз те люди, на чьи плечи ложится теперь практическое осуществление экономических преобразований. А они, оказывается, уже заранее их не воспринимают...

— Это естественно. Идеи уравниловки, невозможности конкуренции, идеи бесхлопотного, построенного на всеобщем иждивенчестве существования настолько укоренились в умах, что это, я считаю, будет угнетать нас еще десятилетия. Если мы этого не преодолеем, мы будем все больше и больше хиреть, катиться по наклонной плоскости.

— Горьковская Васса Железнова как-то сказала: «Наше — это, значит, ничье». Иными словами, собственность без хозяина — прямой путь к растащиловке. Как примирить эти два противоборствующих полюса: общественное и личное?

— Я считаю, что аренда — притом непременно деятельная аренда — как раз и позволит сделать «наше» «чьим». А «наше» в той форме, как сейчас, порождает психологию: хватай, грабь, используй. Корень решения проблемы — в передаче экономической власти. Передайте ее работнику, пусть сам хозяйничает, пусть получает то, что заработал. Но не особенно-то на это идут. В Верховном Совете промелькнула формула «Хозяин не бастует». Правильно, не бастует. Но верно и другое: хозяин при рыночном производстве плохо не работает. Иначе он лишится средств существования. Механизм рыночных отношений заставляет людей работать хорошо, не быть иждивенцем.

— Но возникает вопрос, как действовать на свободном рынке предприятиям, которые перейдут на предлагаемые вами формы, если они не имеют опыта работы на таком рынке, да и самого рынка-то пока что нет?

— В этом как раз и заключается первейшая задача – создать такой рынок. Сейчас мы предусматриваем, что на первых порах ограниченный госзаказ нужен. Но его размеры должны быть такими, чтобы у коллективного предприятия было достаточно средств и возможностей распоряжаться результатами своего труда. Без этого рынок невозможен. А дальше нужно находить формы выхода на рынок. Может быть использован опыт прошлых лет, так называемые коммерческие магазины, оптовые базы. Уже промелькнуло предложение создать «белый рынок» как противовес нелегально существующему «черному рынку». Пусть на этом открытом рынке товар пока что будет в два-три раза дороже твердой цены, но главное, чтобы у предприятий появилась возможность купить то, что им нужно. Деньги-то у них есть, а купленный товар быстро поможет оправдать высокую цену. К тому же коммерческая эта цена по мере насыщения рынка начнет падать. Надо только, чтобы этот рынок заработал.

— Тогда у меня еще два вопроса.

Первый: как будут строиться отношения между ассоциацией трудящихся и обществом? Второй: какие отношения будут складываться между ассоциацией и отдельным ее членом?

В теории у нас всегда все хорошо получается. Когда же дело доходит до практики, начинается разнобой. Многое объясняется нашей склонностью к полумерам, постоянным отступлениям от намеченного курса, а то и стремлением, не доводя дело до конца, встретив первую трудность, разворачиваться на 180 градусов и спешно рвать в противоположную сторону.

Теоретически понятно, что для успешного сотрудничества сторон должны соблюдаться материальные интересы ассоциации и общества, ассоциации и личностей, которые в нее входят. Но как это будет выглядеть на практике? Где гарантии, что декларируемые в законах права будут соблюдаться? Ведь многие воспринимают идеи об арендных предприятиях и самостоятельных фермерских хозяйствах настороженно именно потому, что в памяти сидит коллективизация. Тогда ведь тоже вроде бы обещалось крестьянину, который приводил на артельное подворье лошадь, корову, сельхозтехнику, что, случись ему выходить из колхоза, он получит соответствующую компенсацию. А что оказалось на самом деле? Он не только не получал никакой компенсации, но и сам-то не мог выйти из колхоза.

— То был процесс, связанный с доминированием тех начал, которые называются огосударствлением всех экономических отношений...

— Но был Устав сельхозартели, где отношения колхоза и колхозника выглядели несколько иначе...

— Все законодательные акты — это только отражение реальных процессов, происходящих в обществе. Правильно, по уставу колхозник имел право получать при выходе денежную компенсацию причитающейся ему части неделимого фонда. Но дело в том, что сами колхозы, по существу, потеряли статус реальных кооперативов со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— Не повторится ли и на этот раз та же самая история? Правда, уже не с колхозами, а с арендными предприятиями, фермерскими хозяйствами и так далее?

— Нет, этого не должно случиться. Что касается чисто теоретической стороны, предлагаемый проект Закона еще нуждается в некоторой шлифовке, необходимо расставить некоторые акценты, но главное зерно он все-таки уже несет. Ведь одним из главных подразделений в промышленности будет не просто ассоциация производителей, а СВОБОДНАЯ ассоциация производителей. Это значит, что в экономических отношениях она будет обладать достаточной степенью свободы, которая необходима для товарно-денежных отношений.

— В проекте Закона слово «СВОБОДНАЯ» отсутствует.

— Но это только проект, в самом Законе же оно должно, на мой взгляд, быть.

— Мне не совсем ясно, что стоит за формулировкой «достаточная степень свободы». Что конкретно включает в себя это понятие?

— То, что ассоциация является собственником средств производства или, во всяком случае, обладает правами, позволяющими быть настоящим хозяином арендуемого предприятия, свободно распоряжаться своими средствами производства и обретать право собственности на производимую продукцию, а также право свободно распоряжаться ею. Без этого невозможны настоящие товарно-рыночные отношения.

Таким образом, права, предоставляемые ассоциациям трудящихся, очень ограничивают степень государственного регулирования их деятельности. Государство должно создавать условия для нормального функционирования ассоциаций, не связывать их деятельность и гарантировать юридически возможность такой деятельности.

В то же время Закон и налоги обеспечат интересы всего общества.

— То есть налогами можно регулировать монопольные цены и прочие негативные явления, которые могут возникнуть?

— Вот именно. Законодательство будет налагать определенные ограничения на деятельность ассоциаций, и главное ограничение — борьба с монопольными устремлениями производителей. Мне вообще думается, что в перспективе будущее нашей экономики не за гигантами индустрии, а за средними и мелкими предприятиями, потому что тут легче сочетать интересы общества и коллективов трудящихся.

Что же касается внутренних взаимоотношений в коллективе, то опять-таки определяющим фактором и здесь будет свобода.

— До какой степени? Предположим, член ассоциации решил перейти работать в другой коллектив — в этом случае ему будет возвращена часть накоплений, которая создана его трудом, или же его пай пропадет?

— Он должен обязательно получить его. Допустим, если работник переходит на новое предприятие, его пай может быть перечислен туда. Если он пожелал обрести самостоятельный статус, ему обязательно должны выдать соответствующую компенсацию. При всех вариантах его труд не должен пропасть.

— Государство должно, ассоциация должна, член ассоциации должен... Теоретически — полное взаимодействие и взаимообязанности. Но будут ли на практике работать все заложенные в новом Законе положения? Не будем ходить за далекими примерами. Сколько разумного и прогрессивного было заложено в Законе о кооперации. Но как только дело дошло до их реализации, большинство кооператоров, призванных завалить нас своими товарами, кинулось в откровенную спекуляцию, а государство тут же стало менять им же созданные и принятые законы. Вот и все взаимные обязательства...

— Это произошло потому, что не заработал рынок. Там, где дефицит, там и спекуляция, монопольные цены. У наших первых кооператоров не было конкурентов. Нам необходимо это учесть на будущее. Рынок начнет работать только в том случае, если мы добьемся массового перехода производства на аренду и в кооперативы. Создать искусственно рынок нельзя. Только когда за ассоциациями трудящихся будет подавляющее большинство и они, дабы выдержать конкуренцию, будут вынуждены вкладывать свои средства в развитие производства, дело двинется с мертвой точки. Никакими юридическими мерами нельзя заставить производителя внедрять научно-технический прогресс, пока это ему не будет выгодно. Более того, пока он не почувствует, что без такого внедрения он просто пропадет. Тут нужен стимул больший, чем простая выгода. Стимул, связанный с самим существованием: или внедряй новшество, или ты пропал.

Вот сколько времени мы бьемся над повышением производительности труда и внедрением достижений научно-технического прогресса. Каких только постановлений не принимали на эту тему! И все без толку. Не будут предприятия этого делать, хоть ты солдат ставь, хоть в тюрьму сажай. Только заинтересованность высшего порядка может дать результат: не будешь хорошо работать — вылетишь в трубу, а хорошо работать не сможешь, если не станешь внедрять технические достижения. Механика очень простая.

— Простая-то простая. Но как запустить ее в действие?

— Мы считаем, что наряду с развитием кооперации главный способ — арендные предприятия. В чем их привлекательность? С одной стороны, сохраняется незыблемость общественной собственности, с другой — арендатор обретает положение реального хозяина, выравниваются стартовые позиции. Это удивительное положение — своего рода социально-экономическое изобретение. Аренда, известная еще со времен древнеримского права, как бы специально была уготована для нашего времени.

— Когда, на ваш взгляд, эта система начнет работать? Во сколько лет мы уложимся?

— Мы стремимся сделать все возможное, чтобы этот механизм заработал с января 1990 года. То есть чтобы с этого момента начался массовый переход на аренду. И очень хорошо, если бы началось действительно широкое народное движение за переход трудовых коллективов на аренду.

— С каких производств приступим?

— С мелких и средних. Крупные очень трудно переводить, почти невозможно. На таких предприятиях сначала на аренду перейдут цеха. Но тут надо очень четко различать аренду и арендный подряд. У нас эти разные вещи часто смешивают.

— С нового года мы должны, как вы сказали, в массовом порядке начать переход на новую экономическую систему. Наверное, не все сразу будет получаться так, как надо, дело-то новое. Но, может быть, уже сейчас есть какие-то примеры, какой-то положительный опыт, которые можно было бы взять за образец и не изобретать в очередной раз велосипед?

— Таким примером могли бы стать Бутовский комбинат под Москвой, ряд предприятий у нас, на Урале. Есть и другие. Конечно, пока таких предприятий маловато, так как мы только-только начинаем. Но важна тенденция. Сейчас наблюдается большая тяга предприятий к переходу на арендные отношения. И, что особенно ценно, за это начинание выступают директора, ибо понимают, что оно не в кабинетах придумано, а продиктовано самой жизнью. Его поддерживают и трудовые коллективы, которые даже сейчас, когда получают мизерный процент от своего вклада в производство прибавочного продукта, видят в этом хороший стимул для увеличения производительности. Когда же мы начнем оценивать такой вклад по-настоящему, и дела пойдут веселее.

— Но некоторые опасаются, что при этой системе предприятия будут проедать свои доходы.

— Уверен, этого не случится. Хитрость в том и заключается, что коллективы заинтересованы вкладывать свои доходы в производство, научно-технический прогресс, потому что в противном случае они вылетят в трубу. А при рыночном хозяйстве тем более. Они будут вынуждены модернизировать производство, потому что поймут, что, вложив доходы в это дело, они через пару лет получат втрое больше, чем сейчас.

— И тут опять возникает вопрос о гарантиях. Не получится, как с кооперативами? Сначала: давай-давай! А как только они стали много зарабатывать, им перекрыли кислород...

— Вот именно поэтому в проекте Закона о собственности две соседние статьи (34-ю и 35-ю) мы специально посвятили гарантиям и защите права собственности. Впредь не будет никакого раскулачивания.

Именно поэтому в статье 35 проекта Закона предусмотрено, что, если Союзом ССР или союзной республикой будет принят законодательный акт, который прекратит или ограничит право собственности, собственник, которому в результате принятия такого акта причинен имущественный ущерб, вправе предъявить в суд иск к государству о компенсации своих потерь... Подчеркиваю: к государству!

— Юридически, я понимаю, все вроде бы обеспечено... Но ведь и раньше у нас юридически декларировались многие права личности, которых она практически не имела.

— Извините, но раньше дальше декларации прав дело не шло. Не был предусмотрен даже механизм обеспечения этих прав. И если сейчас мы так резко рванули в судебной реформе, то не только потому, что сама судебная реформа как таковая необходима, но и потому, что она становится гарантом всего другого, что мы будем делать. И без этой гарантии все наши другие нормы не осуществятся реально, что еще больше укрепит неверие людей в возможность радикальных перемен. Вот почему у нас так переплетены все линии. Такова стратегия.

— Ну хорошо, юридически аренда вступает в силу с первого января 1990 года. А реально когда она, на ваш взгляд, начнет давать... скажем так... продукцию?

— Я оптимист. Думаю, это произойдет довольно быстро. Как только люди увидят результат. Народ-то наш работать умеет, нужно только увязать результаты труда со стимулами. Если мы начнем в массовом масштабе внедрять настоящую аренду с первого января, то уже к концу года прорисуются какие-то позитивные результаты.

— Неужели ведомства так вот просто отдадут свои права арендным предприятиям, перестанут определять, как тем работать и что выпускать?

— Конечно, попытки давления сверху будут. Не так-то просто уйти от привычных форм управления. Но договор аренды как раз и призван четко определить и уравнять взаимные права и обязанности сторон. Договор будет гарантией того, что ни верхний, ни нижний не переступит определенных границ. Тем более что у нас есть задумка пойти дальше (этого в проекте Закона о собственности еще нет): распорядителями имущества при аренде должны стать Советы. И мы уже в каких-то первоначальных наметках прорабатываем, чтобы договор об аренде переключался на Советы, а не на ведомства. А Советы действовали через финансовые органы (вариант П. Г. Бунича) или, что, на мой взгляд, предпочтительней, учреждения Госбанка. Уже сейчас есть примеры, когда заводы заключают договор об аренде сразу и с ведомством, и с местным Советом.

— Мне опять хотелось бы вернуться к реалиям нашей жизни. Как показывают наблюдения, существует очень большая прослойка руководителей, которые прохладно относятся к новшествам в отношениях собственности и вообще к экономической перестройке...

— Я бы не говорил «очень большая». Просто «большая»...

— Но это как раз тот средний слой хозяйственных руководителей, который и поддерживает инерцию старых методов.

— Согласен, это реальная сила. Ее надо видеть. Тут во многом сказываются опасения людей: черт ее знает, куда все это выйдет. И так все плохо, а тут еще предлагают неизвестно что. Раньше хоть что-то, но было, а куда заведут новации — вопрос. И надо сказать, что сопротивление есть не только сверху, оно идет и снизу. Люди понимают, что при новых отношениях придется вкалывать, нужно будет по-настоящему работать. И не всех это устраивает. Что греха таить, есть и такая философия: зачем мне все эти арендные эксперименты, если я получаю свои двести рублей, не переутомляясь, да еще имею левую халтуру, не надо мне ваших высоких заработков, если за них нужно будет день и ночь вкалывать. Все хотят хорошо жить, а вот напряженно работать — нет.

— Мне, между прочим, непонятно вот что: в Верховном Совете в обсуждении проектов злободневнейших законов участвуют только народные депутаты. Почему не дается слово представителям управления хозяйством страны, представителям заинтересованных ведомств: министрам, их заместителям и так далее. У них, что ни говорите, практический опыт, наверное, есть какие-то дельные предложения. Почему они не выступают?

— Это у них надо спросить. Им никто не запрещает подняться на трибуну.

— Но тогда стоит пригласить...

— Заранее уверен, что все они выскажутся «за». Пройдя через чистилище Верховного Совета при утверждении их в должностях, они хорошо усвоили, как надо себя держать, что говорить. Заранее предвижу все, что они скажут: «Мы «за», но нужно все проводить постепенно, неторопливо, чтобы не разрушить созданного ранее».

— Но ведь идет торможение, и во многих случаях именно со стороны ведомств.

— Но торможение тихое, ползучее. Никто не говорит, что он против. И свои приказы оправдывает довольно убедительно, нельзя, мол, нарушать финансовые интересы, нельзя разорять и так далее...

К тому же для защиты аренды до последнего времени не было законодательной основы. Закон о ней только-только принят.

— Однако есть Закон о государственном предприятии. Он давно принят, и его вполне успешно нарушали...

— Время все больше и больше убеждает, что Закон о государственном предприятии — плохой закон. Хотя мы в свое время его бурно приветствовали. В нем много нечеткостей, которые позволяли ведомствам удерживать свою власть. И только Закон об аренде позволит предприятиям ставить вопрос о выходе из ведомства.

— Сейчас идет много дискуссий вокруг вопроса о частной собственности. Причем споры эти ведутся не только с официальных трибун, не только на научных конференциях, но и на массовых митингах, проводимых как формальными, так и неформальными организациями. Главный довод против возвращения частной собственности в нашу жизнь: это возврат к капитализму, возврат к эксплуатации человека человеком, отказ от завоеваний социализма...

— Мне знакомы все эти дискуссии и все доводы противников частной собственности. У Карла Маркса в «Капитале» есть размышления о генезисе частной собственности. Сначала она была трудовой частной собственностью, потом переросла в частнокапиталистическую, а позже, как он предполагал, произойдет отрицание отрицания и мы придем к индивидуальной собственности, которая будет как будто возвращением к частной собственности, но на более высокой ступени, на общественной, коллективистской основе. Вот сейчас, я думаю, мы и должны подтвердить начала такой индивидуальной собственности, индивидуального предпринимательства, не зацикливаясь на самом термине. По существу, речь идет о термине. И мы замкнули свою мысль на терминологической стороне дела, упуская подчас существо вопроса. То многообразие отношений собственности, которое сейчас утверждается нами,— это и есть воплощение в жизнь того позитивного, что несет в себе частная собственность как достижение цивилизации.

И если брать на вооружение зарубежный опыт, то нужно видеть именно те формы частной собственности, которые существуют в современном мире, а не в докапиталистическую эпоху. Нам надо взять те ее стороны, которые соответствуют нынешнему уровню научно-технического прогресса, организации экономики, ту форму собственности, которая обеспечила бы определенную регуляцию экономических отношений. Ведь сейчас за рубежом нет нерегулируемого рынка. Он тоже регулируется законодательством, маркетингом и другими средствами и методами. Нам предстоит интегрироваться в такую систему экономических отношений, которые соответствуют нынешнему уровню организации производства, а не возвращаться к прадедовским формам частной собственности.

И тут, как ни странно, смыкаются позиции и тех, кто выступает против частной собственности, и тех, кто призывает к возврату к ней. И те и другие в своих мыслях имеют в виду те примитивные формы ее, которые существовали в докапиталистическом производстве или на самых первичных стадиях капиталистического производства. Это некорректное сравнение. Нам говорят: невежество не признавать частную собственность. Но невежество как раз и состоит в том, чтобы брать примитивную форму частной собственности и интегрировать ее в современный индустриальный мир.

Вот сейчас многие предлагают: давайте разовьем частные фермы. Что спорить — нужное дело. Но! Переходить целиком на частное фермерство, минуя иные формы организации сельскохозяйственного производства, это не говоря уже о всяких мировоззренческих, идеологических издержках не соответствует современному уровню развития нашей страны и достижениям мировой экономики...

— Станем более голодными, чем сейчас...

— Или поставим страну под диктат мелких производителей, которые как эгоистические собственники начнут брать нас в заложники. Ведь крестьяне могут решить продавать зерно только за валюту или импортную технику. Давайте доллары, и все тут.

— Могут и наши фермеры точно так же поставить вопрос?

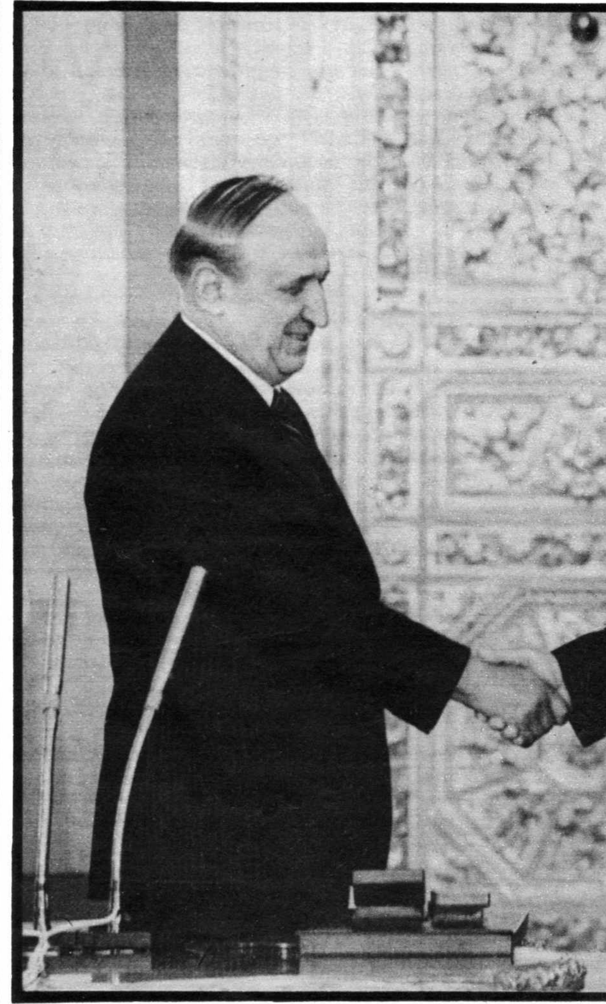
— Могут. Тем более что себя-то они всегда прокормят. А как остальным быть?

Поэтому современные формы собственности должны соответствовать нынешнему уровню индустриального века и цивилизации.

— И последнее. Прошлой осенью Верховный Совет СССР принял целый пакет законодательных актов экономического характера. В стадии обсуждения и подготовки сейчас находится еще ряд подобных законов. Они призваны стать правовой основой новых экономических отношений, которые формируются в нашей стране, юридическим базисом хозяйственной реформы. Какое место, на ваш взгляд, должен занять в этом ряду Закон о собственности?

— Если одним словом — первостепенное. Потому что без его принятия не обретут настоящую силу все остальные: о земле, об аренде, о наследстве и так далее. Закон о собственности — фундамент всех остальных.

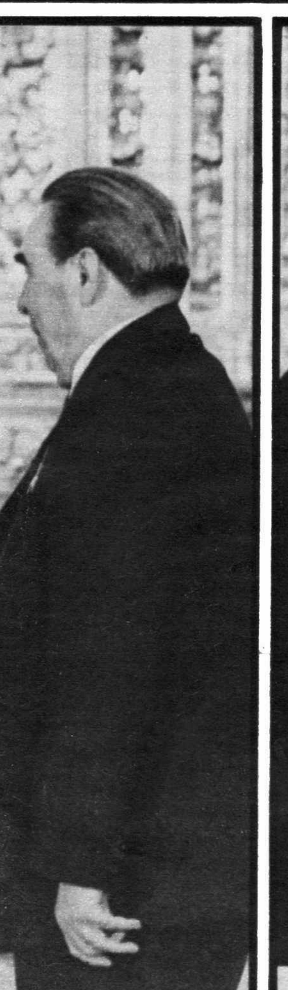

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЗВЕЗДОПАД

В канун Нового года народ казнил последнего из европейских диктаторов, и этим как бы замкнулся исторический круг, начатый тоже казнью русского последнего царя.
Исторические эпохи зачастую завершаются — хотим мы того или не хотим — кроваво.
Сейчас в нелегких, жестоких муках гибнет административный социализм — еще полный сил, но исторически обреченный, смесь самых разных способов унизить народ и руководить им, стращая и унижая.
Еще сильны те, кто рождал эту систему, и те, кто рожден ею, но народ уже не приемлет навязанных ему владык и счастья, к которому гонят силой. Все.
Кончилось.
Наши души очищаются в случившемся звездопаде.
Осыпаются звезды, которыми диктаторы декорировали друг друга, осыпаются лозунги, которых никто не читал.
Неуважение к народу, пренебрежение его интересами самоубийственно.
И прекрасно, что двадцатый век, в самом начале возмечтавший о народовластии, так уточняет свою мечту на пороге последнего десятилетия.
Идет политический звездопад.
Мы обретаем чистое небо, чистую землю и высокую обязанность достойно владеть ими.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

АППАРАТ И ЕГО ОКЛАДЫ ●
МЫ НЕ ЛОДЫРИ ●
ДОНСКОЙ МОНАСТЫРЬ В ОПАСНОСТИ ●

■

С октября нынешнего года проведено крупнейшее и, видимо, беспрецедентное в истории нашего государства повышение зарплаты работникам партийных, советских, государственных органов, профсоюзных и комсомольских организаций.

В райисполкомах и в нижестоящих Советах жалованье некоторых работников увеличилось более чем в два раза. Так, оклад председателя райисполкома с 340 рублей вырос до 550, его заместителя — с 270 рублей до 500, зав. отделом — со 180 рублей до 400. Зарплата председателя сельского Совета со 180—200 рублей увеличилась до 430, секретаря исполкома — со 150 до 350 рублей. Таким же образом повышено жалованье и в перечисленных выше организациях. Для того, чтобы показать, какие возникают при этом парадоксы, приведу следующий пример.

В нашей области совхозы, как правило, функционируют в границах одного населенного пункта и сельского Совета. Сопоставима ли ответственность секретаря исполкома, даже при условии назначения ему минимального оклада в 310 рублей, с заботами директора совхоза, который получает 300 рублей — при условии выполнения плана, а в течение года — по 240 рублей в месяц? Хлеб и мясо производятся все-таки в хозяйствах, а не в эшелонах местной власти. Основными причинами такого повышения называют низкую зарплату, предстоящие выборы и нежелание специалистов переходить на работу в эти органы. Действительно, все это так, и повышать оклады было нужно. Но в такой ли степени? И принесет ли это обществу желаемый результат? Думаю, что нет. И вот почему.

Работники Советов никогда не ставили первопричиной неудовлетворенности своей работой зарплату. Неудовлетворенность складывалась в основном из-за декларативных лозунгов о передаче власти Советам, которые не подкреплялись законодательством. Закон о местном самоуправлении в ближайшие год-два может дать эффект на уровне области; отправных точек для экономического изменения функций сельских Советов пока не видно. И возлагаемые надежды на приход новых кадров пока не подтверждаются практикой. За последние годы заменены многие министры, первые секретари обкомов и райкомов партии, председатели облисполкомов, а положение в стране ухудшается. Да и на выборах сменится только часть кадров, а будет ли работать лучше оставшийся аппарат при простом повышении окладов? Складывается впечатление, что страна неуправляема.

Предлагаю отменить в вышеназванных организациях повышение заработной платы, повысить ее лишь на уровне окладов в сфере материального производства, то есть на 25—30 процентов, и так же, как на производственных предприятиях, ввести премии за определенные показатели. Тогда у каждого работника появятся заинтересованность в делах курируемых отраслей и возможность зарабатывать зарплату, а не получать ее сверху.

В. ГАВРИЛОВ,
зам. председателя
Ольского райисполкома, экономист
Магаданская область

■

Прочитала в № 43 «Старики не могут ждать» и подумала, как правильно и своевременно сказано о том, что новый пенсионный закон должен гарантировать право пенсионеров на достойную жизнь.

Да, действительно, мы все пережили: войну, голод, работали, не щадя сил, подорвали здоровье, а вот увеличения пенсий по новому закону не заслужили. Потому что новый закон гарантирует нормальную жизнь только тем, кто выйдет на пенсию в 1991 году, а нас, пенсионеров со стажем, опять обошли, так и не решились сделать поправку к пенсии на многолетнюю теперь уже инфляцию.

У меня, например, общий непрерывный трудовой стаж 41 год, из них 22 года работала начальником отдела (в системе строительства), много занималась общественной работой. Воспитала двоих детей. Получаю на сегодняшний день максимальную пенсию, вроде бы и не о чем говорить. Но ведь не моя вина в том, что зарплата в период застоя была «заморожена», а в последние годы она резко возросла, повысились и цены. За тот же труд «свежие» пенсионеры в 1991 году получат пенсию в полтора-два раза выше, чем я. Вот и выходит: чем старше пенсионер, тем менее справедлив к нему новый закон.

Прошу внести изменения в проект. Поправка на будущий инфляционный процесс уже есть в новом законе. Но необходим и пересчет прежних пенсий с учетом реально существующей инфляции.

Т. ТОРТОЕВА,
ветеран труда
Иркутск

■

Проект Закона о пенсионном обеспечении граждан СССР предусматривает возможность для некоторых лиц иметь льготы за так называемые выдающиеся достижения и особые заслуги, право же решать, кого отнести к «особо заслуженным лицам», дается органам управления, то есть аппарату.

Ни для кого не секрет, что многие руководящие работники не только прежнего, но и сегодняшнего административного, советского и партийного аппарата заняли должности путями, которые имеют мало общего с выдвижением по действительным заслугам. Об этом красноречиво свидетельствует общее состояние страны. Все эти лица, занимающие высокие командные посты в административной системе, включая полностью дискредитировавших себя, видимо, будут признаны особо заслуженными и снабжены персональными пенсиями и другими льготами, как это делается сейчас. Боюсь, что предпринята очередная попытка аппарата не только сохранить незаслуженно присвоенные себе привилегии, но и придать им законный характер.

Уровень пенсий рядовых граждан регламентирован с точностью до рубля, а уровень пенсий и льгот этих лиц даже не оговаривается. Для них, в полном смысле слова, закон не писан, как это было всегда. Характерно, что желание протащить очередные льготы замаскировано с помощью попытки поставить знак равенства между доплатами к пенсии, которые делают предприятия для своих кадровых работников, и персональными пенсиями различных уровней. И все это выдается за явления одного порядка. Разница, однако, заключается в том, что в первом случае эти доплаты из собственных средств предприятия устанавливаются трудовым коллективом и им же контролируются. Во втором случае расходуются средства народа, но контролируется этот процесс не народом, а людьми из аппарата.

Все сказанное не исключает возможности индивидуального подхода к людям, имеющим действительно выдающиеся заслуги перед государством, союзной или автономной республикой. Но для этого необходимо в законодательном порядке установить уровень пенсий и перечень льгот для таких пенсионеров. Это должны быть статьи Закона, а не некий кулуарный документ, толкуемый произвольно. Что же касается предоставления статуса персонального пенсионера, то тут, мне думается, прерогатива Верховного Совета соответствующего уровня.

В. БЕЛЯНОВ,
член КПСС,
кандидат технических наук,
И. ГОРЕЛОВА,
инженер,
и другие, всего 12 подписей

■

В открытом письме главному редактору (№ 50) маршал С. Ф. Ахромеев очень скупо и как о само собой разумеющемся сказал о политорганах в армии. Хотелось бы уточнить некоторые детали.

Уважаемый Сергей Федорович! Вы призываете к диалогу, к логическому доказательству. В связи с этим — как велика численность политработников в нашей армии? А с учетом политических училищ и Военно-политической академии имени В. И. Ленина? Во сколько миллионов (или миллиардов?) рублей в год обходятся они нам, налогоплательщикам? Вы ссылаетесь на ленинскую инициативу по введению политических органов для руководства партийной работой. В те времена, когда армия создавалась из малограмотных крестьян и рабочих, обязательно нужны были комиссары для политработы. Другое дело — в наше, просвещенное время. Неужели коммунисты и партийные организации армии не призваны (далее Ваши слова) для проведения в жизнь политической линии КПСС в Вооруженных Силах, для сплачивания личного состава вокруг партии, для воспитания воинов в духе преданности социалистической Родине, для содействия упрочению единства армии и народа? Зачем же тогда изживший себя институт политработников?

Упразднение громадной армады политработников не только увеличит казну государства, но и поднимет ответственность, инициативу армейских парторганизаций, которые сами, без подсказки, будут заниматься вопросами партийного строительства в Вооруженных Силах.

Ю. ЦЫМБАЛ,
член КПСС с 1955 года

■

«Огонек» не раз обращался к теме лимитчиков в Москве. Также не раз с ответственных трибун объявлялось о прекращении наборов по лимиту — за исключением рабочих для ЗИЛа и Метростроя.

Но вот наша областная ярославская газета «Северный рабочий» 1 ноября этого года поместила следующее объявление:

«Ярославское монтажное управление треста «Центроэлектромонтаж» объявляет прием электромонтажников... в возрасте до 30 лет, холостых, отслуживших в рядах Советской Армии, для работы в г. Москве с пропиской по лимиту.

По истечении срока работы (5 лет) будет предоставляться жилплощадь с постоянной пропиской в г. Москве».

Как видите, ведомства продолжают вербовать рабочую силу, соблазняя московской пропиской.

А. КОНДРАЦКИЙ
Ярославль

■

Иногда можно услышать, что русские люди не умеют работать. Есть мнение, что если отдать Дальний Восток японцам, а Европейскую часть Союза немцам, то при том же населении можно добиться в хозяйстве больших успехов, расцвета.

А имел ли наш народ возможность по-настоящему работать, дали ли ему возможность показать себя в этом плане? Его материальное благосостояние, оплата труда не зависят от результатов труда: хорошо работающий и плохо работающий получают одинаково. Работает один, а блага имеют другие. Многое из того, что производится, гибнет из-за бесхозяйственности, халатности, низкого профессионального уровня и безответственности руководства. Бесконечные хозяйственные эксперименты приводят к плачевным результатам.

Пустые лозунги соцсоревнования, призывы уже не помогут. Нужны реальные перемены. А как могут люди работать, видно на личных садовых участках. Так кто же виноват в том, что мы не работаем, как могли бы?

М. ИВАЩЕНКО,
инженер-проектировщик
Донецк

■

Желая внести вклад в общенародное благотворительное движение, наша община ходатайствовала перед правлением Музыкального общества о проведении концерта духовной музыки силами хора и оркестра московской церкви Всесоюзного совета Евангельских христиан-баптистов. Сбор от этого мероприятия планировали отдать в фонд помощи малоимущим пенсионерам.

Руководители Музыкального общества и творческая интеллигенция города поддержали инициативу верующих. Заблаговременно был арендован зал Дворца культуры «Юбилейный», изготовлены афиши и программы, заказаны места в гостинице для приезжих хористов и музыкантов. Однако накануне концертов директор Дворца культуры вдруг сообщил, что он не может предоставить зал в связи с ремонтом отопления, и вернул деньги. Устроители благотворительно-культурной акции обратились в другие учреждения, но всюду встречали отказ типа: люстра ненадежная, балкон аварийный и т. п.

Почему же в других городах СССР

и за рубежом этот музыкальный коллектив находил доброжелательный прием, и только в Тамбове перед энтузиастами доброго дела захлопнули все двери? Кому же выгодно это закулисное противодействие духовному обновлению общества и сплочению гуманитарных сил в столь трудное для страны время?

МУКИН, ЯРМОЛЮК, ХАНЖОВА
и другие члены общины
Евангельских христиан-баптистов
Тамбов

■

Некоторое время назад в газете Ленинградского фарфорового завода имени М. В. Ломоносова «Трудовая победа» были опубликованы материалы «По какому пути развивать экспорт?». В них говорится о том, что администрация завода, игнорировав мнение коллектива художников и художественного совета, подписала контракт с американской фирмой «Бретфорд эксчейндис» на поставку коллекционных тарелок «в национальном русском стиле». С целью укрепления «русского духа» на тарелках ставится клеймо Дмитрия Ивановича Виноградова (род. ок. 1720— ум. 1758), а украшаются они деколью (переводными картинками) по рисункам современных художников лаковой миниатюры Холуя.

Спрашивается: в чьих не отягощенных элементарными знаниями национальной культуры головах родился этот шедевр эклектики, механического соединения совершенно различных по природе, традициям, времени и месту происхождения явлений отечественного искусства? Как можно ставить клеймо мастера-подвижника XVIII века, изобретателя русского фарфора на современных «новоделах» сомнительного вкуса? Разве перевелись на заводе Ломоносова свои художники, способные создать высококачественные деколи, не говоря о собственных творческих изделиях? Неужели необходимость заработать валюту освобождает от законов общечеловеческой нравственности и необходимости знания культурного достояния своего народа?

Сегодня в погоне за прибылью некомпетентные в вопросах искусства представители иных ведомств и экспортных организаций с поразительной легкостью распродают наше культурное наследие, потрафляя вкусам зарубежных фирм, воспринимающих «истинно русское» по сложившимся стереотипам псевдорусского стиля в духе «развесистой клюквы». Не только за рубежом, но и в нашей стране бытуют изделия сувенирных фирм и предприятий, заимствующих технологию и внешние черты стиля уникальных художественных промыслов. Вместо подлинных произведений мастеров Палеха, Федоскина, Жостова, хохломской росписи, дымковской игрушки магазины сувениров полны подделок под них, созданных в разных областях страны и нередко людьми, не обладающими необходимыми навыками мастерства. Если мы дезинформируем и не уважаем собственных покупателей, то не менее безнравственно выдавать эти изделия зарубежному зрителю за национальное русское искусство.

Не пора ли прекратить бездумный поток эклектики и псевдорусского стиля и дать дорогу подлинному русскому прикладному и народному искусству, защитив и отдельных художников, и тем более коллективы мастеров уникальных народных промыслов соответствующим законом об охране их авторских прав и мерах по их защите? А для получения необходимой стране валюты не проще ли тому же заводу имени Ломоносова делать повторения собственных лучших изделий прошлого, как это делает Мейсенское предприятие в ГДР? А огромные государственные средства, затрачиваемые сегодня на создание «промыслов-дублеров» и их чиновничий аппарат, не лучше ли направить в традиционные народные промыслы, где существующая система труда и жизненные условия не позволяют мастерам полностью реализовать свои богатые творческие возможности и ставят под удар само существование уникального искусства?

И. БОГУСЛАВСКАЯ,
доктор искусствоведения,
член Союза художников СССР
Ленинград

■

Одна из важнейших тем сейчас, наряду с разоблачением сталинизма,— утрата исторической памяти в России, национальных корней культуры.

В связи с этим хочу поднять вопрос о памятнике воинам русской армии, павшим в первой мировой войне 1914—1918 годов. Ведь их, погибших в сражениях, более двух миллионов. Могли ли они знать, сражаясь за родину и погибая в 1914—1918 годах, что их жертвы никому не будут нужны?

Нам не нужна выборочная память. Идя в атаку, воины шли на смерть за Россию. Я думаю, что памятник можно соорудить на народные средства, открыв для этого счет.

А. КИРИЛОВ,
механик, 38 лет
Махачкала

■

По методике определения инвалидности, которая существует у нас в стране и которая не соответствует принятой в развитых странах мира, в РСФСР 4 миллиона инвалидов, в СССР около 6 миллионов. Если использовать выводы Всемирной организации здравоохранения о том, что 10 процентов населения Земли являются инвалидами, и применить их к нашей стране, то реально в РСФСР их около 18 миллионов, в СССР — около 27 миллионов.

Из Афганистана в Советский Союз вернулись инвалидами 10 тысяч человек.

Эту цифру даю отдельной строкой, потому что наметилась определенная подмена понятий в общественном мнении: инвалидов-афганцев стали воспринимать как наиболее прогрессивных представителей инвалидов, а решение их проблем — как решение проблем всех инвалидов. Идет активный процесс строительства реабилитационных Центров для афганцев, для них закупаются инвалидные коляски, применяются прогрессивные методы протезирования, в том числе с выездом за рубеж, принимаются правительственные постановления. Все это замечательно, и я радуюсь за них.

Но вот что делать с инвалидами Великой Отечественной войны, с теми, кто стал инвалидом в результате событий в Чехословакии и Венгрии, Вьетнаме, на границе с Китаем, в других горячих точках планеты? Разве они не заслужили того, чтобы протезироваться в Чехословакии или ФРГ и иметь удобные коляски?

А инвалиды труда? Может, они принесли мало пользы нашей стране? А инвалиды с детства? Ни один ребенок не виноват, что рождается инвалидом или становится им в результате достижений нашей цивилизации. Ежегодно у нас в стране появляются на свет тысячи детей-инвалидов, и этот процесс постоянно нарастает.

Видимо, проблемы надо решать в комплексе для всех инвалидов, а не для каждой группы в отдельности.

Сейчас по отношению к инвалидам, и особенно к тем, у кого стойкие нарушения функций опорно-двигательного аппарата (эти люди составляют более половины всех инвалидов), не соблюдаются даже основные положения нашей Конституции. Права на труд, на отдых, на образование для них практически ничем не подкреплены. Решение Совмина СССР о создании на каждом предприятии двух процентов рабочих мест для инвалидов существует уже семь лет, но практически никем не выполняется. В стране нет ни одного специализированного санатория, дома отдыха или кемпинга (не считая г. Саки) для приема этой категории инвалидов, а ведь речь идет почти о миллионах человек.

Для решения проблем инвалидов необходима серьезная национальная программа, и мы надеемся, что она будет создана и реализована, но все дело в том, что инвалиды хотят нормально жить и работать уже сегодня, сейчас, а не в далеком светлом будущем. И сделать это надо в максимально сжатые сроки.

В. ДРОБОТЬКО,
зам. председателя производственно-потребительского союза «Рассвет»
инвалидов войны, труда и детства
Краснодар

■

Еще одному уголку старой России, старой Москвы грозит уничтожение. Завод «Красный пролетарий», несмотря на правительственные постановления о прекращении промстроительства, не связанного с потребностями городского хозяйства, ведет массированное наступление на шедевр русского зодчества — исторический памятник Донской монастырь. Строительство подошло к самым монастырским стенам. Некогда тихая Донская улица, с ее старыми деревьями, занята сегодня поверхностной теплотрассой. Донская площадь, с ее зеленым бульваром,— неотъемлемая часть архитектурного ансамбля, обеспечивавшая обзор монастырских сооружений,— фактически исчезла. Траншея для электрокабеля прорыта прямо через Некрополь, где погребены замечательные люди России — Чаадаев, Ключевский, отец русской авиации Жуковский.

Преступление на Донской площади давно вызывает возмущение общественности. Сопротивляется и дирекция расположенного в монастыре филиала Музея архитектуры имени А. Щусева. Сколько коллективных писем от сотрудников Музея и попечительского совета Донского монастыря ушло в различные инстанции — от райкома и райисполкома Октябрьского района Москвы до Советского фонда культуры!

Независимая экспертная комиссия, состоящая из представителей Союза архитекторов СССР, Госкомархитектуры, Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, Московского архитектурного института, экологов, инженеров, провела всестороннее исследование ситуации и выработала «щадящий» проект застройки. Заключение подано в Совет Министров СССР. Госкомархитектуры рекомендовал до решения Совмина приостановить строительство. Но решение задерживается. А заказчик-застройщик Министерство станкостроительной и инструментальной промышленности СССР, пользуясь неповоротливостью бюрократических инстанций, с ведомственным презрением промышленных боссов форсирует строительство.

Безразличие временщиков к тому, что останется после них, приводит в ужас. Транснациональные корпорации начала века вели себя достойнее. Нобель, добывая нефть на Апшероне, оставил после себя застроенный добротными зданиями в национальном стиле центр Баку. А что оставят после себя наши ведомства? Обезличенную землю и население, перестающее быть народом, утрачивающее историческую память и традиционную культурную среду обитания.

Превращая в промзоны исторические уголки нашей Родины, мы уничтожаем преемственность, память, самую душу народа, а значит — и будущее.

К. МУСАЭЛЯН,
В. АЛЯКРИНСКИЙ
Москва

■

Огоньковцы, которые занимаются ежедневной разборкой обширной почты, поступающей в адрес редакции, как-то уже привыкли к тому, что большинство писем содержит просьбы. Распечатав этот красивый конверт, мы были столь приятно удивлены, что решили полностью привести текст письма. Вот он.

«Уважаемый господин редактор!

Деловые круги США с большим вниманием следят за ходом перестройки в СССР. Благодаря политике гласности пресса в СССР является двигателем перестройки, но даже в этих условиях позиция журнала «Огонек» выделяется своей последовательностью и бескомпромиссностью.

Американская фирма КОМПЬЮ-ТРЭЙД ИНТЕРНЭШНЛ, ЛТД хотела бы содействовать материальному стимулированию журналистов, пишущих для вашего издания, и предлагает учредить ежемесячную премию в размере 500 советских рублей за лучшую публикацию месяца, определяемую читателями журнала.

С уважением к редакции, президент МАРК ПЕКАР».

Мы признательны американской фирме за внимание к нашему журналу, который ценят и за пределами страны. Думаем, что премию фирмы получат самые достойные авторы.

И все-таки чувство радости по поводу новой возможности поощрять талантливых журналистов имеет легкий привкус горечи. О делах «Огонька» (как-то неловко хвалить самих себя!) красноречивее всего свидетельствует его растущий тираж. К голосу журнала прислушиваются миллионы людей. А мы, огоньковцы, уже который месяц пребываем в состоянии тягостного ожидания: когда же, наконец, сбудутся обещания? Последние новости о предполагаемом переходе на хозрасчет: решено «не пущать».

Легче всего встать в обиженную позу сирот, которых обделили. Можно было бы пространно порассуждать об отечественных потенциальных меценатах и, как выясняется, о реальных меценатах западных, у которых слово не расходится с делом. Одно лишь несомненно: перестроечная формула «Чтобы лучше жить, надо больше работать», которую разделяем мы всей душой, по каким-то, не вполне ясным для нас причинам никак не вписывается в повседневную деятельность журнала «Огонек».

ХРОНИКА ФОНДА «ОГОНЕК» — АнтиСПИД»

Страшная беда давно стучалась в наши ворота. Мы распахнули ворота для нее. 1990 год. Снова запланирован острейший дефицит одноразовых шприцев, одноразовых систем для переливания крови, одноразовых внутривенных катетеров. А государство по-прежнему не выделяет необходимые валютные суммы на закупку линий, производящих одноразовые медицинские инструменты.

А значит, по-прежнему СПИД сможет беспрепятственно распространяться в больницах, поликлиниках, роддомах.

По-прежнему советский человек беззащитен перед этой смертельной болезнью. По-прежнему наши дети — под постоянной угрозой заражения.

Мы просим о спасении. Мы обращаемся ко всем развитым странам мира: помогите нам! Мы не в состоянии защитить себя от СПИДа, защитите нас! Вашим детям не грозит заразиться от простого укола, от грязной капельницы...— так спасите и наших детей...

Просим в благотворительных грузах присылать, кроме одноразовых шприцев, также и одноразовые системы для переливания крови, одноразовые внутривенные катетеры, в том числе подключичные (детские).

Спасите наших врачей. Наши медики, которые работают с инфицированными людьми, подвергают себя смертельному риску — ведь у них нет специальных защитных костюмов и специальных масок, наши хирурги делают операции в обычных перчатках, которые легко протыкаются скальпелем, иглой,— кольчужных перчаток в СССР нет. Советские акушеры-гинекологи работают в коротких перчатках — перчаток до локтя в СССР нет.

Просим присылать: одноразовые защитные костюмы для хирургов, кольчужные перчатки, длинные акушерские перчатки до локтя.

Помогите.

БОБ ГУЧЧИОНЕ,
основатель, президент и единственный держатель акций компании «Дженерал медиа интернейшнл инкорпорейтед», которая контролирует 80 дочерних компаний, занимающихся издательским делом, теле- и кинопроизводством, морским транспортом, разведением крупного рогатого скота, инвестированием; знаменитый меценат и филантроп, на его счету: проведение специальной Олимпиады для молодых людей с физическими недостатками и инвалидов, «Ситимилс он вилс» — «Столовая на колесах», предоставляющая бесплатно питательную пищу престарелым бездомным людям;
КЕТИ КИТОН,
вице-президент компании «Дженерал медиа интернейшнл, лимитед» и, как считают американцы, одна из наиболее значимых и очаровательных женщин в мире сегодня;
И, НАКОНЕЦ, ОНИ ОБА — основатели всемирно известного научно-бытового журнала ОМНИ, который начал продаваться в киосках СССР — включились в благотворительную кампанию «ОГОНЕК» — АНТИСПИД».

— Дорогой «Огонек», наша недавняя поездка в Советский Союз была захватывающим приключением. Мы были в восторге от того, что смогли лично присутствовать у вас в такое историческое время.

На нас также произвела очень глубокое впечатление ваша преданность борьбе со СПИДом в вашей стране, и мы будем оказывать вам материальную поддержку, чтобы помочь предотвратить этот кризис. Как вы указали, война против этой смертельной болезни требует интенсивного международного содействия.

В свете дружбы и сотрудничества нас очень интересует возможность поделиться с вашим народом ОМНИ, популярным американским научно-бытовым журналом, благодаря сотрудничеству между нашей фирмой «Дженерал медиа интернейшнл, лимитед», издательством «Наука» и Академией наук в Советском Союзе.

Мы были тронуты реакцией на первый русско-английский выпуск ОМНИ, все 21 000 копий которого были проданы через два дня после появления на прилавках советских киосков. Помимо важных статей о растущих проблемах окружающей среды, в этом номере советские читатели нашли приглашение принять участие в викторине «Охота за сокровищами», победитель которой будет объявлен в апреле и получит подарки и призы на сумму 100 000 долларов.

Последующие выпуски ОМНИ будут содержать специально заказанные произведения таких международно известных авторов-фантастов, как Рэй Брэдбери, Айзек Азимов и Фредерик Пол.

Мы вновь приветствуем вашу целеустремленность в борьбе со СПИДом и хотим помочь вам в вашей неотложной работе в течение следующих лет.

ОТ РЕДАКЦИИ. Первый благотворительный груз от Боба Гуччионе и Кети Китон доставлен Аэрофлотом из Нью-Йорка в Москву. Это 85 тысяч одноразовых шприцев, которые Фонд «ОГОНЕК» — АНТИСПИД» направляет в республиканскую детскую больницу Каракалпакии (город Нукус).

Министерство внешних экономических связей СССР:
Руководство, партийная и профсоюзная организации МВЭС СССР провели соответствующую работу во всех трудовых коллективах внешнеэкономических объединений с тем, чтобы ваша благородная инициатива нашла их поддержку.

ВВО «Союзвнештранс» готово рассмотреть отдельные обращения на предоставление услуг по организации доставки и перевозки грузов для Фонда «АнтиСПИД».

Кроме того, Главное валютно-финансовое управление сообщает, что для реализации программы «АнтиСПИД» собранные организациями министерства средства в сумме 25,0 тысяч инвалютных рублей через В/О «Внешпосылторг» поручением № 534 от 10.11.89 г. перечислены во Внешэкономбанк СССР на Ваш благотворительный счет.
Заместитель министра Ю. Н. Чумаков.

Владимир ВАСИЛЬЕВ:
— С радостью передаю в ваш Фонд по борьбе со СПИДом 10 000 долларов от имени артистов, принявших участие в благотворительном концерте в США. Вот их имена: **Екатерина Максимова, Ирина Пяткина, Иоланта Валейкайте, Кайе Кырб, Елена Радченко, Ирина Зайцева, Виктор Барыкин, Сергей Радченко, Айвар Лейманис, Сергей Соловьев, Александр Богатырев и ваш покорный слуга.**

Журналистка Вероника Ивлева (Москва) на заработанный гонорар привезла из Франции 2 тысячи 60 шприцев. Мы передали их во 2-ю Московскую инфекционную больницу, в отделение, где находятся дети, зараженные ВИЧ.

Как мы уже сообщали, в сентябре в Парижском музее современного русского искусства прошла международная благотворительная выставка-продажа картин с участием советских художников в пользу нашего Фонда.

Александр Глезер, организатор этой выставки, перечислил на валютный счет Фонда 25 тысяч франков за 9 проданных работ: Гуанзе «Свобода», Николай Ветштомов «Сюрреалистический пейзаж», Эрнст Неизвестный «Скука», Гарри Нейштадт «Взлет», Сергей Бордачев «Музыка», Вячеслав Калинин «Художник и его модель», Борис Заборов «Портрет», Олег Лягичев «Интерьер IV в.», Владимир Макаренко «Кровь и слезы».

Министерство морского флота СССР. Всесоюзное объединение по фрахтовым операциям и агентированию флота:
ВВО «Совфрахт» решило внести свой вклад в вашу кампанию борьбы со СПИДом. В настоящее время Объединение является акционером двадцати семи совместных компаний в более чем двадцати странах, которые занимаются обслуживанием советских судов и внешнеторговых грузов в портах многих стран мира.

В настоящее время совместные компании в Австрии, Бельгии, Голландии, ФРГ и ряде других стран готовы направить в Фонд «ОГОНЕК» — АНТИСПИД» около 1 миллиона одноразовых шприцев. Некоторые из них уже произвели закупки.
Генеральный директор В. Л. Шутов.

ОТ РЕДАКЦИИ. Учитывая эпидемиологическую ситуацию в портовых городах, эти шприцы мы направим в детские больницы гг. Владивостока, Батуми, Одессы.

Редактор русскоязычного журнала «Страна и мир», выходящего в ФРГ, Кронид Любарский:
«Дорогие коллеги! Спасибо вам за вашу инициативу! Мы незамедлительно займемся организацией помощи здесь. У нас есть определенные связи — по крайней мере в германоязычном регионе, в Скандинавии, Англии. Есть и некоторые идеи, что можно предпринять.

Пока высылаем вам несколько коробок со шприцами. Это наш личный вклад — от сотрудников редакции «Страны и мира». Там 6000 шприцев по 2 мл, 2000 — по 5 мл и 300 — по 10 мл плюс соответствующее количество игл. Когда соберем еще — пришлем еще».

СОКОРА — Корпорация советско-корейского сотрудничества (Сеул), президент Ю. Кван Мо:
«Искренне хотим поддержать вашу инициативу по борьбе со СПИДом. Для начала посылаем 32 800 одноразовых шприцев по 3, 5 и 10 мл. Доставку груза до Токио берем на себя, а из Токио просим забрать силами Аэрофлота».

ОТ РЕДАКЦИИ. Дар от СОКОРЫ направляем в г. Рязань, в родильное отделение при 10-й городской больнице.

«Лихорадка СПИДа» — так называется спектакль **режиссера Петера Хенце театра «Театрверкштатт» из ФРГ (г. Ганновер),** гастроли которого состоялись в Москве 29, 30, 31 декабря 1989 года и 1, 2 января 1990 года на Малой сцене Академического театра имени В. Маяковского и в городе Ленинграде с 5 по 10 января 1990 года в ТКЗ «Время».

Организатором гастролей стал Московский театр-студия «Театр-88» под руководством заслуженного деятеля искусств РСФСР А. Поламишева, а спонсором — Всесоюзный Центр Профилактической медицины Минздрава СССР.

Театр из Ганновера привез с собой благотворительный груз: **1000 презервативов от фирмы «Лаветра» из города Оффенбах; 7000 одноразовых шприцев от фирмы «Браун — Мелзунген» из города Лангенхазен; 10 000 одноразовых шприцев от фирмы «Бектон — Дикинзон» из города Хейдельберг.**

В редакцию «Огонька» пришли **ребята 898-й московской школы** и принесли 300 норвежских крон.

— Мы были летом в Норвегии, в маленьком рыбацком городке Снофьёрд. Валюты у нас не было совсем, и мы сказали: нам нужно заработать деньги на одноразовые шприцы. Тогда нам организовали рыбалку. Потом мы продали наловленную рыбу и получили 300 крон.

150 тысяч одноразовых шприцев от правления советских директоров Московского народного банка (Лондон) направляем в Ленинград, в детскую больницу № 19.

И вновь мы с трепетом листаем банковские сводки о перечислениях на благотворительный счет. Люди, которые живут далеко, говорят на других языках и вполне обеспечены одноразовыми шприцами, знают о нашей беде, думают о нас... Спасибо.

Пауль Шмитт-Вьеманн (ФРГ), сотрудник фирмы Маса-Декор Гмбх (Франкфурт), А. Б. Орехов (Ленинград), И. И. Бергер (Москва), Л. И. Соловьева (Москва), Р. М. Халмурзиев (Москва), Евгения Пейер (Цюрих), Е. Кругляков (сотрудник посольства СССР в Китае), В. С. Гинзбург (Москва), Пере Виньета (СССР), В. Я. Дворкович (Москва), военнослужащие (полевое учр. Госбанка), академик А. Г. Аганбегян (Москва), Зинаида Топилина (Лос-Анджелес), О. Л. Балаканов (Москва), Жерар Грассер (Франция), С. Н. Файбисович (СССР), Гертруда С. (фамилия неразборчива) (Лос-Анджелес), Евгений Евтушенко (Москва), П. А. и Н. М. Тулер (Великобритания), С. В. Юргенсон (СССР), Борис Моисеев (Берлин), Л. В. Юрженко (СССР), Е. С. Юртаева (СССР), Лутц Конрад (ФРГ), М. А. Шабаловский (Москва), Анатолий Рыбаков (Москва), Хельга Герлах (ФРГ), Б. В. Андреев (Москва), Л. С. Гуревич (Ленинград), Сильвия Грум (ФРГ), Геннадий Рождественский (Москва), Г. Б. Вайнштейн (Ленинград), В. А. Юровский (Ташкент), Альфред Шнитке (Москва), Геральдина М. Кох (США), Лейла Дахир (США), С. И. Лелюхин (Ленинград), Джек Либерман (США), Г. И. Багаев (Новосибирск), Ю. Ф. Юровский (Москва), Поль и Руфь Варрен (США), Дагней Эриксон (США), Виталий В. Эрслер (США), Галина Гамильтон (США), Надин Бленман (США) — спасибо вам.

На днях пройдет заседание Распорядительного совета Фонда, состоящего из авторитетных и уважаемых людей, и совет решит, как с максимальным кпд распорядиться вашими деньгами. Отчет будет опубликован.

Координатор
Фонда «ОГОНЕК» — АНТИСПИД»
Алла АЛОВА.

ОГОНЁК

ИЗ-ПОД КОПОТИ

Фрагмент фрески «ВВЕДЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ ВО ХРАМ». 1408 г.

Вглядитесь в эти лики. 582 года назад Андрей Рублев, расписывая Успенский собор, совершил нечто неподобающее монаху, преодолел аскетизм и сделал шаг к признанию земного мира, человеческой красоты.

Вот и я вглядывался в них лет 25 назад, да трудно было разглядеть с запрокинутой головой под копотью от свечей и лампад и к тому же в полумраке. Мы стояли в Успенском соборе с преподавателем философии из Брюсселя, богатым туристом, которого звали Дес Мот и который приехал во Владимир познакомиться с русской культурой.

Он был в полном восторге. Такси дожидалось за стеной собора, неумолимо накручивая конвертируемую валюту, а профессор не спешил. И сама Алиса Аксенова, молодая и красивая, уже тогда директор Владимиро-Суздальского музея-заповедника (больше четверти века человек несет вахту!), водила рукой под сводами: «Посмотрите направо, посмотрите налево...»

Потом мы ездили в Суздаль, и профессор Мот, окончательно измотав запас чувств, не в силах уже записывать, что видят глаза, лишь покорно кивал: о да, Россия — сфинкс!

А я, в ту пору молодой и ретивый, уже вышел на тему. В голову лезла какая-то неприглядность: в районе древних валов собирались сооружать спортплощадку; в центре Суздаля, на базаре, торговали семечками; нигде в городе даже для бельгийского профессора не нашли туалета; а в Спас-Евфимьевском монастыре, где могила Дмитрия Пожарского, размещалась колония несовершеннолетних преступниц — 250 душ; а в Покровском монастыре — дом инвалидов; а на деревянной церкви, привезенной из села Глотова и собранной без единого гвоздя (мне это особенно нравилось из-за созвучия с фамилией), красовалась надпись:

«СОШЕСТВИЕ СВЯТОГО ДУХА». 1408 г.

«Посетили этот сарай Таня Л. Таня М. Люся С.».

Ну и, конечно, ресторан — убожество.

И все же главное не это. А то, что я увидел во Владимире в Успенском соборе, украшенном фресками Андрея Рублева и Даниила Черного. Грязь, копоть, паутина, помахивание веником и тряпкой. Разрушающийся красочный слой. Пар, конденсат на стенах, когда зимой открывают двери во время службы. Печное отопление — то жар, то холод. Ни одного кондиционера. И вечные конфликты экскурсоводов со служительницами храма («Зажгите же свет, не видно фресок!», «Хватит, много нагорит, да и ничего интересного здеся нет»).

Мне показали подшивки служебных бумаг. Председатель Совета по делам Русской православной церкви при Совмине СССР — заместителю министра культуры. Зам. министра — во Владимирский облисполком... Тот ниже, ниже...

Потом ответный поток — наверх. И опять туда, сюда. С заключениями художников-реставраторов, с прошениями к властям предержащим от авторитетных людей, на которых в годы раннего застоя чихали, как и в годы позднего.

И я, не разглядев толком фресок, но поверив на слово прекрасной Алисе, что Рублев — это грандиозно, заверил молодого директора, что немедленно начну разбираться в этой проблеме, лишь попрощаюсь с любознательным бельгийским туристом.

...Давайте переведем дух. Остановимся, посмотрим еще раз на Рублева. Прервав речь о мирских хлопотах, отдадимся созерцанию молодого воина на одной из колонн, этого защитника земли Русской, чей образ не подвергся поздним записям и сохранился в подлинном рублевском колорите.

История, которую я рассказываю,— это частица борьбы многих людей — и профессионалов, и случайных очевидцев беды, вроде меня, борьбы против бездарности, пошлости, против трясины, поглощавшей среди русских полей и лесов великое национальное сокровище. Убийство фресок совершалось дико и одновременно буднично.

Мне кажется, об этом же думали и мои собеседники, которых я нашел тут же: одного в храме, другого за его стеной, на площадке, где возвышались постройки декораций. 25 лет пролежала запись беседы с настоятелем Успенского собора отцом Аркадием и с кинорежиссером Андреем Тарковским, снимавшим в ту пору «Андрея Рублева». Лишь фрагменты разговоров (естественно, без упоминания имени настоятеля) вошли в коротенькую заметку, опубликованную в «Комсомольской правде». Я и следы ее потерял, так она была мала и незначительна, эта колонка, оскопленная редакторской рукой.

Дом отца Аркадия я нашел с помощью работника обкома комсомола. Он упруго затормозил за сто шагов, наотрез отказавшись последовать за мной. Я вошел во двор, увидел мальчика в голубой матроске и гольфах, запускавшего на катушке пластмассовый пропеллер, других детей, игравших в бадминтон. Пошловато, с наигранной бесцеремонностью спросил: «Ребята! Здесь живет поп из собора?»

И мальчик в матроске, подняв глаза, вдруг ответил: «Да... это мой папа».

Вам когда-нибудь бывало в жизни очень стыдно? Мне было очень стыдно тогда, когда я шел за этим ребенком, а он, улыбаясь, рассказывал: «Вообще-то меня зовут Саша, но во дворе ребята привыкли называть почему-то Алик...» — и пожимал плечами.

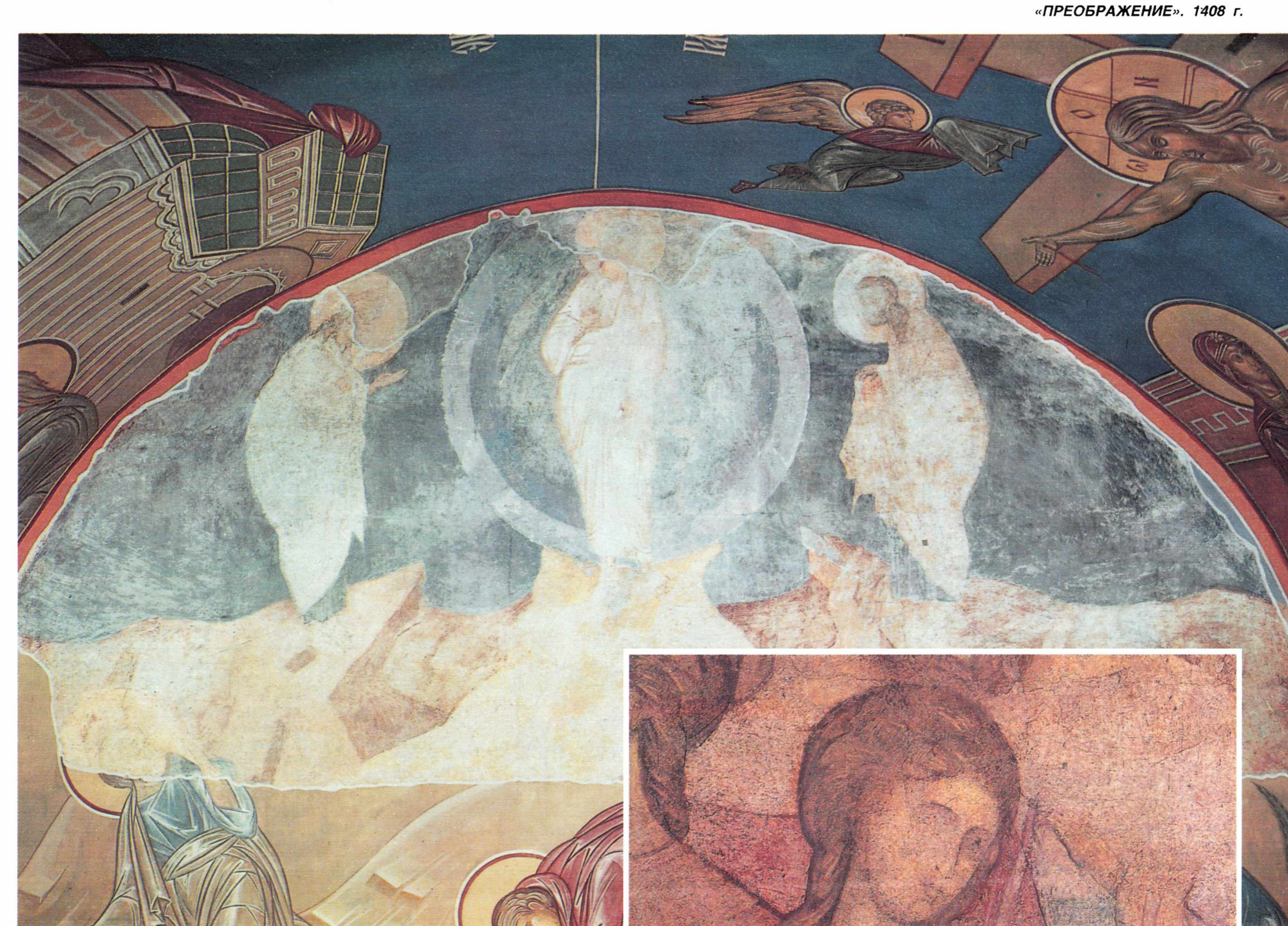
Стыдно было вдвойне: его брат в тот год утонул в Клязьме и я шел в дом, в котором еще свежо было горе.

Отец Аркадий с лицом артиста Названова поразил мое молодое воображение темой своей диссертации — о втором пришествии — и книгой Болеслава Пруса на столе, ну и, конечно, светской обстановкой да миловидной попадьей.

Вот запись тех лет.

Отец АРКАДИЙ: Мне дорог Успенский собор как святыня всеправославной церкви. Но... мы, духовенство, заняты духовной жизнью верующих. Нам приходится с трудом строить взаимоотношения с людьми, возглавляющими общину верующих. Хотя я и настоятель, но практических вопросов не решаю.. Я возмущен, что уборка в соборе, в том числе фресок Рублева, производится метлами. Мы, например, дома пользуемся пылесосом. А в храме — веником!.. Я, например, предлагал сократить количество лампад, зажигать их в одной трети собора — они не соглашались. Если собор пока у нас, это не значит, что мы изо дня в день должны использовать его для служб, тем самым сокращая век рублевских фресок. Ведь собор — достояние народа, государства. И народ в любое время может указать нам другое место, где молиться. Мы, духовенство, это понимаем, а вот староста нашей общины не хочет этого понять. Боятся, что если мы уйдем из собора, перенесем службу в другую церковь, чтобы сохранить рублевские фрески, то верующие люди могут этого правильно не понять и будут недовольны. Это неверно. Надо работать с народом... А староста распускает небылицы в народе, что вот, мол, собор скоро заберут. Поощряет слухи. Дело в том, что они заинтересованы не столько в службах в Успенском соборе, сколько в материальной выгоде. Им до Андрея Рублева нет дела, они безграмотные люди... В каком состоянии собор, вы можете судить сами. Я был в Мавзолее Ленина. Там чудесный чугунный пол. У нас в соборе пол тоже чугунный, но я, напри-

«ПРЕОБРАЖЕНИЕ». 1408 г.

«СВЯТОЙ РАТНИК УСПЕНСКОГО СОБОРА» (фрагмент). 1408 г.

мер, на колени в Успенском соборе не встану — потому что кругом грязь... Я лично не стою на позициях исполнительного органа. Если ученые говорят: «Гибнут фрески Рублева!» — значит, надо переходить в другую церковь. Чтобы потом перед будущими поколениями не быть нам в ответе... Совершать богослужение в Успенском соборе — это в интересах всех верующих. А сохранить произведения искусства Древней Руси, находящиеся в соборе,— в интересах всего народа.

На том мы с настоятелем расстались. Но ненадолго. Найдя в городе поскорее машинку, переписав беседу, я поспешил вернуться и, сгорая от стыда, посмотрел ему в глаза и простосердечно сказал: «Подпишите, отец Аркадий, ведь мне же не поверят...»

И отец взял у меня ручку и написал: «Протоиерей о. Аркадий Тыщук».

Но и это, как выяснилось, не помогло — не напечатали.

Тарковскому повезло чуть больше. С ним мы беседовали в местной гостинице на третьем этаже в комнате номер 36. Андрей Арсеньевич, молодой, в ковбойке, усы вразлет, ни на минуту не присел и говорил, все время расхаживая взад-вперед, был взволнован. В отличие от внешне спокойного, уютно сидевшего за круглым столом отца Аркадия Тарковский выпаливал в меня очередями коротких восклицаний.

Андрей ТАРКОВСКИЙ: Что может быть более вопиюще — разрушаются фрески Рублева. Я думал так: у нас свобода веры, но хоть тогда содержите, как надо. Церковь носит местечковый характер. Нельзя доходить до вопиющего невежества. Церковь чтит Рублева как мастера, в свое время было решено писать иконы так, как писал Рублев, а теперь Рублев разрушается. Я видел, как он сыплется! За год я вижу разрушения! И дело не только в том, что Рублев — это русская старина, наше прошлое. Это искусство! Это как Микеланджело! При чем тут взаимоотношения государства и церкви? Надо брать — и все! Указом Президиума! Если бы разрушался Микеланджело — весь мир бы поднялся. А тут? Ведь им цены нет! Они дороже Рафаэля! А тут служба, пар валит. Такое только в России может быть. И этот безвкусный алтарь — ужасно. Если бы все вынуть изнутри, возродить эпоху и иметь действительно произведение живописи. Я был страшно разочарован, думал, Владимирская епархия следит. А тут такой цинизм! Я человек терпимый и к религии отношусь терпимо. Но когда церковь оскверняет русскую нацию — это уже вредительство. Мы могли бы их продать за миллионы долларов и построить три атомные электростанции. А мы смахиваем мазки Рублева со стен веником. Зимой штукатурка трескается. И дело тут не в моральной проблеме. И я волнуюсь не потому, что снимаю

Фрагмент фрески «ВВЕДЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ ВО ХРАМ». 1408 г.

картину о Рублеве,— это государственная проблема. Это же чистое золото. В конце концов нужны деньги государству или нет? Государство должно быть справедливым, предоставить церкви собор, но не из памятников старины. Какая вообще может быть тяжба?! Постановления, переписка — нелепость! Сводят конфликт до кухонной склоки. Этой проблемой надо заниматься на уровне ЮНЕСКО. Нужно входить в правительство с просьбой об указе. Какие бумаги, о чем речь?! Тут нужно спасать! Надо дать понять людям, которые занимаются этим вопросом и от которых зависит решение, что промедление подобно смерти. Этот парадокс нужно решать в недели. Ведь полное запустение! Старухи в церкви готовы мыть фрески мылом, а мы раздумываем. Они не чувствуют, не думают, не понимают, не могут быть хранителями достояний народа. Надо объяснить им элементарно, по-базарному — сколько стоят фрески Андрея Рублева. Развесить по городу объявления, дать в газету, сказать, что люди хотят сохранить достояние, которое исчисляется миллионами. Ведь нам не простят, над нами будут смеяться. Мы должны опираться на традицию, а как это сделать, когда происходят такие вещи. Мы мыслим не как хозяева, думаем о том, что приносит доход сейчас, и не думаем о будущем. То, что происходит с фресками Андрея Рублева,— вопиющая проблема, которая требует особой характеристики. Тут не на уровне искусствоведения должен идти разговор. Тут надо сказать, что стоят эти фрески. Американцы предлагают нам купить какую-то церковь, мы отвечаем: «Ха-ха-ха!» Разбираем ее по кирпичику и используем в фундамент высоковольтной передачи. Мы строим в Африке электростанции, ликвидируем безграмотность, возводим госпитали, тратим деньги на колоссальные общественные движения. А рядом с этим — Андрей Рублев! Но ведь он тоже стоит миллионы. Однако он разрушается! В Суздале надо сломать дома, не имеющие отношения к эпохе, выпустить книги об архитектуре. «Ну да! — скажут.— А где у нас сейчас деньги?» Надо их найти! Надо смотреть вперед. Надо спасать наше духовное здоровье. Удивляет не столько невежество — мы к нему привыкли. Есть масса способов защитить эти памятники и заработать огромные деньги, которые пошли бы на их восстановление. Это так обидно. Нужно планировать в государственном масштабе, чтобы стояло на века. И не местным властям об этом думать...

Тарковскому повезло чуть больше, чем отцу Аркадию, но ненамного, тогда не воспринимали таких материалов, а я был молод и неопытен, рад был, хоть что-то напечатали.

А люди продолжали делать свое дело, били в одну точку, вода же камень точит, и с 1974 года собор закрыли на реставрацию — до начала 80-х.

...Я позвонил во Владимирскую епархию: как, мол, дела? Ответили: установили кондиционеры, газовое оборудование для печей, сам собор стал, как выразились, «благообразнее». И отношения между церковным советом (бывшая «двадцатка») и духовенством как будто нормализовались, все пожелания духовенства, направленные на украшение собора, выполняются. И экскурсии, когда нет службы, объяснили мне, проводятся беспрепятственно.

Но на душе оставалось беспокойство. Гарантия ли то, что сделано, спасения Рублева на века? Об этом говорил Тарковский...

А пока окиньте еще раз взором рублевские фрески. Я тоже взгляну и подумаю, не зря суета наших будней, если сумеем оставить потомкам эти чудные образы — живую душу художника.

Владимир ГЛОТОВ

ПРЯМОЙ УГОЛ

Инна ЛИСНЯНСКАЯ

ШМЕЛЬ

По правую руку — березы,
По левую руку — овес,
И что мне дурные прогнозы,
И датского принца вопрос?

Сегодня мне все в утешенье —
И Рузы осенняя цвель,
И скользкой тропинки круженье,
И чудом зажившийся шмель.

Дай в банке тебя заспиртую,
Иначе всосет тебя грязь!
Бунтуешь?
Я тоже бунтую,
Как видно, и я зажилась.
1983

* * *

Я, кажется, забыла,
Что я была живой
И что меня знобило
То речкой, то травой,
То пылью пешеходной,
То песенкой простой,
То кровушкой народной,
Невинно пролитой.
1989

* * *

Я вряд ли смогу находиться
в системе
Какой бы то ни было,
Я вряд ли смогу расчленить мое
время
На убыло-прибыло.

Несчастная память — и та
не разъята
На правду и вымысел,
И помню я больше, чем знала
когда-то,
Когда меня выбросил

Ковчег в тот хаос, где Христос
и Лубянка,
И дань суеверию,
Где грубо кусок вымогает цыганка,
А быдло — империю,

Где небо так ясно и так
сумасбродно,
Где так я зависима
От каждой пичужки, живущей
свободно,
Как было замыслено.
1970

КИРПИЧНАЯ СТЕНА

Был в гостях неизвестно кто,
Говорил неизвестно что,
Я-то думала лишь про то,
Почему он не снял пальто,
Я-то думала лишь о том,
Что построен глупо наш дом,
Что окно с наружной стеной
Образуют угол прямой,
Что из комнаты мне видна
Лишь кирпичная та стена.
Был в гостях неизвестно кто,
Говорил неизвестно что,
А потом он в окно полез
И в кирпичной стене исчез.
1983

ПАМЯТЬ О ДОМОВЛАДЕЛЬЦЕ

К чему свои беды другим
предлагать?
Свои я на пальцах смогла
сосчитать
И на сто помножить и выбросить
за борт
Окна, что глядело на юг и
на запад.
Спасибо тому, кто придумал углом
Окно. Он боролся, наверно,
со злом
Мир видеть отчетливо-
односторонним
И беды свои изливать посторонним.
Давно я смеюсь,— не на плач,
а на смех
Уходят все силы. А грек был
из тех
(С ошибкою в имени Попондапуло),
Кто смог рассмеяться в ружейное
дуло.
Об этом сосед из отряда Чека
В бреду тосковал, прихватив
сквозняка
В подвале Баку, возле самого
моря.
И дом наш стоял возле самого
горя,
Где я доросла до окошка углом
И видела небо с пробитым крылом,
Оно утыкалось то в море,
то в сушу,
Кропя с двух сторон мою певчую
душу,—
И слово стоит на крови и на
солнце.
Девчонка рыдает. Старуха смеется.
1989

* * *

Живу одна среди людей —
То ли ошибка, то ль осечка,—
И только в памяти твоей
Есть у меня еще местечко.

Мне в памяти твоей тепло,
Там каждый мой поступок понят,—
Так снисходительно светло,
Так нежно только мертвых помнят.

* * *

Что я увижу в часы одиночества?

Птиц перелетных кочевничье
зодчество,
Жизнь без младенчества,
Воздух без имени, почву
без отчества,
Дым без отечества.
Нет иллюзорней и нету отчетливей
Данного времени,
Нету гонимей и нет изворотливей
Сорного семени.

Разве мне плохо под певчими
гнездами
С дымом соседствовать?
Птичьи права — это роскошь,
но с грезами
Радостно бедствовать.
1980

* * *

У нищих прошу подаянья,
Богатым сама подаю,
И входит второе дыханье
В охрипшую глотку мою:

Подайте мне ваше терпенье
На паперти жизни стоять
И посохом щупать ступени
Земли, отступающей вспять!

Подайте мне дар беззащитный
Угадывать издалека
Дающих в толпе ненасытной,—
Да не оскудеет рука!

Подайте мне вашу беспечность
Не думать, не знать наперед
И, кружку подставив под вечность,
Отведывать медленный мед!

Бесчувственные к оплеухам
И милостивые к грехам,
Подайте, блаженные духом,
А я ненасытным подам.
1978

* * *

Всеобщие волны катились,
Всеобщее время неслось,
Но вольные мысли ютились
В умах, существующих врозь.

В сожительстве нету свободы —
И намертво я поняла,
Что даже священные своды
Не души роднят, а тела.
1976

* * *

Не на струне седьмой,
А на седьмом ребре
Замер мизинец мой
В нынешнем сентябре.

Видишь, я не слюной,—
Кровью слова кроплю,
Осень, тебе одной
Музыку уступлю.

Будешь в дубы трубить —
В кровокипящую медь:
Чтоб побежденным быть,
Силу надо иметь,
Силу надо иметь
В прахе провидеть свет,
Чтоб уходить и впредь
От роковых побед.
1987

* * *

Дождь замри и река замри,
И замри трава на лугу!
Я в долгу у родной земли,
А она у меня в долгу.

Пыль и щебень — моя судьба,
Но, спасибо, рот не забит.
Как архангелова труба,
Хрипло горло мое трубит:

Я такое в уме ращу,
Я такое в душе ношу —
Невозвратное возвращу,
Убиенное воскрешу.
1988

* * *

Мы люди, мы прописаны в Гоморре
И не испепеляемся в огне,
Шумит, как грех неискупленный, море,
Но иногда я слышу в полусне,—
Рыдает сам Господь за облаками
Рыданием разгневанной любви:
Вы ангелы мои, но оболгали
Самих себя — и сделались людьми.
1989

* * *

Лучше мне сдохнуть, чем сохнуть
от жгучей любови
К лучшим из лучших, от коих
всегда вдалеке
И для которых я,— это мне вовсе
не внове,—
Пуст-номерок то ль на вешалке,
то ль на щитке.
Если на вешалке, что ж я не вижу
крылатки
Века златого, серебряной эры
плаща?
Может, я все-таки нитка
от прежней подкладки,
Если по роще весенней тащусь,
трепеща
От непомерной любви к изводимой
природе.
Что есть природа? И если
отвлечься от тайн —
То бишь туманных метафор
по нынешней моде,—
Я бы сказала: природа —
Господен дизайн.
Утвари писчей боюсь.
Либо сдохнуть мне, либо
В роще перо из осеннего вырвать
крыла
И начертать: из дерев всех милее
мне липа,
А из людей — те поэты, кому
не мила.
1989

КАЗИНО

Джеймс Хэдли ЧЕЙЗ

РОМАН

Глава 2

Директор Казино Гарри Льюис аккуратно припарковал свой черный «кадиллак» у здания полицейского управления, заглушил двигатель и вылез из машины на утреннее солнце.

Льюису, высокому, стройному, элегантно одетому, было далеко за пятьдесят. Вот уже пятнадцать лет он руководил богатейшим в мире Казино. От него веяло таким благополучием и уверенностью в себе, какие свойственны только очень обеспеченным людям.

Он поднялся по ступеням и вошел в комнату, где дежурный по управлению Чарли Тэннер корпел над грудой протоколов, составленных на пьяных водителей.

При виде Льюиса Тэннер бросил протоколы и вскочил на ноги.

— Доброе утро, мистер Льюис. Вам что-нибудь нужно?

Полицейские относились к Льюису с подчеркнутой предупредительностью. Они хорошо помнили о его щедрости на Рождество и в День Благодарения. По этим праздникам каждый детектив и патрульный получали по шестнадцатифунтовой индейке и по бутылке виски, а такие подарки, само собой, обходятся недешево.

— Начальник у себя? — спросил Льюис.

— Конечно, мистер Льюис. Поднимайтесь прямо к нему,— ответил Тэннер...

Льюис постучался к Терреллу, раскрыл дверь и шагнул в маленький, скудно обставленный кабинет.

Начальник полиции Террелл, здоровяк с пшеничными волосами, подернутыми сединой на висках, и с выступающим, напористым подбородком, разливал кофе из пакета в два бумажных стаканчика. Сержант Джо Беглер, его правая рука, с трудом умещаясь на жестком, скрипучем стуле, следил за кофе глазами наркомана. При нежданном появлении Льюиса оба насторожились. Беглер встал. Террелл улыбнулся и взял третий стаканчик.

— Привет, Гарри... Ранняя пташка,— сказал он.— Выпьете кофе?

Льюис покачал головой и сел на стул Беглера...

— День только начинается... ничего особенного. Вы чем-то озабочены?

— В это время года, Фрэнк, я всегда озабочен,— ответил он.— Но завтра особый день. Я решил, что стоит поговорить с вами. Завтра мы ожидаем прибытия двадцати первоклассных игроков из Аргентины, которые всерьез вознамерились пощипать нас. Эти парни не моргнув глазом проигрывают целые состояния. Мы должны обеспечить безопасность во время игры. В Казино соберется крупная сумма денег, и я решил, что нам не помешает полицейская охрана. Поможете мне?

Террелл отхлебнул кофе и кивнул.

— Конечно. Что нужно, Гарри?

— Завтра утром я перевожу из банка в Казино три миллиона наличными. В автомобиле будет четверо моих охранников, но хотелось бы еще иметь полицейское сопровождение. Все-таки кругленькая сумма, желательно, чтобы она доехала до места в целости и сохранности.

— Это просто. Я пришлю вам шесть человек.

— Спасибо, Фрэнк, я знал, что могу положиться на вас. Еще неплохо, если человека четыре придут вечером в Казино. Никаких происшествий я не предвижу. У меня своих двадцать человек вполне надежных, но, думаю, присутствие полицейских остудит горячие головы.

— Я распоряжусь. Пришлю Лепски и четверых патрульных.

Льюис кивнул.

— Лепски как раз подходящий человек. Спасибо, Фрэнк. — Он стряхнул пепел с сигареты.— А как вообще обстановка? Есть такие, которых надо опасаться?

— Нет. Желающих прорваться было много, но мы их выявили и завернули. Судя по тем донесениям, что ко мне поступают, в городе нет ни одного по-настоящему опасного экземпляра... В котором часу вы берете деньги в банке?

— Ровно в половине одиннадцатого.

— Отлично. Я пришлю своих людей в банк, и они проводят вас. Договорились?

Льюис поднялся со стула.

— Пожалуй, я не буду больше беспокоиться,— сказал он и пожал протянутую руку.

Когда Льюис ушел, Беглер налил себе еще кофе.

— Три миллиона! — возмутился он.— Сколько денег кошке под хвост! Подумать только, что можно сделать, имея такое богатство... а оно уйдет на развлечение горстке латиноамериканских прощелыг.

Террелл помолчал, потом кивнул.

— Это их деньги, Джо. А наше дело — охранять эти деньги.— Он щелкнул выключателем селекторной связи.— Чарльз? Где Лепски? Он мне нужен.

В эту пятницу Серж Мейски проснулся в семь часов утра, поставил на плиту кофейник и принял душ. Он побрился опасной бритвой, оделся, затем пошел на кухню и налил чашку кофе. Прихватив кофе с собой, он уселся в обшарпанной гостиной.

Пока, решил он, все идет по плану... Сегодня вечером все четверо придут в его бунгало репетировать свои роли. Теперь, после знакомства с ними, он успокоился: у него подобралась надежная команда. Миш Коллинз не промахнулся.

Он допил кофе, помыл чашку и блюдце, потом достал из шкафа две пластиковые канистры по пять галлонов и наполнил их водой из крана. После вынул из кухонного шкафа объемистую коробку с консервами, отнес ее к своему «бьюику» и загрузил в багажник. Вернулся в дом, взял две пластиковые канистры и тоже отнес их в машину.

Его движения были расчетливы и неторопливы. Возраст давал о себе знать. Он остро ощущал груз своих шестидесяти двух лет, и всякое переутомление было ему противопоказано.

Мейски долго стоял, перебирая в уме, не забыл ли он чего-нибудь, вспомнил про батарейки для фонарика, достал их из ящика стола в гостиной и решил, что теперь можно ехать.

Он запер входную дверь, сел за руль и завел машину. Спустя полчаса на шоссе, ведущем из Лагуны, пригорода Парадиз-Сити, Мейски перестроился в правый ряд и свернул на проселок...

Проехав лесом минут двадцать, он снова свернул на узкую колею, ведущую в самую чащу. Он слегка притормозил, чтобы осмотреть знак, который сам смастерил и вкопал два дня тому назад. На знаке было написано: «Охотничий заповедник. Частное владение. Вход запрещен». Он одобрительно кивнул и поехал дальше. Знак уже не бросался в глаза своей новизной. Надо было признать, что сделан он хорошо и выглядит убедительно.

Вскоре он замедлил ход, свернул с колеи и по сухой, слежавшейся земле выехал на небольшую полянку, которую обнаружил, когда бродил по округе в поисках надежного убежища. Здесь из ветвей и вырванного с корнем кустарника им уже был выстроен навес — на его сооружение ушло несколько дней. Под этот навес он и загнал «бьюик». Выйдя из машины, он достал из багажника канистры с водой, постоял, оглядываясь и прислушиваясь, нет ли кого поблизости, потом уверенно зашагал с поляны через кусты и вышел к тропинке, ведущей на лесистую гору.

После двух минут неторопливой ходьбы, которая вызвала у Мейски слабую одышку, он оказался возле кучи валежника и пожухлых листьев. Он раздвинул ветки, нырнул внутрь и попал в темную, пропахшую сыростью пещеру, совершенно скрытую валежником, что он натаскал за прошлую неделю.

Он передохнул в пещере. Его немного тревожила эта одышка, да еще не отпускала тихая, но зловещая, ноющая боль в груди. Через несколько минут ему задышалось свободней, он включил фонарь и прошелся ярким лучом по пещере.

Он посветил фонариком на спальный мешок, запасы провизии, транзисторный приемник и аптечку — самое необходимое, чтобы продержаться в этой норе недель шесть.

Подошел к выходу из пещеры, прислушался и, убедившись, что кругом тихо, спустился к автомобилю за остальными вещами...

Потом вышел наружу, тщательно закрыл лаз ветками и, сев за руль, напоследок оглядел снизу маскировку своего убежища; одобрительно кивнул и, развернув машину, поехал обратно в Лагуну.

Лана Эвас открыла глаза, зажмурилась от яркого солнца. Она откинула одеяло и пошла в ванную. Закончив утренний туалет, вернулась в свою невзрачную комнатенку, служившую ей и спальней, и гостиной, и открыла комод. Из-под скудной стопки постельного белья вынула пачку стодолларовых бумажек. Потом снова забралась в постель и залюбовалась своим богатством. Однако к радости примешивался страх. Что, если в Казино узнают про ее встречи с тем человечком? Теперь она не сомневалась, что он собирается ограбить Казино. Она посмотрела на деньги и нехотя пожала плечами. Ничего, не обеднеют. У них денег куры не клюют, а у нее... Тут она встревоженно поежилась. Как объяснить Терри, откуда у нее взялось столько денег? Вот незадача. Терри ревнивый. Ему кажется, что все мужчины в Казино зарятся на нее...

Если б только она могла сказать Терри всю правду, но ведь он такой невыносимо правильный. Нет, об этом придется молчать. Она вернулась в постель, и тут глаза ее оживились при виде коробочки с кремом «Диана». Она взяла коробочку в руки и сняла обертку.

«Может, он ворюга,— подумала она,— но не жмот».

Лана больше не верила в выдумку про журнал «Нью-Йоркер». Он заплатил две тысячи — бешеные деньги! — за полученную от нее информацию...

Она отвернула крышку и посмотрела на белый крем, источавший нежный аромат растертых лепестков орхидеи. Затаив дыхание с наслаждением намазала она руки смертоносным кремом. Правда, ее немного разочаровало, что это вожделенное действо не доставило ей того удовольствия, на которое она рассчитывала...

Через некоторое время, так ничего и не придумав, Лана закрыла глаза и задремала. В полудреме она уговаривала себя, что все образуется, что она убедит Терри. А после обеда сходит в агентство и разузнает про однокомнатную квартиру.

Незаметно она уснула, а час спустя вдруг очнулась от холода. В недоумении поглядела на часы и увидела, что уже без двадцати одиннадцать. Подумала, не выпить ли кофе, но уж больно не хотелось вылезать

Продолжение. См. «Огонек» № 1.

Рисунок Вячеслава ЛОСЕВА

из-под одеяла. Вдобавок к ознобу появились слабость, вялость. Этот усиливающийся озноб встревожил ее... Уж не заболевает ли она?

Вдруг ни с того ни с сего в рот хлынула желчь, она не успела сдержаться, и ее вырвало на постельное белье. Она почувствовала, что руки жжет как огнем.

В испуге она хотела откинуть одеяло и встать, но это оказалось ей не под силу.

Она вся закоченела и покрылась липким потом, зато руки горели и еще нестерпимо жгло в горле.

«Что это со мной?» — ужаснулась она. Сердце рвалось из груди, не хватало воздуха.

Она заставила себя встать, но ноги не послушались ее. Она свернулась на полу, беспомощно протянув руку к телефону, стоявшему рядом на столике.

Она открыла рот, чтобы позвать на помощь, но захлебнулась отвратительной, зловонной желчью, заполнившей рот и капавшей из носа на розовую ночную рубашку...

В половине девятого вечера Гарри Льюис вышел из своего кабинета и в лифте, обитом красным бархатом, спустился на второй этаж, не забыв кивнуть молоденькому лифтеру.

Загорелый юноша в чистой и отутюженной темно-зеленой с бежевым форме Казино, в белых хлопчатобумажных перчатках, светясь от радости, что его узнали, благодарно склонил голову.

Это был любимый час Льюиса, когда Казино начинало оживать. Больше всего ему нравилось выходить на просторный балкон и смотреть вниз, на террасу, где выпивали, разговаривали, отдыхали его клиенты, перед тем как заполнить ресторан и потом разойтись по игорным комнатам.

— Мистер Льюис...

Льюис обернулся, удивленно подняв брови. Он не любил, когда ему мешали в эти дорогие для него мгновения, но при виде хорошенькой темноволосой девушки улыбнулся. Рита Уоткинс заведовала хранилищем. Вот уже пять лет, как она работала у Льюиса, и он убедился, что на нее можно положиться: Рита руководила своими подчиненными спокойно и деловито и тем облегчала их кропотливую работу.

— Это вы, Рита... Добрый вечер. Что-нибудь случилось?

Вопрос он задал машинально. Рита обращалась к нему, лишь когда не могла принять решения самостоятельно, а такое случалось редко.

— Мистер Льюис, я недосчиталась одной девушки,— ответила она. Он пригляделся к ее опрятному черному платью и задумался, во сколько оно ей обошлось. Такой уж Льюис был человек. До всего ему было дело.— Не вышла на работу Лана Эванс.

— Да? Заболела?

— Не знаю, мистер Льюис. Час тому назад я позвонила ей домой, но там не отвечают. Мне нужна замена. Можно, я возьму Марию Уэллс из главной конторы?

— Да, конечно. Передайте ей мою просьбу выручить нас,— улыбнулся Льюис.— Надеюсь, она не откажет...

Он улыбнулся, кивнул и отпустил ее. Это была мелкая неурядица, с которой, он знал, она справится. Когда Рита ушла, он еще раз оглядел нижнюю террасу и, убедившись, что все идет своим чередом, отправился в большой игорный зал...

Льюис переглянулся с одним из крупье, служившим здесь уже одиннадцать лет, толстым, прилизанным, с глазами навыкате. Тот с достоинством кивнул и лопаточкой придвинул стопку фишек к старушке, которая с восторгом протянула им навстречу толстые пальчики.

Льюис зашел в ресторан и переговорил с метрдотелем Джованни, которого он за немалые деньги переманил из лондонского отеля «Савой». В зале было несколько ранних посетителей из числа туристов, изучавших бесконечное меню, предложенное им учтивым главным официантом. Пройдет какой-нибудь час, и ресторан превратится в шумный и прожорливый человеческий муравейник.

— Все в порядке, Джованни? — спросил Льюис.

— В полном порядке, сэр.— Метрдотель вызывающе повел бровью. Самое предположение, что в его ресторане допустим непорядок, было оскорбительно.

Льюис просмотрел меню, которое дал ему Джованни, и кивнул.

— Превосходно. Завтра у нас ответственная ночь...

Льюис прошелся по ресторану и подметил, что на каждом столике стоит вазочка с орхидеями, искусно подсвеченными снизу. «Да,— подумал он,— Джованни умеет украсить стол, но интересно, во сколько это обходится». Ведь Гарри Льюис был человек практический.

Выйдя на террасу, он окунулся в гул разговоров и мягкую музыку оркестра и стоял в задумчивости, пока его не приметил главный бармен. Фред, невысокий, плотный, едва начинающий стареть, направился к хозяину с довольной ухмылкой на багровом лице.

— Горячая ночка предстоит, сэр,— сказал он.— Выпьете чего-нибудь?

— Пока нет, Фред. Горячая ночка предстоит завтра.

— Это точно. Ну, да справимся.

Углядев поднятые руки клиентов в другом конце террасы, он поспешил на зов.

Убедившись, что заведение работает без сбоев, Льюис вернулся в кабинет. Перед тем как перекусить здесь же, за своим рабочим столом, ему нужно было ответить на несколько писем. Он и не подозревал, что на террасе за ним наблюдал Джесс Чандлер, который сидел один за дальним от оркестра столиком, потягивал виски с содовой.

Чандлер чувствовал себя не в своей тарелке. К плану Мейски вроде бы не придерешься, но его тревожила грандиозность замысла. А теперь, проведя около часа на террасе, понаблюдав, присмотревшись ко всем этим людям, таким высокомерным и самонадеянным в своем богатстве, к вездесущим охранникам с увесистыми револьверами на боку, ощутив дух сплоченности, витавший в Казино, Чандлер увидел, что здесь настоящая крепость миллионеров, ее неприступность отпугнет хоть кого, и всякий, кто задумает ограбление, рискует обломать себе зубы...

Чандлеру вдруг опротивела вся эта роскошь, он заплатил по счету и прошел в игорные комнаты. На мгновение он остановился и огляделся вокруг, заметив у лифтов для доставки денег из хранилища и обратно четверых охранников в форме. Охранники были молодые, грозные на вид и держали ухо востро. Скорчив недовольную мину, он пересек изысканно украшенный холл и востребовал в регистратуре свой паспорт.

Спускаясь по широкой, пологой лестнице в сад Казино, он увидел идущего навстречу Джека Перри в смокинге, с сигарой в зубах. Чандлер поспешил свернуть на узкую тропинку, которая вела к морю.

Мейски велел всем — кроме Уоша, конечно,— побывать в Казино и, так сказать, сориентироваться на местности. Вот Перри и явился, однако Чандлер не имел ни малейшего желания встречаться с ним.

Сойдя вниз по длинной лестнице, он оказался на широкой набережной, тянувшейся вдоль закрытого пляжа Казино.

Из сумрака навстречу ему вышла девушка. На ней белело платье с широкой юбкой в оборках и с узором из роз. Она была очень загорелой и соблазнительной. Темные волосы обрамляли лицо и спускались до плеч. В руке она несла гитару.

Она ничем не походила на богатых сучек в Казино и к тому же смутно кого-то напомнила Чандлеру, поэтому он замедлил шаг и улыбнулся ей. Она остановилась и пригляделась к нему. В волосах сверкнула отсветом уличного фонаря дешевая заколка с фальшивыми бриллиантами.

— Привет, Джесс.

Чандлер вздрогнул от неожиданности, но тотчас успокоился...

— Привет, детка,— ответил он с очаровательной улыбкой.— Недурную фигурку ты вдела в свое платье.

Она рассмеялась.

— Два года назад почти на этом же месте ты сказал мне в точности то же самое... да куда тебе вспомнить.

И тут он вспомнил. Два года назад он приехал в Парадиз-Сити, потому что его приятелю пришла в голову бредовая идея: войти в Казино с десятью вооруженными людьми и обчистить столы.

Чандлер сразу заявил, что он в такие игры не играет, ну, его приятель поостыл и пошел на попятный.

Чандлеру тогда понравилось в Парадиз-Сити, и он остался на недельку. И вот, гуляя как-то вокруг Казино, он повстречал эту девушку. Он даже вспомнил, как ее зовут: Лолита (одно имя чего стоит!) Серавеш. Она была родом из Бразилии и перебивалась с хлеба на воду, выступая со своей гитарой в дешевеньких ресторанчиках. Но Чандлер ценил в ней волнующее своеобразие любовных ласк. Отведать их ему не составило труда. Они посмотрели друг другу в глаза и ощутили внезапное притяжение, а минут десять спустя уже лежали в объятиях друг друга на теплом песке, позабыв обо всем на свете, кроме своей страсти.

— Здравствуй... Лолита,— обрадовался Чандлер.— Это самый счастливый миг в моей жизни. Пойдем же туда, где нам не будут мешать... Давай сходим к морю, проверим, нагрелся ли песочек. Детка... если б ты знала, как я рад видеть тебя.

— Догадываюсь,— ответила Лолита, идя за ним.— Взаимно. Я тоже рада видеть тебя.

Уошингтон Смит прикурил очередную сигарету. Он сидел у раскрытого окна в тесном и душном домике в мотеле «Добро пожаловать». Мейски предупредил, чтобы Уош не показывался на улице до десяти часов вечера, когда тому была назначена встреча в его бунгало. Уош не перечил. В этом городе негру в обносках не дадут спокойно пройти по улице. Начнут приставать с вопросами. Полицейские станут качать права. Прохожие будут глазеть с тем презрением, с каким только белые богачи могут глазеть на негра.

Миш Коллинз лежал на кровати, изучая схему электропроводки в Казино. Он заехал за Уошем на машине, которую взял напрокат. До выезда к Мейски у них оставалось еще полчаса.

— Миш, что ты собираешься делать со своей долей? — обернувшись, спросил Уош.

Миш отложил чертежи. Он взял сигарету и закурил.

— Эх... триста тысяч! Не слабо, а? Я уже строил разные планы. Куплю себе яхту... Здорово: плывешь себе, когда хочешь, остановился, подружка надоела, нашел другую, жратва вкусная. Вот такая жизнь по мне.— Он повернулся на бок, чтобы видеть Уоша.— Ну, а ты?

— Я всегда хотел стать врачом,— ответил Уош.— Часть денег пойдет на учение, а на остальные куплю практику в Нью-Йорке.

— Ну ты даешь! — удивился Миш.— Думаешь, у тебя получится?

— Конечно. С деньгами, и если поставить себе цель, всего можно добиться.

— Оно верно... да ведь сколько учиться! Дудки! Мне такого даром не надо. Уош, а баба тебе не нужна?

— Я жениться хочу и обзавестись семьей, но с этим придется обождать.— Уош выпустил дым через свой расплющенный нос.— Слушай, а мы не засыпемся?

— Вот еще! У Мейски котелок варит что надо. Конечно, не засыпемся... даю слово. Я бы и не стал втравлять тебя в это дело, если б сам не был уверен.

Уош снова повернулся к окну, а Миш, задумчиво поглядев ему в спину, взялся за чертежи, но так и не смог сосредоточиться. С этим черномазым не соскучишься. Неужели он воображает, что кому-то взбредет в голову лечиться у такой мартышки?.. Да и за каким чертом, имея в кармане деньги, вкалывать врачом? Вот где зарыта собака. Вот что не стыкуется с его отношением к жизни. Он же знает: врач бегает с высунутым языком, не ведает ни минуты покоя, выезжает по ночным вызовам, сидит в унылом кабинете, выслушивая жалобы разных хануриков, которых в пору закопать,— ничего себе занятие для человека, имеющего в кармане триста тысяч!

Он отложил чертежи и снова посмотрел Уошу в спину. Потом мотнул головой и пожал плечами. «Да ну его к черту! Какое мне дело?»

Спустя полчаса оба вылезли из машины Коллинза с чемоданами в руках и по узкой дорожке подошли к дому Мейски. В зашторенных окнах горел свет, и, как только Миш позвонил, дверь тотчас отворилась.

Мейски впустил их в дом.

— Надеюсь, пока все в порядке,— сказал Мейски, проводив Коллинза и Смита в маленькую гостиную с обшарпанной мебелью. Джек Перри был уже там, он развалился в единственном удобном кресле, в зубах у него дымила сигара. Вновь прибывших он приветствовал безразличным кивком.

Мейски прошел к столу, на котором стояли бутылка виски, стаканы и ведерко со льдом.

— Чандлер еще не приехал,— сказал Мейски,— но мы можем начать без него...

Раздался звонок, и Мейски вышел. Он открыл дверь и вернулся с Чандлером, который также привез с собой чемодан.

Чандлер вошел в комнату, кивнул всем, поставил чемодан на пол и взял предложенное ему виски. С одного взгляда Мейски понял, что тот был с женщиной. Об этом достаточно красноречиво говорило довольное, умиротворенное выражение его смазливого лица. Однако Мейски ничуть не встревожился. Он вполне доверял Чандлеру и знал, что тот ничего не выболтает, даже женщине.

— Есть одна важная подробность,— сказал Мейски, присев на край стола,— о которой я забыл упомянуть вчера вечером. Когда Джесс и Уош попадут в хранилище, они увидят пачки с банкнотами по пять, десять, двадцать, сто и пятьсот долларов. Брать будете только пятисотдолларовые пачки. Коробка не такая уж вместительная, а денег нужно унести как можно больше. Но еще вы должны до отказа набить карманы пятидолларовыми пачками. На эти деньги нам придется жить недели три, а то и все шесть. Я все-таки не совсем уверен, может, пятисотдолларовые банкноты у них и переписаны. Так что, пока не кончится шухер, мы должны тратить только пятерки... понятно?

— Переписаны? — Это очнулся Миш.— Ты думаешь, они переписывают номера крупных банкнотов?

— Не знаю. Вряд ли, но лучше не рисковать. Пока не уляжется переполох, мы не истратим ни единой пятисотенной бумажки.

Все четверо кивнули.

— Так, с планом вы знакомы, и у вас было время подумать. Какие есть предложения? — Склонив голову чуть набок, Мейски выжидательно огляделся вокруг...

— Может, нам пройтись по всему плану? — сказал Чандлер.— Ведь тут нужна точность. Зачем Коллинзу отключать кондиционер?

— При низкой температуре газ не действует. То есть, конечно, действует, но не так быстро. Нельзя, чтобы в помещении было прохладно.

— Насчет времени... Если Миш начнет в половине третьего, не слишком ли это впритык?

— Верно.— Мейски подошел к секретеру и достал лист бумаги.— Я переделал расписание. У каждого будет по экземпляру. Здесь все написано. Только сначала мне хочется, чтобы вы примерили форму.

Через десять минут Чандлер, Перри и Уош облачились в форму технического персонала Ай-би-эм; спецовки сидели как влитые. Миш надел форму энергоуправления Парадиз-Сити.

— Да, смотрится очень хорошо,— придирчиво оглядев их, заключил Мейски.— Теперь я покажу вам грузовик...

Он провел их через кухню в двойной гараж, где рядом с «бьюиком» стоял маленький грузовичок. К обоим бортам были приделаны рекламные щиты с жирными красными буквами на белом фоне: «Ай-би-эм. Лучшие калькуляторы в мире. Доставка и обслуживание круглые сутки».

— Это ты сделал? — с неподдельным восхищением спросил Миш.

— Да... Пожалуй, я могу утверждать, что у меня получается почти все, за что бы я ни взялся,— ответил Мейски, явно довольный собой.— На приборной доске я смонтировал устройство, с помощью которого можно в один миг сбросить эти щиты. Не следует забывать, что, когда об ограблении станет известно, за грузовиком начнется охота и нам придется избавляться от рекламы.— Он распахнул дверцы в задней части крытого кузова. Вдоль одного из бортов тянулась длинная скамья.— Тут всем хватит места, кроме Коллинза, конечно, он-то поедет на своей машине. Я поставил еще одну штуковину для смены номерных знаков из кабины. Они тасуются, и на месте старых появляются новые.— Он показал, как меняются номерные знаки, потом с видом продавца добавил:— Я нашел в миле от Казино безопасное место, где мы бросим грузовик. Там пересядем в мою машину.— Он обратился к Чандлеру:— Попрошу вас завтра утром поехать туда со мной; я оставлю там свою машину, а вы отвезете меня обратно. Чем быстрей мы избавимся от грузовика, когда деньги будут уже при нас, тем лучше.— Мейски молча оглядел всех четверых, потом вежливо спросил:— У вас есть вопросы?..

— Вы не можете сказать наверняка... всякое случается,— откликнулся Чандлер.— Вдруг мы не попадем в хранилище.

Мейски пожал плечами.

— В таком случае останемся без денег... только и всего. Но я уверен, что вы попадете в хранилище.

— А если мы доберемся до денег, а кто-нибудь поднимет тревогу?

— Тревоги никто не поднимет, потому что Миш отключит сигнализацию.

Чандлер помялся. Он искал уязвимые места.

— А если к нам прицепится какой-нибудь охранник?

— Тогда им займется Джек.

Наступило долгое молчание, потом Чандлер спросил:

— То есть он убьет охранника?

— Послушай, корешок,— тихо, с насмешкой произнес Перри,— пусть у тебя не болит голова за других. У тебя своя работа... а у меня своя.

— Мы возьмем на этом деле по триста тысяч,— сказал Мейски.— Лес рубят — щепки летят...

— Я не желаю, чтоб мне пришили мокрое дело,— сказал Чандлер. Лицо его покрылось испариной.

— Тогда какого хрена ты здесь околачиваешься? — спросил Перри.— Послушай, корешок, ты уже вырос из пеленок. Делай, что велят, и не распускай нюни.

Снова наступило молчание, потом, вспомнив, какие деньги светят ему, Чандлер пожал плечами.

— Ну, ладно... молчу...

Тут Миш спросил дрогнувшим голосом:

— А если и вправду засветимся? Что тогда делать-то?

— Не засветимся, но я согласен, мы должны знать, что делать,— ответил Мейски.— Во всех случаях мы возвращаемся сюда... если с деньгами, то делим их и разбегаемся... если без денег, все равно разбегаемся, но давайте условимся, что этот дом — он вполне безопасный — будет местом нашей встречи.

Чандлер колебался, но отступать было поздно. Он не испытывал особого воодушевления и смертельно боялся Перри, однако мысль о деньгах подтолкнула его к согласию.

— Ладно... форма в порядке... грузовик в порядке... перейдем к расписанию.

Мейски улыбнулся.

— Конечно.

Он провел их обратно в дом.

Глава 3

Жарким субботним утром в однокомнатной квартире Ланы Эванс трижды подолгу звонил телефон...

Первым позвонил дружок Ланы Терри Николс. Он с раздражением слушал ровные, безответные гудки. Ему было доподлинно известно, что Лана не встает раньше десяти. Не может же она спать, когда над ухом разрывается телефон! В воскресенье у нее выходной, и он хотел назначить ей свидание на вечер. Возле будки его ждали двое сокурсников и все время показывали сквозь мутное стекло на часы. Вот-вот должна была начаться первая утренняя лекция. Со свойственной молодым театральностью они открыли затейливый обратный счет, и когда наконец досчитали до нуля, разразилась немая сцена отчаяния. Терри с грохотом бросил трубку и кинулся с ними по коридору в аудиторию.

В одиннадцать часов из Казино позвонила Рита Уоткинс. Она послушала длинные гудки и, озабоченно нахмурившись, повесила трубку.

В половине второго Терри, уплетая сандвич, снова попробовал созвониться с Ланой и снова безуспешно и решил, что она, видно, загорает на пляже. Он разозлился и больше не звонил. В начале третьего еще раз позвонила Рита Уоткинс. От Марии Уэллс в хранилище не было никакого проку. Это и понятно. Работа у них точная, и делать ее надо быстро. У Марии просто не хватает опыта. При одной мысли, что опять придется мучиться с ней ночью, когда будет запарка, Риту охватывал ужас. Нужно было непременно разыскать Лану Эванс.

«Что же могло случиться?» — недоумевала Рита, положив трубку. У нее было часа два свободного времени, и она решила поехать к Лане домой и все разузнать.

Многоквартирный дом, где жила Лана, принадлежал миссис Мавдик. Это была полная женщина, выкрашенная в жгучую брюнетку, с необъятным, расплывающимся бюстом, который она подвязывала замызганной шалью...

— Она на третьем этаже. Видела ли ее? Нет... У меня без нее дел полно. Я вообще жильцов не вижу, если они ко мне не заходят. А что за суматоха такая?

— Никакой суматохи. Я пыталась ей дозвониться... она не отвечает.

Расплывающийся бюст миссис Мавдик заходил ходуном. Ее мучила одышка.

— Она же не обязана подходить к телефону, правда?

Рита поднялась по лестнице и позвонила в квартиру Ланы. Под дверью стояла бутылка молока и лежала газета «Парадиз-Сити геральд». Она подождала, позвонила еще, потом, расстроенная, спустилась вниз.

Миссис Мавдик по-прежнему подпирала дверь своим грузным телом.

— Ее нет,— сказала Рита.

Миссис Мавдик осклабилась. Длинные желтые зубы придавали ее лицу сходство с лукавой лошадиной мордой.

— Что ж... один раз живем,— с трудом просипела она.— Девочки любят мальчиков... меня это не касается... я и в голову не беру, когда жильцы не приходят домой.

Рита с отвращением посмотрела на нее и вышла на палящий зной к своей машине.

Перевел с английского А. ЛЕЩИНСКИЙ.

Продолжение следует.

ПРОШУ СЛОВА!

ОТМЕНИТЬ «КРЕПОСТНОЕ ПРАВО»!

Игорь МОИСЕЕВ

Обратиться к коллегам со страниц журнала «Огонек» за поддержкой заставляет меня обеспокоенность состоянием нашего искусства, знакомая, я уверен, каждому серьезному художнику. Обеспокоенность экономическим и моральным состоянием страны, которую, я также в этом уверен, разделяет со мной каждый.

Сначала — наши проблемы. Ансамбль, которым я руковожу уже 53 года, ведет гастрольную деятельность и в стране, и за рубежом вот уже почти полвека. Репутация наша давно сложилась.

И вот уже почти полвека в анналах Госконцерта СССР мы числимся убыточным коллективом. Долгий опыт моей концертной практики позволяет мне утверждать — это несправедливо, это не так. Это — лишь результат неразумной и безответственной экономической системы, пренебрегающей азами мировой гастрольной практики.

Мы получаем от государства помещения для репетиций и концертов, деньги на наше хозяйство — костюмы, музыкальные инструменты и т. д. Что касается зарплаты артистам — две трети коллектива получают зарплату до 150 рублей в месяц — это нищенство.

Теперь — доходы от нас. Потолочная цена билета на наш концерт — 3 рубля. Цена произвольная: нам говорят, что искусство должно быть доступно народу. Так оно и должно быть в идеале. Но нам остается только догадываться, сколько переплачивает народ спекулянтам, чтобы этот билет приобрести. Зато мы точно знаем, как спекулирует на нас государство — наши билеты официально продаются с «нагрузкой», в качестве нагрузки — билет на спектакль, на который зритель не идет.

Для чего же их поддерживает наша зрелищная машина? А потому что доходы с каждого зрелища, плохо оно или хорошо, идут на содержание этой самой машины. Таким образом, артист, художник оказывается включенным в неповоротливую и многоилюдную чиновничью систему, которая на артисте и паразитирует.

Говоря о нашей нерентабельности, Госконцерт почему-то умалчивает о валютных поступлениях, которые идут государству от наших зарубежных гастролей.

Уже много лет Госконцерт не несет никаких расходов по нашим зарубежным поездкам. Все расходы (транспорт, гостиницы, суточные и гонорар за концерты) берет на себя та или иная страна, которая нас приглашает. При этом в отношении валютных сумм мы находимся в абсолютной, яремной зависимости от Госконцерта. До недавнего времени от нас скрывались даже размеры этих гонораров. По-видимому, чиновникам было стыдно их нам называть.

Сегодня я имею представление об этих размерах — в последней нашей гастрольной поездке по США мы заработали чистыми более полумиллиона долларов.

Куда идут эти деньги? В какую черную дыру проваливаются? А как живет артист нашего ансамбля на гастролях? В течение двух-трехмесячной поездки мы даем концерты ежедневно, а то и по два раза в день. Это изнурительный, изматывающий режим. Суточные для всех одинаковы — и для солиста, и для рабочего сцены: такова инструкция, таково правило. Это несправедливо. Потому что затраты — физические, нервные, творческие — неодинаковы.

По положению я не имею ни прав, ни возможностей эту странную ситуацию изменить. А ведь всякий труд, творческий в том числе, нуждается в стимулировании. И если завтра в гастролях солист откажется выйти на сцену — мало ли для этого может быть поводов,— мне нечего будет ему возразить, он, по сути, прав.

Крепостной актер в XVIII веке в России получал в среднем 35 рублей золотом и «5 рублей — бабе его». Это такой уровень жизни, какой нам и не снился. При этом «проклятый крепостник» не наживался на театре, а, напротив, вкладывал свои деньги в это дело, чтобы способствовать развитию культуры на родных пространствах.

Что думают по этому поводу Госконцерт СССР и Минфин, которому поступает в конечном итоге зарабатываемая нами валюта?

Зарабатывая значительные суммы, мы не в состоянии экономически поощрить артиста, мы не в состоянии купить за границей ни метра ткани на костюмы, ни одного музыкального инструмента, а в стране ничего этого нет сейчас.

Всякое предприятие, даже самое стабильное и рентабельное, хиреет и гибнет, если его хищнически, бесхозяйственно обирать.

Сегодня я испытываю серьезнейшее беспокойство за финансовое положение нашего ансамбля.

Теперь мои предложения. Много лет я пытался бороться с финансовой ситуацией, в которую поставлен ансамбль, и переломить ее мне не удавалось. Последний мой шаг — беседа в ЦК. Я впервые получил поддержку. Что я предлагаю и что мы с нашим коллективом проведем в качестве эксперимента? Ближайшие наши гастроли (мы отправляемся в Израиль) будут проведены на самостоятельной основе, без участия традиционных посредников: договор заключили мы сами, напрямую. В чем его суть? 50 процентов гонорара мы используем для адекватной оплаты труда артистов, а также на хозяйственные нужды нашего творческого коллектива. Остальные 50 процентов мы хотим использовать следующим образом — 200 тысяч долларов мы передадим Детскому фонду, 50 тысяч — советской медицине на приобретение одноразовых шприцев. Четверть миллиона на гуманитарные нужды страны — это достаточно красноречивый пример. Мы рады их отдать, мы понимаем, в каком положении находится наша сегодняшняя экономика, мы считаем, что артист не может называться интеллигентом, если равнодушен к бедствиям страны.

Я хочу напомнить, что мировая гастрольная практика не знает налога на гонорар выше, чем 30—35 процентов.

Я хочу напомнить также, что никогда и нигде культура, искусство, область духа не были рентабельны в сиюминутном понимании рентабельности. Они всегда существовали за счет финансовой поддержки государства и состоятельных граждан. И эти деньги никогда не считались потраченными впустую, потому что именно культура, искусство, область духа являлись единственным средством облагораживания человеческой природы, гуманизации общества.

Мы готовы отдать половину своего реального заработка на гуманитарные нужды нашего общества. Но мы хотим точно знать, на что именно мы отдаем эти средства, мы хотим быть уверены в их разумном и добросовестном использовании.

Последовательно проводя порочную политику в отношении отечественной культуры, мы пришли, наконец, к такому положению, когда помочь выживанию и развитию искусства может только оно само. Более того, мы чувствуем себя обязанными помочь нашей больной экономике.

И обращаюсь к своим коллегам с предложением, с просьбой поддержать наш эксперимент, а может быть, сделать его постоянной, реально действующей практикой.

Записала Галина ГУСЕВА.

„МЫ ПРИДЕМ К ПОБЕДЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА"

В. И. Ленин

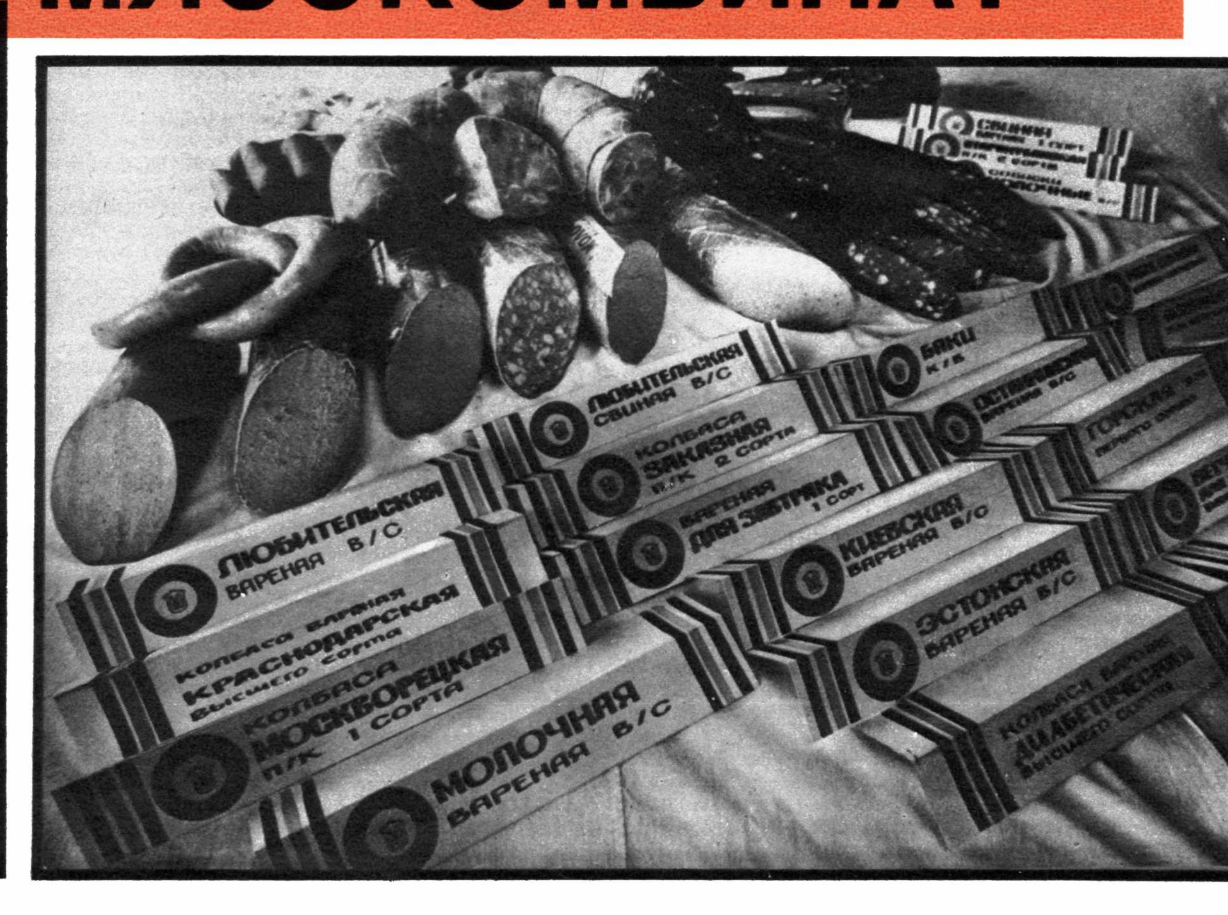
ПРОЗА ЖИЗНИ

МЯСОКОМБИНАТ

Краснодарский мясокомбинат занимает призовые места во Всесоюзном социалистическом соревновании среди предприятий отрасли. «Продукцию вы можете делать на уровне, я бы закупил у вас все, честное слово,— сказал представитель датской фирмы «Петерхольм», испробовав кубанской колбасы.— Кроме, пожалуй, коровьего мычания да поросячьего визга... Знаете что? Поставьте над своим комбинатом навес, прицепите табличку «Музей» — и оставьте нынешнее оборудование в заслуженном покое, ейбогу! А мы, если удачно сложится наша торговля, обеспечим вас самым новейшим — будут возможности потрясти мир».

Потрясти мир...

Фото Владимира ВЕЛЕНГУРИНА

К нам французы приезжали
По обмену опытом,
Их буренки напугали
Своим бравым топотом.

* * *

Мой миленок, как теленок,
За любою телкой шел —
Нынче в мясокомбинате
Место теплое нашел.

* * *

Есть отдельные мужчины —
Носят баки для красы,
А в отдельных магазинах
Нет отдельной колбасы.

* * *

Рыбка плавает в томате —
Ей в томате хорошо.
Я на мясокомбинате
Счастья в жизни не нашел.

(Из городского фольклора)

Ведет рубрику Виктор ЕРОФЕЕВ

ПРАВО НА С

Открывая в журнале ежемесячную рубрику, под которой будет печататься современная проза русского зарубежья, скажу в порядке предуведомления.
В жесткой мифологии тоталитаризма понятие «священной границы» — одно из важнейших. Без него безнаказанность произвола, всенародный страх, уравновешивающий отчаянный энтузиазм и «энтузиазм» отчаяния,— недостижимый идеал опытного диктатора. Быть может, Россия и не родина слонов, но зато наш тоталитаризм оказался самым устойчивым и тоталитарным, наш диктатор — самый гениальный (взять хотя бы его непревзойденную режиссуру — выше любого мирового стандарта! — «московских процессов»), наши границы — наиболее «священными».
Вот почему, когда в семидесятых — восьмидесятых годах мы провожали друзей в эмиграцию, Шереметьевский аэропорт был замечательным образом похож на крематорий: мы знали, что никогда больше их не увидим, и невольно, уже на обратном пути из аэропорта, начинали говорить о них в прошедшем времени: «Он был», «Они были».
Когда в 1988 году я оказался в Америке и встретился со многими «бывшими», то поначалу чувствовал себя как в загробном мире, среди теней, впрочем, вполне упитанных, загорелых, ухоженных и даже порой несколько помолодевших.
Некоторые из этих теней были в прошлой жизни «советскими писателями», то есть принадлежали к тому странному племени, которое тоталитаризм неустанно стремился упорядочить организационно, идеологически и эстетически, что у него блестяще получалось, но не всегда. Не скажу, что провалы тоталитаризма в этой области были количественно частыми, зато они оказались качественно существенными. Конечно, к семидесятым годам тоталитаризм был уже не тот, несколько выдохся, обрюзг, одряхлел, коррумпировался, ему уже не хватало сталинской мощи и выправки, он уже страдал импотенцией, но, воспалившись, еще мог показать себя Гераклом, и показывал, в частности, в садистической возне с отдельными писателями.
Отчего же те осмелели и не подчинялись общей дисциплине, понять на первый взгляд было трудно. В нашем родном тоталитаризме они составляли — как писатели — привилегированную касту, даже в чем-то были более привилегированными, чем партийная верхушка, ибо верхушка состояла из взаимозаменяемых рабов (потому-то «президент» Подгорный мог исчезнуть со сцены в один день, без всяких объяснений), а писатели были «клиентами», с ними «миндальничали», их «увещевали», прощали им всяческие «аморалки», «закидоны». Если одни были рабами, то другие — крепостными, то есть, в марксистском смысле, исторически более продвинутыми к свободе.
И вот случались писательские бунты, индивидуальные и коллективные, вроде такой небольшой пугачевщины, как «Метрополь». Среди бунтарей был поразителен плюрализм мнений, эстетических программ, а сходились они только в одном: так или иначе выпадали из тоталитарной мифологии, то есть выходили из игры, навязанной нашему обществу. Перед тем, как некоторые из них оказались во внешней эмиграции, большинство прошло через внутреннюю. В сущности, в своем творчестве они занимались тем, что стремились «расколдовать» нашу мифологизированную действительность, и потому сталкивались с бешеной яростью идеологических мифотворцев всех мастей, органов и чинов. Наиболее «одержимых» власть волокла на Восток, наиболее известных трусливо гнала на Запад, третьих гноила в психушках и на дому — в поучение всем остальным.
«Священная граница» разрезала современную отечественную литературу на два русла, одних отделив от свободы, других — от читателя, но, несмотря ни на что, единство русской литературы было сохранено в национальном сознании.
Отправляясь на Запад, некоторые наивно полагали, что Запад — это та же Россия плюс свобода. Выяснилось, однако, что дело не только в свободе, но и в разной ментальности, то есть мы здесь не Запад минус свобода, а что-то другое: дикое, конечно, нецивилизованное, хамское и уму непостижимое, но вместе с тем это страна прадедов, юности, первой любви и бог весть еще чего, в общем, какая ни есть, а наша историческая родина.
Есть «колбасная» эмиграция — она бесхитростна по своим рационалистическим целям, и есть та, вынужденная, ищущая свое жизненное назначение в иных условиях существования, что накопила уникальный опыт выживания и созерцания родины из «прекрасного далека».
Почему в русской литературной эмиграции столь много склок и свар, обид и зависти? Не потому ли, что вирус тоталитаризма даже там, за «священной границей», достает соотечественников, воспитанников неволи? Не потому ли, что три волны эмиграции — три разных мира, далеко не всегда взаимопроницаемых? В любом случае не стоит быть судьями, даже не стоит пробовать, да и судьи кто? На мой взгляд, пора просто-напросто дать возможность отечественному читателю услышать все талантливое, что есть в русском зарубежье. Русская литература традиционно сильнее политики, хотя политика традиционно уничтожала русскую литературу. И если «консервативный» реалист Фридрих Горенштейн, замечательный писатель, ныне обосновавшийся в Западном Берлине, уместился под одной «метропольской» крышей с «авангардистом» Василием Аксеновым, то им обоим найдется место и под этой рубрикой. Как и многим другим, пишущим за пределами страны, но остающимся в пределах современной русской литературы, которой хотелось бы пожелать именно беспредельности.
Новую рубрику открывает глава из романа В. Аксенова «Ожог».
Этот прозаик (род. в 1932 году) — целое направление в отечественной литературе, начиная с 60-х годов, со времени «Коллег», «Звездного билета», «Апельсинов из Марокко».
Он неизменно вел своих героев к социальному раскрепощению, в жанровых поисках сочетая его с формальным опытом Хемингуэя, Булгакова, позже Набокова. Один из самых свободных писателей своего поколения, Аксенов по праву считается лидером альманаха «Метрополь», после разгрома которого и публикации на Западе романа «Ожог» он выехал в США, где и узнал о том, что лишен советского гражданства. В ноябре прошлого года Аксенов впервые смог посетить Москву и дал интервью для «Огонька».

ЕРОФЕЕВ: — Думаю, надо напомнить читателям «Огонька», по каким причинам ты открываешь эту рубрику. Как случилось, что ты оказался в Штатах и живешь там?

АКСЕНОВ: — Открываю, думаю, по алфавиту... Я все время попадаю по алфавиту в разные истории, вместе с Беллой Ахмадулиной.

Как я оказался в Штатах? Формально я выехал в 1980 году как бы по приглашению своего старого приятеля, профессора Калифорнийского университета, в двухгодичную поездку, хотя все понимали, что это просто предлог. Я не знал, на сколько я выезжал, и не очень, честно говоря, соображал, что со мной происходит. Я помню, что, когда вышел из самолета в Париже, репортеры спросили: «Вы изгнанник или кто?» Я сказал, что сам не могу понять, кто я — путешественник, или изгнанник, или эмигрант. В моем советском паспорте была американская виза, дающая право на работу, и я отправился в Америку. В первый же день, когда я приехал в Калифорнию, мне позвонил знакомый корреспондент из «Нью-Йорк таймс» и сказал: «Знаешь, тебя лишили гражданства».

ЕРОФЕЕВ: — Это когда было, не помнишь?

АКСЕНОВ: — Это был конец января 1981 года. Потом мне прислали копию странички из «Бюллетеня Президиума Верховного Совета», где был Указ о лишении меня гражданства за «систематический ущерб престижу Советского Союза». Я сразу заметил: на той же страничке передо мной шли два указа о награждении какого-то генерала и какой-то ткачихи орденами и номера указов. Они были датированы январем, а мой указ — ноябрем, и номер был меньше, чем предыдущий. Тогда мне это показалось странным, но потом я понял, в чем состоял трюк,— меня лишили гражданства сразу же, в ноябре, но не обнародовали — видимо, потому, что готовилась высылка Копелева и Войновича. Не хотели вызывать реакцию... Формально ко мне так никто и не обратился, паспорт назад не потребовали. Когда журналисты звонили в советское посольство, им говорили: «Ноу коммент».

ЕРОФЕЕВ: — Все это произошло после «Метрополя». Как ты считаешь, что было главной причиной: сам альманах, «Ожог» или вся твоя деятельность? Или это было предупреждение остальным?

АКСЕНОВ: — Я думаю, меня лишили гражданства из-за «Ожога». Мне дали понять, что, если «Ожог» будет опубликован, мне этого не простят. В «Огоньке» выступал сотрудник КГБ Карпович и упомянул о том, что они меня предупреждали. Мы с ним встречались два раза. Кстати, до визита этих людей из КГБ я роман публиковать не хотел, а после их визита понял, что надо печатать...

ЕРОФЕЕВ: — Сейчас, десять лет спустя, как ты думаешь, какова была цель разгрома «Метрополя»?

АКСЕНОВ: — Просто невозможность найти способ общения с новыми явлениями, возникающими в литературе, полное отсутствие кругозора...

ЕРОФЕЕВ: — Это не цель, это причина, обстоятельство...

АКСЕНОВ: — Цели не было. Был испуг. Самое страшное для них — это групповщина. Не давать прецедента, «тащить и не пущать», не ослаблять ряды... Помнишь тогдашние лозунги: «На идеологии мы не экономим, мы никогда не пойдем на компромисс в идеологии». Они мыслили этими штампами и шли напролом.

Кроме того, тут еще одно обстоятельство присутствовало, не политического, а литературного порядка. Это были времена засилья «деревенской» литературы. «Метрополь» весь представлял собой недеревенскую литературу. Это была группа «урбанистов», «западников», то есть совсем другое крыло идеологически — не в смысле пропаганды, а такого коренного идеологического порядка. И я бы сказал, что тогда деревенская литература совершила предательство по отношению к своим друзьям. Если бы мы были в благоприятном положении в те времена, а власти били бы их, мы никогда не бросили бы в них камень, а, наоборот, постарались бы защитить. Ни одного слова защиты ни от одного из них мы никогда не слышали. Наоборот, было удовлетворение, получение дальнейших Государственных премий, секретарских позиций и прочее...

ЕРОФЕЕВ: — Мне кажется, с твоим отъездом возникла дыра, и это связано с тем, что ты был лидером целого направления в нашей литературе, начиная со «Звездного билета». Это направление, ориентированное на Европу, на Запад, на либерализм, на открытие не только окон, но и дверей... Ты эту линию сознательно проводил, или это было спонтанно?

АКСЕНОВ: — Дело в том, что я начинал в литературе весьма малообразованным молодым человеком. Все наше поколение знало страшно мало. Ваше поколение знает гораздо больше. От нас же все было закрыто. Мы по крохам вытаскивали сначала западную литературу...

ЕРОФЕЕВ: — Сначала были Хемингуэй, Ремарк...

АКСЕНОВ: — Да, или кто-то вдруг добудет несколько печатных страничек Джойса и тащит в зубах, со всеми делится. Или Пруста кто-то вдруг откопал. Хемингуэй тогда вышел двухтомником — целый переворот в умах! Мы еще не знали о нашем наследии, о великой культуре «серебряного века». Мы еще только чувствовали, что рядом с разрешенным Блоком еще что-то и кто-то был... И разрешенный Маяковский жил не в вакууме, от него какие-то ниточки отходят. У меня это все постепенно нарастало...

ЕРОФЕЕВ: — Теперь, почти через тридцать лет, ты воспринимаешь это как вынужденную ущербность поколения? Сталинизм все-таки постарался перерезать все ниточки...

АКСЕНОВ: — Как ни странно, не перерезал. Недавно я размышлял со своими студентами (я веду семинар по «серебряному веку»): что дольше может выстоять, к примеру, в землетрясение? Цивилизация или культура? Цивилизация разрушается почти до основания, а культура все-таки выживает. Культура оказывается более стойкой, потому что она штучное дело. Она часть цивилизации, но она творится одиночками. Одиночке легче уцелеть, чем сети, скажем, церквей, бензоколонок, хороших булочных... Те уничтожаются сразу, рушатся все вместе. А одиночки выбираются из-под развалин. И эта культура, несмотря на все попытки уничтожить ее, каким-то образом постаралась уцелела и вышла на поверхность.

ЕРОФЕЕВ: — Ты один из лидеров «шестидесятничества». Как ты сам теперь видишь это движение?

АКСЕНОВ: — Термин «шестидесятники» вычеканил Станислав Рассадин в ответ на мою повесть «Коллеги». Это было в июне 1960 года. Тогда в «Юности» вышла первая часть повести, а периодика откликнулась огромной статьей под названием «Шестидесятники». Теперь мне кажется, что все-таки это была фронда. Это не был бунтующий молодой человек — фига чаще всего была в кармане... Выходили на эстраду поэты... Тот же Роберт Рождественский: «Мне гидролог говорит — смотри, глубина все девяносто три. Ох,

ВОЙ ОСТРОВ

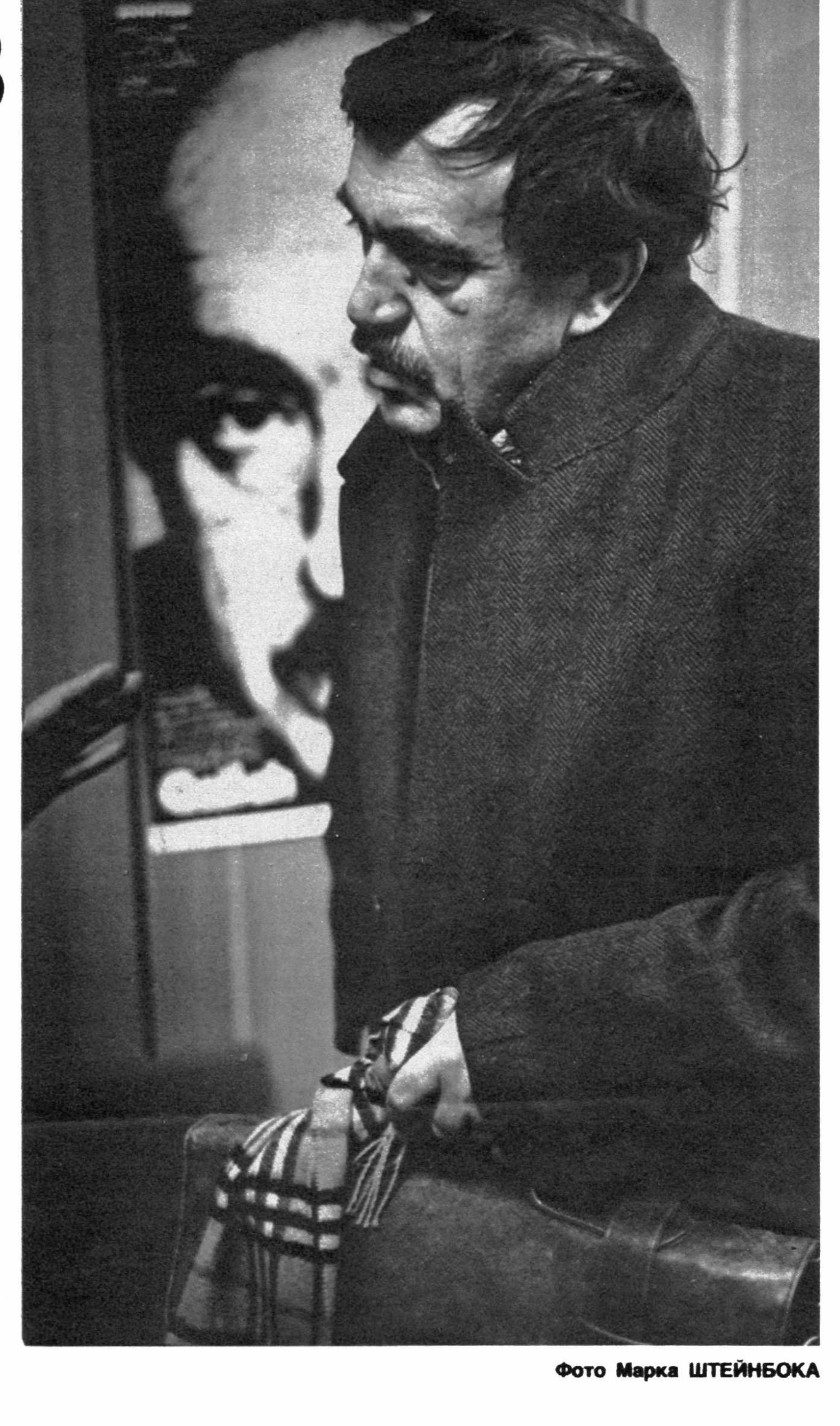

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

и надоела мне одна неменяющаяся глубина!» Казалось бы — ну что? Но весь зал ревет, все все понимают...

ЕРОФЕЕВ: — Но ты думаешь, это нужно было?

АКСЕНОВ: — Обязательно! Поразительно, но вначале нам не казалось, что мы в разрыве с партией, до 63-го года. Казалось, что мы вместе, одно и то же дело делаем — это как после тифа выздоровление, страна после сталинизма. А потом вдруг Никита Сергеевич стал хулиганить в литературе, стучать кулаком, спустил с цепи свою свору... И с этого началось поразительное явление внешних покаяний и внутренних укреплений. Некоторых вынудили покаяться, в том числе меня. Я покаялся тогда в «Правде» в 63-м году, в статье «Ответственность». Я ее написал по настоятельной просьбе журнала «Юность», чтобы спасти журнал. Мне сказали: «Ты должен выступить, все уже выступили — Женя и Роберт, все...»

Оказалось, вся эта тактика насилия и вынужденных покаяний приводила чаще всего к обратным результатам. Вспомни: Войновича вынудили покаяться, он стал гораздо резче. Гладилин — то же самое. И Окуджава...

ЕРОФЕЕВ: — То есть такое покаяние приводит к самосознанию?

АКСЕНОВ: — Само собой! Я в какой-то момент сказал себе: больше никогда, ни на какие компромиссы!

ЕРОФЕЕВ: — Ты тяжело переживал эту статью?

АКСЕНОВ: — Не то слово... Кстати, журнал «Октябрь» тогда в мое покаяние не поверил — меня там яростно обругали: «В своей высокомерной статье Аксенов пытается противопоставить вымышленного героя настоящему рабочему человеку...» и т. д. Но я для себя понял, что я больше не иду на такие вещи.

ЕРОФЕЕВ: — Расскажи о твоем отношении к тому, что сейчас у нас происходит. Ты по-прежнему скептик?

АКСЕНОВ: — В первые годы перестройки, когда о ней только заговорили, нас многих издалека поражало колоссальное количество лицемерия, потому что завопили о перестройке те же самые люди, которые нас душили. Говорить стало можно на большее число тем, но с расширением сферы разговоров расширилась и сфера вранья. Говоришь больше — значит, и врешь больше. И мы очень скептически были настроены. Тогда я даже не мог представить себе такого развития, какое сейчас наблюдается.

ЕРОФЕЕВ: — Какой факт поколебал тебя в твоем скептицизме? Публикация Солженицына? Или книги твоей мамы?

АКСЕНОВ: — И то, и другое. И потом, например, преследуют «Письмо 10-ти», за которое на нас уже при перестройке начали навешивать собак. А сейчас все пункты, которые в этом письме выдвигались, выполняются, в том числе такие кардинальные, как Афганистан.

ЕРОФЕЕВ: — Ты «западник» на Западе. Что это за ситуация? Ты почувствовал на Западе исполнение всех твоих желаний или все-таки, прожив там долго, разобрался в каких-то сложностях западной цивилизации?

АКСЕНОВ: — Запад для меня был совершенно нереальным, хотя я много путешествовал. Он был миром литературы и масс-культуры. А сейчас это для меня среда обитания. Я говорил тут недавно, что для меня Россия стала превращаться в литературу из реальной жизни, и одна из целей моей поездки сейчас — вернуть ощущение живой страны. Это такое отдаление — я до сих пор ведь вздрагиваю, когда иду по этим улицам, а какие-то старушки проходят мимо, разговаривая. Я привык оборачиваться на русский язык — кто там по-русски говорит?

ЕРОФЕЕВ: — А в чем ты видишь именно культурные сложности Америки?

АКСЕНОВ: — Там осуществляется, ай эм сорри, ленинский лозунг «Искусство принадлежит народу». Здесь этого никогда не было. Здесь искусство всегда принадлежало группе, а там, из-за коммерческого подхода, из-за денег, оно действительно становится принадлежащим народу. Кто приносит деньги в кассу? Не знатоки, не «высокие лбы», а простой народ. Поэтому тенденция направить все на массовый вкус вызывает опять же массовый вкус внутри, представление о том, что так и должно быть, порочный круг... Об этом уже многие начинают с тревогой говорить. И мы это раньше заметили, чем национальная интеллигенция.

ЕРОФЕЕВ: — Да, это очень болезненно — коммерциализация...

АКСЕНОВ: — Книга становится «коммодити», такой же, как любой другой торговый предмет. Хотя можно издать самое изощренное произведение, что угодно, никто не препятствует, но направление массовой культуры просто временами ошеломляет. Телевидение как будто адресовано детям! Но обобщения все-таки делать трудно, потому что существуют там и «высоколобые», которые все знают...

ЕРОФЕЕВ: — Да, они просто не в масштабах многотиражных изданий. В университетских изданиях там можно найти очень глубокие исследования...

АКСЕНОВ: — В Америке колоссальный уровень цивилизации и отстающий от нее уровень культуры. Здесь наоборот — почти полное отсутствие цивилизации и по сравнению с этим уровнем цивилизации довольно высокий уровень культуры.

ЕРОФЕЕВ: — Если говорить о нас, то какую тактику ты бы сейчас приветствовал для страны?

АКСЕНОВ: — Я, честно говоря, не знаю. Если бы я сейчас здесь жил, я бы вообще не давил ни на какое правительство. Когда в обществе появились настоящие политические деятели, то писателю нечего делать в политике. От писателя начинают требовать каких-то других, дополнительных функций, когда общество спит, когда нет других возможностей выразить настроения. А я вообще не политическая фигура, хотя мои романы рассматриваются как политические, иногда даже как подрывные. Если у меня даже и есть политические идеи, то они носят второстепенный характер, а главная идея — создание романа как такового. Все остальное — строительный материал.

ЕРОФЕЕВ: — Ты следишь за здешней литературой? Какие писатели вызывают у тебя положительные эмоции?

АКСЕНОВ: — Большинство из того, что мне нравится, я знал раньше, когда оно не печаталось, а ходило в самиздате, в том же «Метрополе». Мне очень нравится Женя Попов и твои вещи... Что бы ни написал Андрей Битов, я всегда читаю с интересом. Может нравиться или нет, но к Андрею нельзя относиться без интереса. То же самое в отношении Фазиля Искандера. Очень люблю Окуджаву. Белла замечательно пишет. Мне кажется, она пишет все лучше и лучше.

ЕРОФЕЕВ: — А Татьяна Толстая?

АКСЕНОВ: — Очень интересная, очень. Но ей еще нужно больше набрать по объему написанного. Ну, кто еще? Пригова очень занятно читать. Я думаю, в смысле молодого поколения поэты более интересны. Роман об этом смутном времени еще не возник. Мы все еще питаемся застоем.

ЕРОФЕЕВ: — А ты что сейчас пишешь?

АКСЕНОВ: — Я вот написал роман по-английски, только что закончил шлифовку. Давал читать американцам, чтобы они отметили мои ошибки, неуклюжести. Сейчас готовлю окончательный вариант и буду посылать в издательство. Делаю русский перевод. Читаю понемножку на «Голосе Америки» кусочки в русском переводе.

ЕРОФЕЕВ: — А на Западе ты видишь какие-то живые силы в литературе? Кого ты читаешь из прозы, поэзии?

АКСЕНОВ: — Я бы сказал, что эмигрантский литературный поток сейчас испаряется. Энтузиазм пропадает. Литературная жизнь была довольно бурная, когда я приехал, было много эйфории, сейчас этого нет.

ЕРОФЕЕВ: — Это вызвано здешними событиями или происходит само по себе?

АКСЕНОВ: — Здешние события играют очень большую роль. Кроме того, мы же находимся на огромном расстоянии друг от друга. Каждый варится в своем соку. Невозможно создать даже подобие литературной жизни. Кто-то тебе дает по морде, а ты узнаешь об этом через полгода. Ты плюнул, и твой плевок летит как бы через космос... Ненормальная ситуация! Сидит наш с тобой любимый Фриц Горенштейн в Берлине, что-то пишет. И я даже не знаю, что. Иногда приеду, узнаю, что он написал повесть, что он разозлен на издателей, разозлен на меня... Впрочем, на меня там все злятся, считают, что я очень большой удачник.

ЕРОФЕЕВ: — А зависть процветает, конечно?

АКСЕНОВ: — Очень много гнусных чувств, злобы. И глупости, иногда чушь какую-то несут в журналах, продиктованную личной ненавистью. Я вспоминаю наши шестидесятые годы, когда мы встречались в ЦДЛ, у нас главная фраза была: «Старик, ты гений!» Все друг другу это говорили, хотя, может, и знали, что далеко не гении...

ЕРОФЕЕВ: — Я эту черту в тебе давно заметил и очень в тебе это ценю. Помню, когда я приходил, еще совсем молодой, к тебе и говорил: «Мне этот не нравится, тот не нравится...» А ты так деликатно всегда находил добрые слова для всех. Это очень важный момент — какого-то единения...

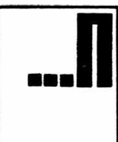
АКСЕНОВ: — Да, потом это все пропало. В эмиграции же процветает мегаломания — я один, а все остальные где-то внизу. В 81-м году возникла группа молодых, они нам как бы бросали вызов — Цветков, Лимонов, Соколов, Милославский. И они тоже друг другу говорили: «Ты гений». А потом и они перестали... Плеяда не состоялась.

Беседу записала Елена ВЕСЕЛАЯ.

Василий АКСЕНОВ

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА

ОЖОГ

ередо мной лежала ночная Москва, безмолвная и чистая. Поблескивали под фонарями сухой наезженный асфальт и стекла телефонных будок. В тихом углу возле булочной под усталой листвой шевелился, чуть пощелкивая, флаг, выпрямлялся и трепетал ровно, укромно и сокровенно, жил своей личной ночной жизнью и думал, что за ним никто не следит. Пойманный неожиданным приступом любви, я долго смотрел на флаг. Вот ведь бедолага, днем агитирует посетителей булочной, а ночью-то, оказывается, ночью-то, оказывается, ждет кого-то терпеливо, по-рыцарски...

Шел уже одиннадцатый час, когда Самсон Аполлинариевич Саблер приблизился к «Синей птичке». У входа теснились любители джаза. Кафе было набито битком, из полуоткрытых окон несся жуткий вой, это играл на своем баритоне Сильвестр. Он заглушал все звуки и перекрывал аплодисменты. Саблер постоял и послушал голос друга и посмотрел, как фаны борются у входа с дружиной.

Наконец Сильвестр кончил свое соло. Сквозь треньканье пианино донеслись крики:

— Чего они, гады, не открывают? Там еще можно стоять!

— Ребята, поднажмем!

— Говорят, Самсик приедет!

— Вы мне говорите! Самсик сейчас на Дальнем Востоке в Находке, посылку из Японии ждет!

— Ладно свистеть-то! Вон Самсик стоит!

Все обернулись и уставились на него с восхищением. Действительно, можно было восхититься молчаливой фигурой в джинсах и кожаной куртке, с футляром под мышкой, таинственной фигурой знаменитого в этих кругах Самсика.

— Самсик приехал! Ну, будет цирк! Вот свинговый парень!

— Эй, дружинники-суки, открывайте!

— Самсик, привет! Давно из Находки?

— Только что с самолета,— сказал он.— Уши еще заложены.

Он увидел дрожащие глаза человека, которому больше всего хотелось выглядеть его близким другом, посвященным, своим «свинговым» малым, и протянул ему руку.

— Хелло, старик!

— Самсик! — задохнулся тот от счастья.— Получил посылочку из Японии?

— Да, получил. Вот сакс получил.

— От Садао Ватанабе?

— Точно, от Садао.

— Самсик, да это вроде твой старый сакс,— ляпнул кто-то из-за спины.

— Новый,— возразил Самсик.— Новый, но совсем как старый. Специальный. Старый-то у меня в Вильнюсе Элка увела.

— Я говорил! — завопил «близкий друг».— Я же говорил, что старый у тебя в Вильнюсе Элка увела! Я говорил, а мне не верили!

— Точно, увела,— кивнул Самсик и протиснулся, наконец, в кафе.

Синяя Птица Метерлинка. Чеховская Чайка. Стальная Птица — Там Где Пехота Не Пройдет, Где Бронепоезд Не Промчится. Птица — Формула — Надежда — Сил Мира Во Всем Мире. Цапля, Тонконогая Мокрая и Нелепая. Помнишь? — Глухой Крик Цапли, в Котором Слышался Шелест Сырых Европейских Рощ, Тяжелый Полет Цапли в Европу Над Костелами Польши, Через Судеты, Через Баварию, Над Женевой, В Болота Прованса, Потом в Андалузию...

Сквозь дым на эстраде различался квартет — Сильвестр, Алик Фридман, Пружинкин и Рысс. Отдельно стоял еще Толстомордый Буздыкин, не играл, читал ноты. Самсик махнул ребятам, они его увидели, оборвали свою канитель и сыграли в честь вновь прибывшего первую фразу «Маршрута А».

Господи, как Самсик их всех любил. Всех, кроме идиота Буздыкина, да и к этому дураку он относился теперь в общем-то терпимо, несмотря на ту давнюю стычку из-за Чехословакии.

Тогда в августе шестьдесят Проклятого они все были в Крыму и вдруг узнали, открыли было рты, чтобы устроить дикий хай, и вдруг заткнулись. Они не понимали, что происходит, почему они не вопят, но рты открывали только для водки или чтобы взять в зубы мундштуки своих инструментов. Они только пили и играли, пили и играли, пили и играли и чуть не сдохли от своей страшной музыки, от водки и молчания, как вдруг прилетел из Столицы Мира Буздыкин и начал говорить гадости о чехах. Дескать, ишь чего захотели, нам нельзя, а им, видите ли, можно! У Буздыкина были личные счеты к чехам: годом раньше ему здорово накостыляли в Праге за педерастические склонности. Самсик, однако, этого не учел и устроил истерику с мордобоем.

ПОТОМ ПОШЕЛ ДОЖДЬ

и вот тогда в дождь после драки мы шли пьяной разодранной дикой кодлой по территории кемпинга, а дождь хлестал, лупил без всякой пощады, бесконечно и жестоко падал на Коктебель, то ли как возмездие, то ли как отпущение грехов. Иногда я оглядывался выпученными глазами и видел сквозь струи нашу компанию, похожую на отряд средневековых мародеров. Кто там был, я и не знал точно: кажется, Левка Малахитов, кажется, Юзек Ципкин, врач из Заполярья, и маленькая чувишка в шортиках, то ли Нина, то ли Инна, то ли Марина, то ли гидролог, то ли биолог, которую мы подклеили возле распивочной цистерны и таскали за собой весь день и затаскали вконец, пока она не пропала, и академик Фокусов с двумя одесскими блядями, и Шурик, фотограф-экзистенциалист из Львова, и кто-то еще из тех, кого, наверное, там и не было,— может быть, скульптор Радик Хвастищев, может быть, хирург Генка Малькольмов, может быть, писатель Пантелей Пантелей, может быть, саксофонист Самсик Саблер, может быть, секретный ученый Арик Куницер, а может быть, даже были и те, кого действительно не было: та женщина, рыжая, золотистая, с яркой мгновенной улыбкой-вспышкой, женщина, которую я не знал всю жизнь, а только лишь ждал всю жизнь и понимал, что ее зовут Алисой, и юноша из воспоминаний, Толик фон Штейнбок, кажется, и он был там.

Мы шли по щиколотку в вонючей грязи поселка Планерское, а мимо нас вздувшиеся ручьи волокли к морю курортные миазмы, и кувыркались в вонючих стремнинах сорванные ураганом будки сортиров и комья кала и жидкая дрисня, и неслись к нашему еще вчера хрустальному морю; на второй день после вторжения!

В кемпинге вся кодла уселась в лужу, где был мусор и репейник, и стала пить из ведра алжирское вино, которое Хуари Бумедьен отправляет нам в тех же трюмных танках, из которых высасывает горючее для МИГов, а полураскоптый транзистор все кричал слабым голосом Ганзелки:

— Не молчите! Друзья! Лева, Гена, Коля, не смейте молчать!

А мы теперь уже и не молчали, мы выли дурными голосами любимую песню нашего детства «Броня крепка, и танки наши быстры, и наши люди мужества полны, в строю стоят советские танкисты, своей великой родины сыны».

Как вдруг мы заметили, что на нас смотрит множество глаз.

Это была длинная молчаливая очередь в душ. Она теснилась под навесом в ожидании доступа к двум ржавым кемпинговским соскам, а вокруг уже вторые сутки лил этот беспощадный дождь.

Тогда кто-то из нас, может быть, Левка, может быть, я, может быть, Юзик или кто-то еще, вскочил, волосатый, в рваной, прилипшей к телу рубашке, босой и опухший, и завопил:

— Что же вы, подлецы, стоите в очереди за водой, когда льет такой дождь? Что же вы, гады, хотите сказать, что не вы сумасшедшие, а мы? Значит, если вас больше, то вы нормальные, а если нас меньше, то мы психи? Эй вы, Единодушное Одобрение, трусы проклятые, смотрите, какой бесплатный внеочередной вселенский душ! Выходите, это приказ вышестоящих органов, проголосуйте единогласно и выходите, может, отмоетесь!

Девушки наши решили, что агитатора сейчас убьют, но Единодушное Одобрение молчало, глядя на нас непонимающими, слегка угрюмыми, но в общем-то спокойными глазами. Вокруг на огромных просторах Оно ехало мимо нас в автобусах и самолетах, развозило из Москвы в сетках апельсины и колбасу, сражалось на спортивных площадках за преимущества социализма, огромными хорами исполняло оратории и звенело медью и ковало, ковало, ковало «чего-то железного» и ехало по Средней Европе, выставив оружие, а Дунай, змеясь, убегал у него из-под гусениц.

Здесь же перед нами Оно уплотнилось на клочке сухого асфальта под полоской жести в очереди за порцией хлорированной воды, а вокруг лупил без передышки вселенский дождь, и глухое черное небо, съевшее вершину Кара-Дага и половину Святой горы и всю Сюрюккая с ее пушкинским профилем, обещало еще неделю потопа, и, значит, так было надо, и все мы, грязные свиньи, были виноваты в случившемся.

Теперь Самсик почти уже забыл драку с Буздыкиным. Давно это все было, и все уже затянулось клейкой тиной. Все уже забывается, что связано с Чехословакией, как забылись в свое время Берлин и Познань, Варшава и Будапешт, и Новочеркасск.

Публика устроила Самсику маленькую овацию. Таинственный Самсик прямо с самолета из Уэлена через остров Врангеля, куда ему на вездеходе компании «Ойл Аляска» лично Стен Гетс прислал свой сакс, в подарок или на время, точно неизвестно, во всяком случае, погудит сегодня Самс, будьте спокойны, смотрите, к буфету уже пробирается заправить баки. Ну, будет сегодня вечерок, надолго запомнится!

В «Синьке» подают только сухое вино, но для Самсика у буфетчицы Риммы нашлась бутылка «Плиски». К стойке подошел Сильвестр, и перед ним Римма поставила стакан сока.

— Уже не можешь без этого? — Сильвестр укоризненно показал на коньяк.

— Наоборот,— ответил Самсик,— с этим уже могу.

Сильвестр покачал головой. В его лице вся мировая джазовая общественность укоряла беспутного Саблера. Сильвестр регулярно переписывался с Телониусом Монком, Уиллисом Кановером, Леонардом Фезером и другими светилами джаза. Он сообщал им наши новости, а в обмен получал пластинки, ноты, журнал «Даун-бит» и прочее. Соответствующие органы, конечно, просвечивали всю эту почту своими соответствующими органами, но не препятствовали, почта поступала исправно, ни один дилижанс еще не застрял на европейских опасных дорогах.

Сильвестр выглядит, как западный интеллектуал. Он всегда следит за модой и всегда ей следует. Сейчас у него длинная шевелюра и свисающие на подбородок усы, но Самсик прекрасно помнит его с коротким ежиком на голове в стиле пятидесятых. Когда он дует в свою кривую трубу, кажется, что это сам сатана, но уж никак не вегетарьянец Сильвестр. Все соблазны угрозил из своей жизни Сильвестр: на бифштексы не смотрит, коньяк не нюхает, чувихам только комплименты говорит. Всю жизнь ему закрыл джаз.

— Но все-таки ты пришел, лапуля,— любовно сказал Сильвестр Самсону.— Пришел, и с инструментом. Мы уже тебя и не ждали.

— День был очень дурацкий, вот и пришел,— сказал Самсик.— Одолели дурацкие воспоминания.

Слева кто-то толкнул Самсика локтем. Он повернулся — Жека Буздыкин, чушка поросячья.

— Самсик, плесни мне малость,— жалобным голосом попросил тот.

— Это так нынче подлизываются? — спросил Самсик.— Клянчишь у меня мой кровный глоточек и думаешь, что после этого все забудется?

Говоря так, он поднял бутылку и сделал вид, что раздумывает — плеснуть или нет. Буздыкин смотрел на бутылку и униженно канючил:

— Кончай, Самс, ты лабух, и я лабух, какие счеты между нами...

— Если тебе рыло начистили в Праге, так ведь за дело, а?

— За дело, за дело.— Буздыкин покрылся потом.

Самсик наклонил бутылку к его стакану, но не наливал.

— А ну-ка, чушка поросячья, расскажи мне какой-нибудь анекдот про танк.

— Про танк? — застонал Буздыкин.

— Расскажешь про танк, налью полный стакан.

— Не надо ему,— сказала Римма,— выпьет и начнет к мальчишкам приставать. Срок ведь схлопочешь, Жека, здесь тебе не Прага.

Буздыкин закрыл глаза и быстро заговорил:

— Идет по лесу Красная Шапочка, а навстречу ей Танк. Здравствуй, Красная Шапочка,— говорит Танк.— Здравствуй,— отвечает Крошка,— а ты кто? Я Серый Волк,— придуривается Танк.— Если ты волк,— засмеялась Красная Шапочка,— то почему у тебя тогда солоп на лбу?

Он мелко-мелко затрясся с закрытыми глазами, а когда открыл их, перед ним уже был стакан с коричневой болгарской влагой.

— Никогда этого тебе не забуду, Самсик,— вдруг очень твердо сказал Буздыкин и унес полный стакан куда-то к туалету.

— За него можешь не волноваться, Римуля,— сказал Самсик буфетчице,— его не заберут.

— Серьезно? — ужаснулась та.— Он, значит, тоже из этих? Серьезно, Сильвестр?

Сильвестр скромно кивнул.

Самсик забрал бутылку и пошел с ней на эстраду. В зале послышался свист. Пока они сидели возле стойки, мальчики и девочки, посетители «Синьки», успели уже достаточно поиграть в Гринич-вилледж и теперь жаждали новой встряски. Самсон и Сильвестр вместе — ого! — из этого что-нибудь получится...

Самсик, старый Самс, посмотрел в зал на публику. Девчонки все были в джинсах и маечках, одна халда таскала по полу шлейф старинного платья и потому не присаживалась, чтобы всех поразить, еще одна, узкоглазая, курносая, была вся в золоте, серьги, браслеты, монисто — откуда такая богатая взялась?

Из ребят иные сосали трубочки и хохлились, сумрачные интеллектуалы, на других сверкали пуговицы блейзеров, и вели они себя соответственно — плейбойски, были и «дети цветов», но, конечно, в более умеренном виде, чем их лондонские братья, в более терпимом для московской милиции. В зале сидели и два-три комсомольских вожака в их установившейся уже униформе — добротный костюм, белая рубашка, галстук, клерки молодежного министерства. В последнее время комсомол из злейшего врага стал снисходительным покровителем джаза.

Самсик минуту или две смотрел в зал, подмигивал знакомым, расшаркивался перед девочками, потом махнул всему составу рукой — поехали.

Пружинкин, как всегда, начал со своего любимого Take five, зал зашумел, Самсик дунул пару раз в свою дудку и вдруг закрыл глаза — отчетливо и ярко, как кинофильм, вспомнил свой дебют.

Это было в ноябре 1956 года на вечере Горного института в Ленинграде в оркестре первого ленинградского джазмена Кости Рогова.

Тогда в танцзале стояли плечом к плечу чуваки и чувихи, жалкая и жадная молодежь, опьяневшая от сырого европейского ветра, внезапно подувшего в наш угол. Бедные, презираемые всем народом стиляги-узкобрючники, как они старались походить на бродвейских парней — обрезали воротнички ленторговских сорочек, подклеивали к скороходовским подошвам куски резины, стригли друг друга под «канадку»...

Костя Рогов снял пиджак и остался в своей знаменитой защитного цвета рубашке с наплечниками и с умопомрачительным загадочным знаком над левым нагрудным карманом SW-007.

— Сегодня, мальчики, начинаем с Sentimental jorney! — сказал он.

— Между прочим, здесь типы из Петроградского райкома комсомола,— предупредил осторожный ударник Рафик Тазиддинов, «Тазик».

— Плевать! — Рогов засучил рукава, словно собирался драться, а не играть на пиано.— Слабаем «Сентиментл», а потом Lady be good, а потом рванем «Бал дровосеков», и гори все огнем! Самс, за мной!

Он подтащил меня за руку к рампе и закричал в зал:

— Тихо, ребята! Всем друзьям нашего оркестра представляю нового альт-саксофониста. Самсон Саблер! Не смотрите, что у него штаны мешком — он хороший парень! Можете звать его просто Самс!

Зал зашумел. Я остался один и сжал саксофон. У меня уже текло из подмышек, лицо покрылось пятнами и колени затряслись. Нет, не сыграть мне «Сентиментл», я сейчас упаду, я еще перну, чего доброго... Нужно испариться, пока не поздно, кирнуть где-нибудь в тихом месте и все, ведь нельзя же стоять вот так одному, когда столько девочек сразу смотрят на тебя.

Я сделал какое-то суетливое полуобморочное движение, как вдруг увидел в нескольких метрах от себя, в толпе, длинные светлые, грубо обрезанные внизу космы, падавшие на вздернутые груди, и маленькие глаза, смотревшие на меня с необычным для наших девочек выражением, и полуоткрытый рот... Это была она — Колдунья, Марина Влади, и я вдруг напружинился от отваги и неожиданно для себя заиграл.

О, Марина Влади, девушка Пятьдесят Шестого года, девушка, вызывающая отвагу! О, Марина, Марина, Марина, стоя плывущая в лодке по скандинавскому озеру под закатным небом! О, Марина, первая птичка Запада, залетевшая по запаху на оттепель в наш угол! Стоит тебе только сделать знак, чувиха, и я мигом стану парнем, способным на храбрые поступки, подберу сопли и отправлюсь на край света для встречи с тобой. О, Марина — очарование, юность, лес, голоса в темных коридорах, гулкий быстрый бег вдоль колоннады и затаенное ожидание с лунной нечистью на груди.

Я заиграл, и тут же вступил Костя, а за ним и весь состав, а она подпрыгнула от восторга и захлопала в ладоши — все тогда обожали «Сентиментл».

А у нас в России джаза нету-у-у,
И чуваки киряют квас...—

завопила в углу подвыпившая компания хозяев бала — горняков. Теперь было ясно — скандала не миновать.

Тогда еще запрещалось молодежи танцевать буржуазные танцы, а разрешались только народные, красивые, изячные, патриотические экосезы, менуэты, па-де-патинеры, вальс-гавоты. В чью вонючую голову пришла идея этих танцев, сказать трудно. Ведь не Сталин же сам придумал? А может быть, и он сам. Наверное, сам Сталин позаботился, сучий потрох.

В последнее время, увы, гнилые ветры оттепели малость повредили ледяной паркет комсомольских балов, и в разводья вылез буржуазный тип с саксофоном, то есть прыщавый Самсик, стриженный под каторжника, в нелепо обуженных штанах с замусоленным рублем в кармане, двадцатилетний полу-Пьеро, полухулиган, красивый Самсик собственной персоной.

Дух непослушания, идея свободы мокрой курицей пролетела от стены к стене, и все затанцевали, и закачались люстры, и плюшевые гардины криво, словно старушечьи юбки, сползли с окон — в зал перли безбилетники.

Мы тогда еще почти не знали бибопа, только-только еще услышали про Паркера и Гиллеспи, мы еще почти не импровизировали, но зато свинговали за милую душу.

Вдруг я увидел, что моя Марина Влади танцует с одним фраером в длинном клетчатом пиджаке, и вспомнил, что у фраера этого есть машина «Победа», и прямо задрожал от ревности и обиды, а сакс мой вдруг взвыл так горько, так безнадежно, что многие в зале даже вздрогнули. Это был первый случай свободного и дикого воя моего сакса. Костя Рогов мне потом сказал, что у него от этого звука все внутри рухнуло, и все органы скатились в пропасть, один лишь наполнился кровью и замаячил, и Костя тогда понял, что рождается новый джаз, а может быть, даже и не джаз, а какой-то могучий дух гудит через океаны в мою дудку.

Песня петроградского сакса
образца осени Пятьдесят Шестого.

Я нищий,
нищий,
нищий,
И пусть теперь все знают — я небогат!
Я нищий,
нищий,
нищий,
И пусть теперь все знают — у меня нет прав!
Пусть знают все, что зачат я в санблоке,
на тряпках
Двумя врагами народа, троцкистом и бухаринкой,
в постыдном акте,
И как я этого до сей поры стыжусь!
Пусть знают все, что с детства я приучался
обманывать все общество.
Лепясь плющом, и плесенью, и ржавчиной
К яслям, детсаду, школе, а позднее к комсомолу
Без всяких прав!
Я нищий,
нищий,
нищий,
И пусть теперь все знают, что
Я девственник в обтруханных трусах!
Я девственник, я трус с огрызком жалким, но.
О Боже Праведный, я не гермафродит!
Мужчина я! Я сын земли великой!
Я куплен Самсиком на бешеной барыге
у пьяного слепца
За тыщу дубов, которые собрал он донорством
и мелким воровством.
Но, Боже Праведный, мне двадцать лет, а скоро
будет сорок!
Я тоже донор, и кровь моя по медицинским
трубкам
Вливается в опавшие сосуды моей земли!
И пусть все знают — я скорее лопну,
чем замолчу!
Я буду выть, покуда не отдам моей искристой
крови,
Хотя я нищий,
нищий,
нищий...

Я сам тогда перепугался, сил нет, и вдруг заметил, когда последние пузыри воздуха с хрипом вылетали из сакса, что в зале никто не танцует, а все смотрят на меня: и Марина Влади, и ее клетчатый фраер, и все пьянчуги-горняки, и все молчат, а из глубины, расширяясь и устрашающе заполняя вакуум, прокатилось гусеницей:

— Прекратить провокацию!

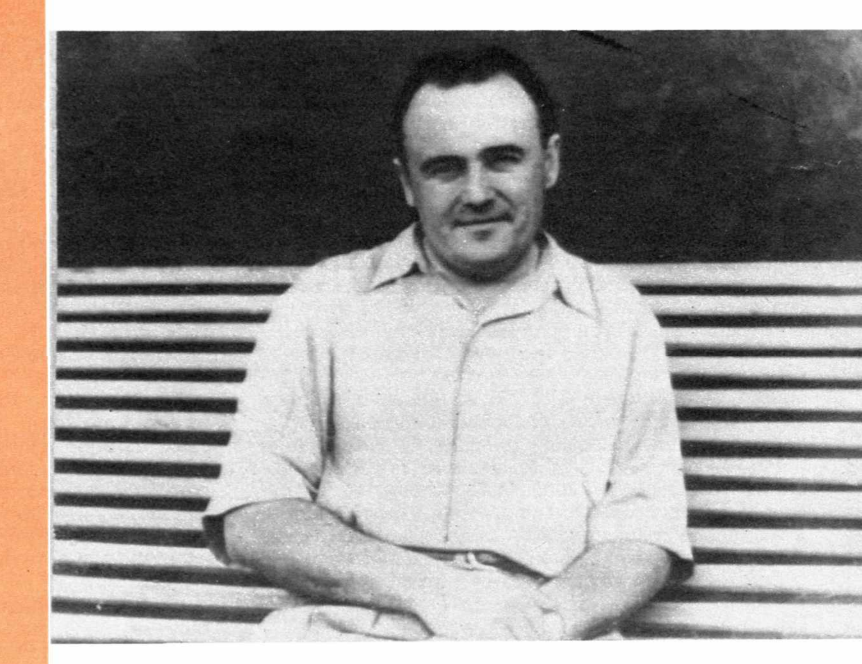
Тогда в глазах у меня вспыхнули солнечные полосы и квадраты, прозрачный сталактит и черное пятно воспоминаний, я покачнулся, но Костя Рогов поддержал меня объятием и выплюнул в зал одно за другим наши полупонятные слова:

— Целуй меня в верзоху! Ваш паханок на коду похилял, а мы теперь будем лабать джаз! Мы сейчас слабаем минорный джит-тер-баг, а Самсик, наш гений, пусть играет, что хочет. А на тебя мы сурляли, чугун с ушами!

И мы тогда играли. Да разве только в джазе было дело? Мы хотели жить общей жизнью со всем миром, с тем самым «свободолюбивым человечеством», в рядах которого еще недавно сражались наши старшие братья. Всем уже было невмоготу в вонючей хазе, где смердил труп «пахана»,— и партийцам, и народным артистам, и гэбэшникам, и знатным шахтерам, всем, кроме нетопырей в темных углах. И мы тогда играли.

Рисунок Вячеслава ЛОСЕВА

КОРОЛЕВ БЕЗ РАКЕТ

Ярослав ГОЛОВАНОВ

Люди, давно и хорошо знавшие Королева, отмечают, что после стартов первых космонавтов он начал заметно меняться. Короче и тише стали разносы, он больше стал прощать, больше советовался, чаще прислушивался к чужому мнению. Он стал мягче, спокойнее, добрее к людям.

По письмам Сергея Павловича к Нине Ивановне видно, что он внимательнее стал относиться к жене. Он начал задумываться над проблемами, которые она не раз обозначала перед ним, но которых замечать он не хотел, потому что все они казались ему второстепенными и несрочными. Королев всегда был человеком, который, стремясь к выбранной цели, несся к ней, сокрушая все на своем пути, и ни на секунду не спуская с нее глаз. И теперь он не остановился, движение его было столь же стремительным, но он начал оглядываться вокруг и замечать то, что он раньше не замечал, а точнее, что он не позволял себе замечать. Открылись вдруг простые истины: кроме полигонов, существует дом, кроме ракет — люди, кроме космоса — Земля.

«Ты во многом, очень многом права в своей оценке нашей безудержной работы,— пишет Сергей Павлович жене в конце 1962 года.— Дальше так нельзя, и даром такая работа ни для кого из нас не окончится. Все это крайне тяжело отражается и на личной жизни. Вернее,— ее нет! Я постараюсь изменить это положение, как уже очень многое мы с тобой меняли в нашей жизни. Я не обещаю, что это будет очень резко и быстро, и много, но это будет сделано.

Что я хочу сделать?

— Хочу работать в основном[1] нормально, т. е. часов до 7—8 вечера (а то и меньше) и лишь изредка позже. Т. е. хочу иметь время для нас с тобой и сохранить силы.

— Не хочу работать в праздники.

— Будем 2—3 раза в год хоть неподолгу, но отдыхать.

— Первый отдых попробуем на 8—10 дней в этом январе.

— Хочу хорошенько заняться нашим домом, тебе в помощь, прежде всего.

— Попробую по всем линиям (не хочу писать подробнее).

Таковы мои планы по работе, чтобы наладить получше нашу жизнь, чего ты справедливо хочешь и чего хочу я.

— Хочу еще немного хотя бы (в основном дома) заняться научными трудами: много есть мыслей и не хотелось бы их потерять».

Тогда, в январе 1963 года, ему, как он обещал, удалось вырваться на несколько дней в подмосковный санаторий. Видно, совсем невмоготу было, если даже Тихонравов пометил в своем дневнике 11 января 1963 года: «СП говорит, что плохо себя чувствует». Ну, а дальше? 23 января он уже снова в ОКБ, в феврале — на космодроме: «В больших довольно дозах принимаю валидол». 25 февраля проводит большое совещание в Подлипках, готовит выставку приборов, пробивает академический журнал по космонавтике. 5, 6 и 7 марта серия совещаний по реконструкции всего ОКБ,— «надо пересаживаться», утверждает первые, прикидочные чертежи нового космического корабля «Союз». И опять космодром. Вот вам и «новая жизнь». Ровно через три месяца после своего «программного» письма он снова пишет Нине Ивановне с Байконура: «Ты знаешь, я по натуре большой оптимист всегда и во всем. И сейчас мне все еще верится, что както немного легче будет жить, будет больше времени, появится больше сил и все будет лучше».

Два неудачных пуска «Луны» и «Венеры» очень огорчают «большого оптимиста». Доклад Хрущеву. Объяснения. 17 апреля заболел. 20-го — уже в ОКБ, 22-го — в Тюра-Таме, 28-го — делает доклад у Келдыша в отделении прикладной математики, в начале мая — опять Тюра-Там. Он искренне хочет остановить этот бешеный бег времени, но не может. Снова пишет, уже в сентябре: «Как жаль, что мы так мало хорошего с тобой видим и берем в жизни. Это конечно я все и во всем виноват. В погоне за своими «достижениями» не вижу и не слышу света и голоса окружающей нас с тобой жизни...»

Это выдержки из нескольких писем 1964 года. А можно взять 62-й или 65-й, какая разница?..

Неужели он не понимал, что, увы, ничего у него не выйдет с этими новыми планами, что, если он начнет жить подругому, это будет уже не он, а другой человек, что, если он остановится на бегу, он перестанет существовать, ибо масса его покоя, как у нейтрино, равняется нулю. Никогда бы ничего он и не сделал, живи он иначе, без этой святой «погони за достижениями». Да, он искренен, когда пишет, что хочет жить иначе, но не понимает, что это не зависит от его воли. Таким, как он, люди обычные часто задают вечный вопрос: «А что, тебе больше всех нужно?» А действительно, что, Королеву больше всех было нужно запустить спутник, отправить ракету на Луну, послать в космос Гагарина? Да! Именно так! Ему это нужно было больше всех! Потому что всякий истинно талантливый человек — пленник своего таланта. Талант, а не сам он распоряжается его жизнью, его трудом, его досугом, его домом, его праздниками, друзьями, даже сном. Человек не в состоянии освободиться от постоянного чувства предначертанности своей судьбы, обязанности перед своим даром, которое неразрывно срослось с его «я», которое, собственно, и составляет это «я». Можно (и нужно!) завидовать яркой судьбе этого великого первопроходца. Но ведь можно и пожалеть его! Получая недоступные нам радости, он лишался радостей доступных, а ведь и они тоже истинные радости.

У него не было друзей, ибо он всегда был больше предан идеям, нежели людям. Были единомышленники. В молодости — Сергей Люшин, Петр Флеров. В зрелые годы — Василий Мишин, Николай Пилюгин. А друзей не было. С сотнями людей я встречался и говорил, но ни один не мог мне сказать: «Я был близким другом Сергея Павловича...»

Может быть, это объяснение покажется надуманным, но друзей у Королева не было еще и потому, мне кажется, что люди, которые не интересовались его делом, не могли быть ему интересны, а дружба с людьми из его круга страшила его усложнениями деловых взаимоотношений: друзьям труднее приказывать. Он жертвовал дружбой ради дела.

Ну, а потом, настоящие друзья требуют времени. А времени у Королева и в молодости, и в зрелые годы всегда в обрез.

Не было и того круга людей, которые образуют некую общность «друзей дома», кто чаще других присутствует в разных семейных торжествах. Можно разве что назвать семью Германа Яковлевича Семенова, который работал на опытном заводе в Подлипках. Но Герман — это не друг, а родственник: он был женат на старшей сестре Нины — Александре Ивановне.

Когда уже после смерти Сергея Павловича в останкинский дом приезжали кинодокументалисты, они спрашивали Нину Ивановну:

— Ну, а в этой столовой собирались ученые, конструкторы — спорили? Келдыш здесь часто бывал?

— Нет, не собирались, не спорили,— грустно вздохнула Нина Ивановна.— И Келдыш здесь бывал очень редко...

Можно по пальцам перечесть гостей, которые заполнили этот дом за те шесть с небольшим лет, что прожил в нем Королев.

Келдыш был, кажется, однажды, когда Нину Ивановну выписали из больницы после удаления желчного пузыря. Приезжали министр здравоохранения Курашов и хирург Вишневский с женами. Вот тогда был и Келдыш, один, без жены.

Чаще других бывал в доме Гагарин. Иногда он приезжал с Титовым, Николаевым, Поповичем. Еще не летавшие космонавты в доме Королева не бывали. Первую ночь после смерти Сергея Павловича Гагарин ночевал на одном раскладном диване вместе с Германом Семеновым. Позднее приезжал Володя Комаров, помогал лакировать пианино. Почти всегда космонавты приходили без жен. Даже Валя Гагарина, к которой Сергей Павлович относился с подчеркнутым уважением, редко приезжала с Юрой.

В доме бывали, но тоже очень редко, Мишин, Тихонравов, Воскресенский, Черток, Бушуев, Охапкин. Несколько сотрудников ОКБ приезжали, когда Королев болел, привозили на подпись бумаги. Чаще других бывал Константин Иванович Трунов.

Иногда появлялись случайные гости. Павел Алексеевич Курочкин, генерал, впервые обнаруживший в Польше осколки Фау-2. Или Борис Евгеньевич Патон из Киева.

Всем запомнился последний день рождения Сергея Павловича в останкинском доме в январе 1965 года. Он сам вдруг стал звонить по телефону, приглашать. Сергея Николаевича Люшина звонок его очень удивил: они не виделись лет пятнадцать.

— Серега, ты знаешь, я пришел домой и узнал, что сегодня день моего рождения. Приезжай, пожалуйста...

— А как к тебе добираться?

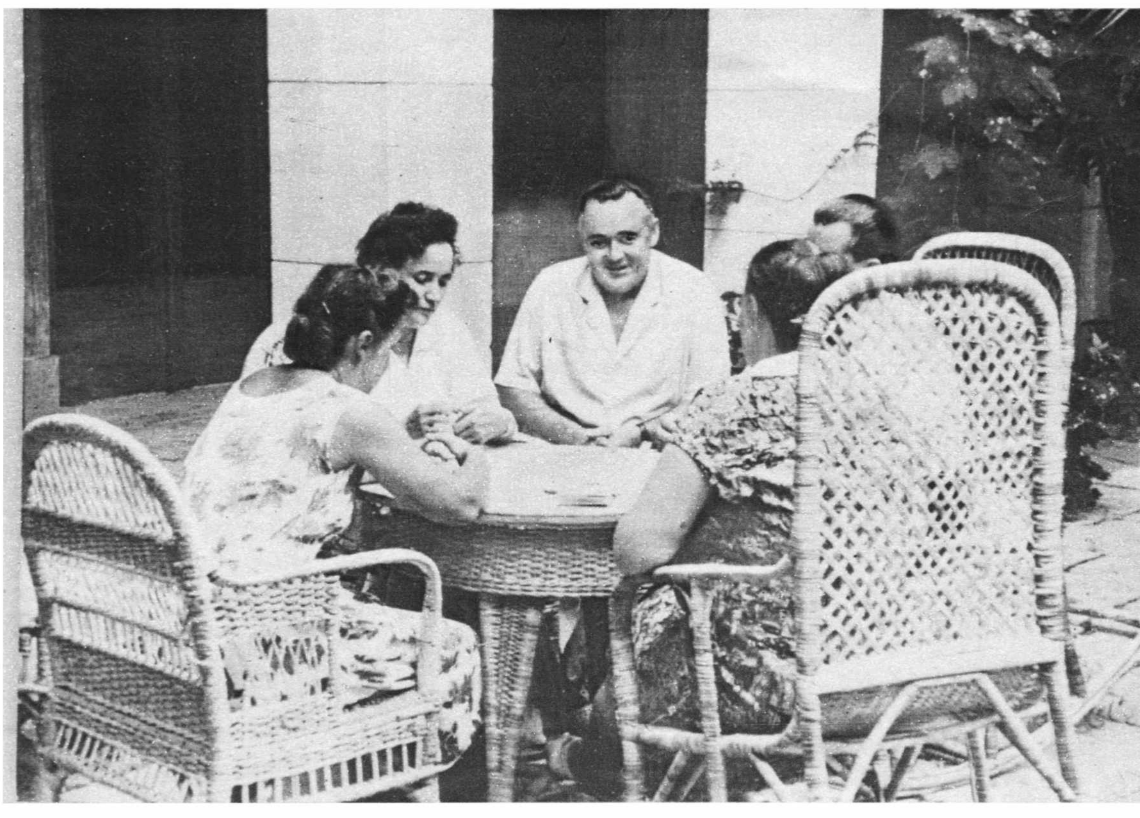
— Сейчас позову Нину, она тебе расскажет, сам я не знаю...

Через пять лет Сергей Николаевич рассказывал мне об этом вечере: «Я вошел и несколько оторопел: почти все присутствующие были с Золотыми Звездами на груди. Но Королев, взяв меня под руку, ввел в столовую так, будто всех этих людей он собрал только ради того, чтобы познакомить их со мной...»

В тот вечер в доме было действительно много народа: стульев не хватало, принесли скамейки. Были и свои,

[1] Подчеркнуто С. П. Королевым.

подлипковцы, и космонавты, Мурысев, секретарь обкома из Куйбышева, и другой куйбышевец — Николай Дмитриевич Кузнецов — с женой, двигателист, глава могучей фирмы, с которой Королев связывал большие надежды на будущее.

Сергей Павлович был необыкновенно весел, улыбчив, приветлив со всеми, вспоминал разные истории, а где-то уже за полночь вдруг неожиданно предложил:

— А хотите, я вам расскажу, как я золотишко копал на Колыме?..

Вечер этот, может быть, потому и запомнился многим, что был он исключением из общих правил жизни Главного Конструктора.

Королев не умел отдыхать. Как танк, созданный для боя, неуклюж на пахоте, так и Королев на отдыхе чувствовал себя не в своей родной стихии. Приходилось читать, что Главный Конструктор работал без устали, без выходных, годами не бывая в отпуске. Это неверно. Работал много, часто без выходных, но в отпуске бывал регулярно, за редким исключением почти каждый год: я смотрел его курортные книжки, сохраненные Ниной Ивановной.

И все-таки Королев не умел отдыхать. Часто тяготился отдыхом. Однажды жили они с женой в Соснах под Москвой. Нина Ивановна поставила единственное условие: там не должно быть телефона. Приехали. Телефона нет.

— Нинуля, ты переодевайся, а мы с Леонидычем пройдемся,— сказал Сергей Павлович и, взяв под руку своего шофера Александра Леонидовича Репина, вышел в сад.

— Поезжай на работу и скажи, чтобы завтра же был телефонист и поставил телефон,— сказал он Репину, едва они сделали несколько шагов по дорожке.— Мне он не нужен. Это Москва требует...

Отдыхая на юге в каком-нибудь санатории, он поначалу исправно ходил на все процедуры, гулял с Ниной, вечерами смотрели кино, даже на танцплощадке они появлялись (Сергей Павлович танцевал редко, больше ревновал Нину, когда с ней танцевали другие), но при всем при этом в подсознании он работал. Уже через несколько дней начинались телефонные звонки в Москву, из Москвы. Часто случалось, что рядом отдыхали опять же «свои» — Козлов, Бушуев, Ключарев, Ивановский. Не говорить с ними о делах он не мог. Но если даже и не говорил... Чрезвычайно характерную деталь приводит в своих воспоминаниях Олег Генрихович Ивановский. Вместе с Королевым летом 1963 года он оказался на Кавказе. На пляже Олег игриво сказал Главному: «Сергей Павлович, а между прочим, сегодня в парке лекция: «Достижения СССР в освоении космического пространства». Читает не кто-нибудь, а кандидат наук, член общества по распространению политических и научных знаний из Москвы...»

Королев мгновенно встрепенулся:

— Непременно надо сходить!

И он пошел и слушал очень внимательно...

Что мог нового сказать ЕМУ столичный лектор? Но лектор этот (знал ли он, кому рассказывает?!) вернул Сергея Павловича в желанный мир его трудов и грез.

В редкие праздные воскресные дни Нине Ивановне иногда удавалось вытащить его на природу.

— Помню, однажды небольшой компанией мы уехали на машине за город,— вспоминает она,— очень долго выбирали местечко, где бы нам остановиться: то место некрасивое, то народу много. Наконец Сережа нашел полянку.

— Тут,— говорит.— Замечательное место!

И улегся где-то в тенечке, на раскладушке, а мы сели, начали в карты играть. Потом чувствуем, что-то под нами мокреет. Огляделись, а мы сидим на болоте. Сережа этого не заметил, очевидно, думал о другом...

Когда я просил Сергея Павловича рассказать мне о себе, он начинал объяснять, как он занят: и улетать надо, и вообще... В следующий раз как-нибудь... Забыв о том, что он вырос в Одессе, я однажды предложил:

— Поедемте за грибами. Будем собирать грибы и вспоминать вашу жизнь...

— За грибами? Собирать грибы? — переспросил он с какой-то ироничной задумчивостью и разговор этот не продолжал. Я понял, что дело не только в том, что он, как каждый южанин, ничего в грибах не понимает и не может любить грибную охоту, но и в том, что у него есть свои, на первый взгляд простые вопросы, даже для него неразрешимые.

Когда в воскресенье Сергей Павлович не уезжал на работу и оставался дома, он был очень не похож на Королева, всем известного. Он долго спал, неохотно вставал, медленно завтракал, снова ложился. Набирал в постель целую кипу газет и журналов, но быстро засыпал. При этом не любил оставаться дома один, должен был знать, что Нина — в доме.

— Однажды я собралась в гости к сестре,— рассказывала Нина Ивановна.— Дело было в воскресенье. Сережа говорит:

— Я пойду отдохну: устал что-то, а ты поезжай...

Я уехала. Приезжаю, мне говорят: «Сережа звонил». Позвонила ему. Он говорит:

— Ну что же ты уехала, бросила меня...

— Хочешь, я вернусь?

— Нет, не надо. Я спать буду...

Через двадцать минут звонок:

— Это я. А что вы там делаете?

Я не выдержала и вернулась. Он спал...

Но чаще всего он не знал никакого различия между праздниками и буднями. Праздники даже раздражали его. Первомай 1953 года помешал ему продолжить испытания ракеты Р-5. То же часто было и на Байконуре. Астрономически выверенный старт неудачной (как вскоре выяснилось) «Луны-4» требовал заправки ракеты в новогоднюю ночь — 31 декабря 1962 года. Королев искренне не понимал и раздражался, когда ему говорили, что обидно работать в новогоднюю ночь. Какая разница?! Присутствия Главного вовсе не требовалось, но Сергей Павлович встретил Новый год на стартовой площадке. Наверное, здесь ему было интереснее, чем за праздничным столом с генералами...

Для «украшательства образа» о Королеве писали, что он любил работать в саду, возиться с цветами. Это уже стало стереотипом: и в книгах, и в фильмах положительный герой обязательно что-то сажает, окучивает, опершись на лопату, с мудрой улыбкой смотрит на младую поросль. Так вот, Королев любил цветы, особенно сирень. Но в саду работать не любил и с цветами возился мало. Однажды больно укололся о розовый куст, надулся, как ребенок, обиделся на цветы и ушел.

Кроме творческой биографии К. Э. Циолковского, Королев мечтал написать книгу воспоминаний. Он говорил Нине Ивановне, что хочет рассказать о людях, благодаря которым он попал в тюрьму и на каторгу.

— Надо, надо написать! — говорил он.— Надо, чтобы люди знали!

Но и этого он тоже не мог себе позволить.

Входя в избранный круг научно-технической элиты страны, был ли Королев богат? Не был. Он получал много денег, но богатым человеком Королев не был. До осенней денежной реформы 1961 года все его доходы, включая и «академические», составляли 15 тысяч рублей в месяц. Позднее соответственно — 1500 рублей. В доме Королева — в этом может убедиться любой посетитель мемориального музея — есть хорошие вещи, но назвать дом богатым нельзя. И телевизор был, и магнитофон, но обычные, магазинные, хотя, конечно, он мог себе позволить японскую или немецкую дорогую технику. Из Ленинграда Сергей Павлович однажды привез картину: какой-то мокрый пейзаж. Почему он ему понравился, неизвестно. Купил. Дома жене рассказывает:

— Представляешь! Пока они там опознавали эту картину, я ее купил. Вполне возможно, что сам Клодт...

Нина Ивановна узнала, что за картину заплатил он 300 дореформенных рублей, и успокоила его:

— Нет, Сереженька, это не Клодт...

В день рождения сослуживцы подарили его портрет, сделанный из кусочков дерева. Портрет Сергею Павловичу понравился. Он разыскал автора — художницу Ингу Сергеевну Сущинину — и заказал ей такой же портрет Нины. Заплатил по современным ценам что-то около двухсот рублей и радостно поставил портрет в своем домашнем кабинете.

Он никогда не «вкладывал деньги» в произведения искусства. Понравился пейзаж — купил, понравился портрет — заказал. Он получал (или не получал) удовольствие от вещей вне зависимости от их цены. Ничего не собирал, не коллекционировал. Мебель в доме была хорошая, но не антикварная. Посуда красивая, но не драгоценная. Библиотека большая, но не редкая. Неверно было бы сказать, что он относился к деньгам совершенно равнодушно. Нет, это не так. Но он относился к ним спокойно. Где-то, кажется, у Хемингуэя, есть: постель должна быть мягкой, фуфайка теплой... Так он и жил.

Впрочем, была у Королева одна действительно дорогая вещь. Из Германии он привез двухстволку «Зауэр — три кольца»,— настоящие охотники знают, что это такое. Но на охоту Сергей Павлович так и не собрался, а о двухстволке забыл.

— Ружье лежало в сундуке совершенно беспризорное,— рассказывала Нина Ивановна.— Смазка в нем затвердела, я отдала его знающему человеку. Он его вычистил, смазал, говорит мне:

«Ему цены нет, этому ружью...» А потом Сережа подарил двухстволку хирургу Вишневскому.

— Королева многие считали очень богатым человеком,— рассказывает Нина Ивановна.— Мария Николаевна однажды спросила у него: «Сережа, у тебя открытый счет?» Он улыбнулся и говорит: «Да, мама, а сколько тебе надо?» — «Шестнадцать рублей». Он поморщился: ведь он давал матери каждый месяц 250 рублей[2].

Помню, он получил премию — пять тысяч рублей — и говорит:

— А куплю-ка я тебе шубу норковую!

Я его отговаривала, но он купил. Другой раз он подарил мне заграничный киноаппарат. Он стоил 800 рублей. Потом я случайно узнаю, что деньги на этот аппарат он занял и потихоньку выплачивает...

Останкинским домом Сергей Павлович был награжден правительством. Но забыли внести какой-то пункт в постановление, и мы платили довольно большие деньги за дом и за участок земли, на которой дом стоит... Сережа часто одалживал людям деньги, а то и просто давал. Приходит, помню, однажды и говорит: «Солдатика я тут привез с полигона. На работу к нам устраивается. Нет у него ничего. Я дал ему...» Какая-то давняя его пассия — певица из Пскова — прислала письмо, просила «взаймы» денег на концертное платье. Он послал 300 рублей. Одна из первых фотографий Сережи 1907 года — ему и годика нет — на руках у няни, Варвары Ивановны Марченко, молоденькой деревенской девушки. Вдруг объявился ее брат: «Надо бы денег на оградку Варвариной могилки...» Еще 150 рублей послал. Не помню точно, но какие-то деньги он давал на памятник Цандеру в Кисловодске... Деньги мы все тратили. После смерти Сергея Павловича у него на сберегательной книжке было 16 рублей 24 копейки...

Королев не следил за модой, к одежде был довольно равнодушен. Ни разу не видел его в галстуке. Да и мало кто его видел: он надевал галстук лишь при крайней необходимости, в случае высочайшего официоза. Однажды Нина Ивановна купила ему несколько мягоньких сереньких рубашек, которые носят без галстуков. Он их полюбил и очень долго носил, пока не потерлись воротнички. Больше такие рубашки не продавались. Нина Ивановна перелицевала воротнички. Сергей Павлович посмотрел, ничего не сказал, но носить не стал.

Я увидел первый раз Королева летом 1961 года и хорошо помню, как он был одет. Легкая рубашка на «молнии», с короткими рукавами была заправлена в светлые бумажные брюки. Если не ошибаюсь, это были брюки китайской фирмы «Дружба», очень хорошие для лета, которые тогда все носили. Дешевле брюк, насколько я помню, не продавалось. Обут он был в коричневые летние туфли с дырочками. В этих туфлях он фотографировался с космонавтами на Явейной даче.

Королев любил ходить, оттянув кулаками карманы брюк. Карманы рвались, и Нине Ивановне приходилось часто их зашивать. Сергей Павлович очень не любил менять свои туалеты, если начинал носить костюм, то заставить его переодеться было трудно.

— Возьми другие брюки, я эти поглажу,— говорила Нина Ивановна.

— Да ладно, я в этих пойду...

Он считал «счастливым» тяжелое пальто из синего дорогого драпа: с ним были связаны удачные старты. Королев вообще, как и многие другие ракетчики и авиаторы, был не лишен суеверий, без улыбок относился к приметам, например, считал, что разбить зеркало — к несчастью. Обрадовался, найдя однажды подкову, и с удовольствием приколотил ее к дереву у останкинского дома. У него был своеобразный талисман: две копеечные монетки, которые он всегда носил с собой. 5 января 1966 года, уезжая из дома последний раз, долго искал в пиджаке эти копеечки, выворачивая карманы, не нашел и очень расстроился.

Так же, как не замечал он вещей или одежды, был Королев абсолютно неприхотлив и в еде. «Обедал Сергей Павлович очень быстро, на скорую руку,— вспоминала Антонина Алексеевна Злотникова, секретарь в приемной Главного Конструктора с 1947 по 1966 год.— Вечером, часов в девять, пил чай с лимоном. И бутерброд: черный хлеб с толстым куском вареной колбасы, которую он, смеясь, называл «собачья радость». Шофер Александр Леонидович Репин подтверждает: «Когда Сергей Павлович заезжал домой обедать, то суп ел горячий, прямо с плиты. Ел быстро. Поест и толкает: «Леонидыч, поехали!»

Из писем с Капьяра и Тюра-Тама видно, что просил он прислать что-нибудь съестное только тогда, когда дело было уж совсем труба, просто нечего есть. Домашний его стол был самым простым. Нина Ивановна затруднилась назвать его любимые блюда. Он просил иногда сварить ему пшенную кашу на воде, но со шкварками. Очень ценил кулинарные таланты своей тещи Серафимы Ивановны[3], всегда нахваливал ее голубцы под сметаной. А в общем, как говорится, ел, что дают.

Уже рассказывалось о своеобразном отношении Сергея Павловича к алкоголю. Он не был ни его воинствующим противником, ни убежденным поклонником. Просто мало об этом думал. Мне кажется, что алкоголь занимал в его жизни то место, которое он и должен занимать в жизни каждого мужчины. Королев считал, что ни те, кто стоит над ним, ни те, кто под ним, видеть его пьяным не должны. Тем более что пьянел он быстро и «размякал», становился словоохотливым, добрым, подчас сентиментальным. А для него все это считалось проявлением слабости. Поэтому даже в великие минуты торжества на кремлевских приемах, когда должно было расслабиться, Келдыш мог позволить себе лишнюю стопку водки, а Королев не мог.

Никогда не пил с «нужными» людьми, которых надо в чем-то убедить, короче, никогда не подмешивал в дела водку.

Вместе с тем Королев не был бы Королевым, если бы и в этом вопросе был однозначен. Антонина Алексеевна Злотникова вспоминала, что в последние годы после какого-нибудь успешного старта Королев иногда просил ее организовать маленький банкет. К столу приходил последним, наливал себе рюмку коньяку, всех поздравлял, выпивал коньяк, рюмку бил об пол и быстро уходил.

Как и во многом другом, Королев и в застольях был тоже практически непредсказуем. Евгений Александрович Фролов рассказывал, что однажды на космодроме он вместе с одним из ведущих королевских испытателей, Аркадием Осташовым, прогуливался вдоль бетонки «площадки № 2», когда им повстречался СП. Главный был в удивительно благодушном настроении. Кратко поинтересовавшись делами, он, к их величайшему удивлению, пригласил к 20.00 в гости и предложил свою машину, чтобы они до этого смогли съездить искупаться. «А я пока немного поработаю»,— добавил Королев.

Машину они взяли, но поехали не на Сырдарью и не на пруды у кислородного завода, а в магазин. Купили какой-то нехитрой закуски, большой пакет черешни и четыре бутылки коньяка. В тот вечер они втроем выпили все эти бутылки и неизвестно откуда взявшуюся бутылку «Рижского бальзама» (Королев протестовал, что они пьют его, словно воду, а не капают для аромата, как положено). Сергей Павлович заводил пластинки Чайковского, Моцарта, читал наизусть Пушкина и Лермонтова и прочел одно свое стихотворение, которое он сам написал, когда поспорил с Бушуевым, кто из них лучше пишет стихи. После этого, расчувствовавшись, Сергей Павлович достал еще одну «заветную» бутылку дорогого коньяка, которую они тоже выпили. По словам Фролова, Королев совершенно не был пьян. Разошлись они около четырех часов утра, и на прощание Главный предупредил, что в восемь они должны быть на работе, так как «могут понадобиться...»

Вот вам и «правила»! Исключения, конечно, были...

Я наблюдал Королева за столом один раз на банкете в останкинском ресторане «Звездный» в честь 50-летия Б. В. Раушенбаха. Сергей Павлович был оживлен, даже весел, пил очень мало. Я подарил Борису Викторовичу тайком сделанную в типографии «Правды» газетную полосу, в которой его отправляли в космос. Это была довольно острая и смешная пародия на обычные помпезные сообщения о космических стартах тех лет. Сергей Павлович смеялся до слез, подозвал меня и спросил доверительно:

— Мне примерно через год исполнится шестьдесят... Можете сделать мне такую страницу?

— Обещаю, что целый газетный номер сделаем...

— Тогда давайте с вами выпьем.— Он налил мне и себе по маленькой рюмочке коньяка «Камю».

Обещания я не выполнил: Сергей Павлович не дожил до своего шестидесятилетия...

О Королеве писали многие. Известны книги Ольги Апенченко, Александра Романова, Петра Асташенкова, Александра Старостина, Сергея Плачинды, Георгия Ветрова, отличное эссе Марка Галлая. Вышел целый том: творческий портрет С. П. Королева по воспоминаниям современников. И будут о нем писать еще много, ибо личности такого масштаба всегда интересовали и будут интересовать людей.

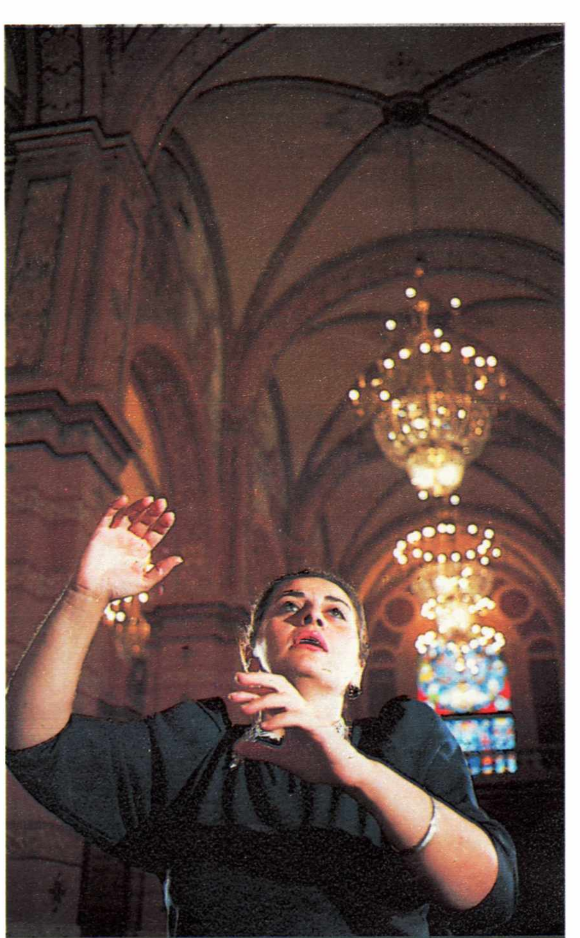
---

[2] Здесь и далее все суммы в масштабах 1961—1966 гг.

[3] С. И. Котенкина (1888—1983) жила некоторое время в семье С. П. Королева.

Земля у нас одна

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

Джансуг ЧАРКВИАНИ

* * *

Вот мир. Какой большой и пестрый он!
Он разделен издревле на две части.
И над одной серп смерти вознесен,
другая у бессмертия во власти.

Не бойся, друг. Придешь, куда идешь.
Пройдешь сквозь лес, густой, сырой и темный.
Оставишь в нем и боль свою, и дрожь
взамен любви, внезапно обретенной.

Все будет так. Минуешь мост удач.
Потом пойдут пролеты радуг смежных.
Так передай же солнцу древний плач
монастырей, безлюдных, белоснежных!

Все будет так. А как же ты хотел?
Ведь Человек всегда народу слышен.
Твой Джвари высоко уже взлетел.
Умри — но пусть летит он выше, выше!..

Все будет так. Когда народ изрек:
— Ты Человек! — будь верен этой славе.
Пускай пройдет какой угодно срок,
пока в Отчизне хоть один дымок
дымится, ты и умереть не вправе...

Вот мир. Какой большой и пестрый он!
Что ты решишь в судьбе его неровной,
когда — смотри! — серп смерти занесен,
но вознесен и луч молвы народной!

Перевел с грузинского Ю. РЯШЕНЦЕВ

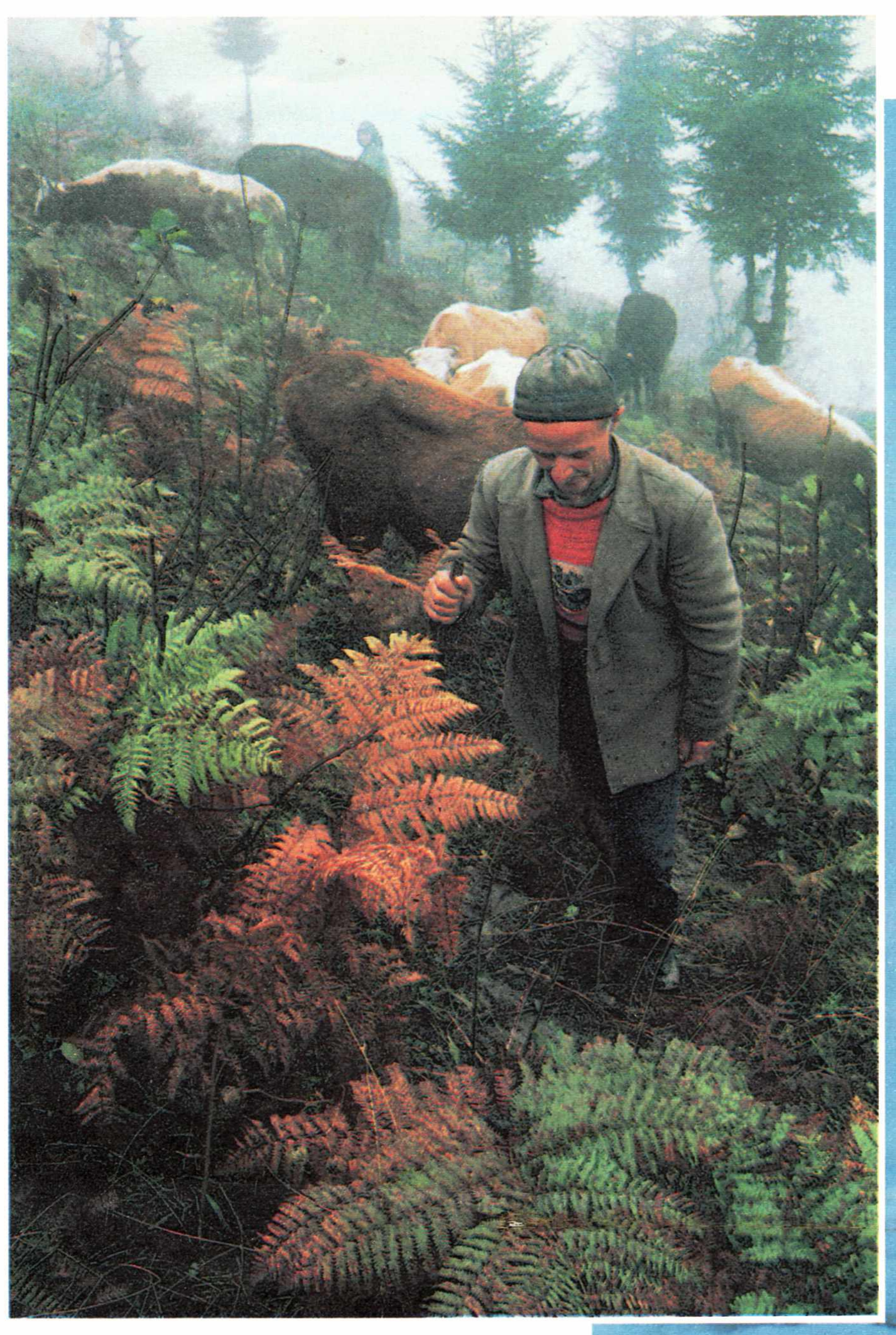
Батуми. Утро.

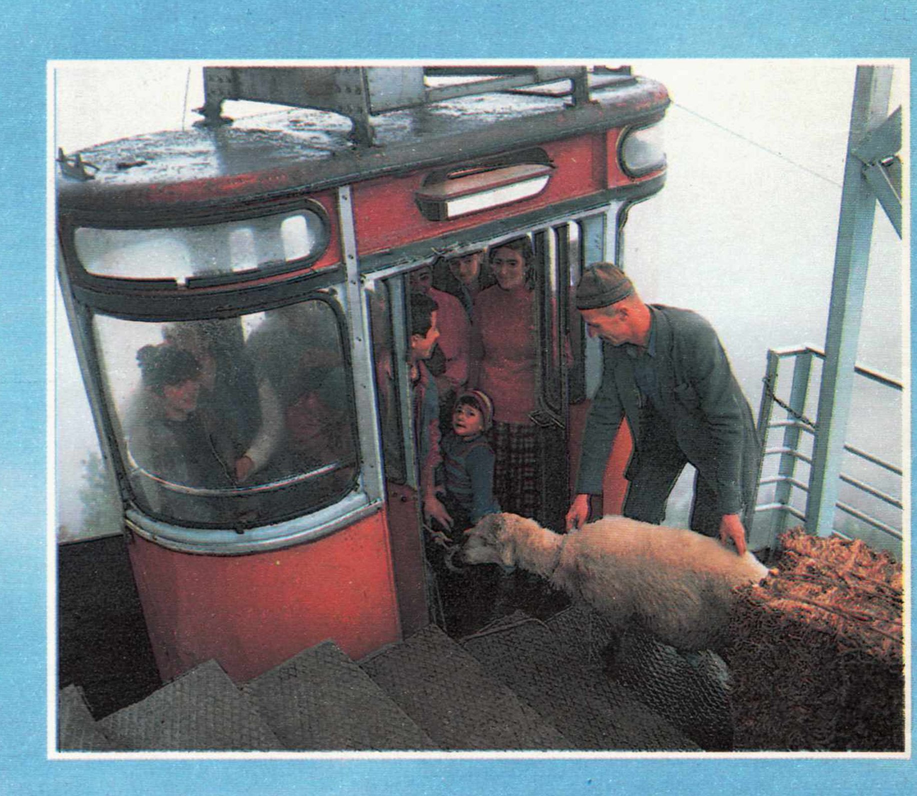

Тбилиси. 1 мая 1989 г.

СОЛНЦЕ ВОСХОДИТ

Солнце восходит — благодарим.
Коса над травами не стихает.
— Спасибо тебе, коса,— говорим...
— Трава, спасибо тебе,— вздыхаем...
Льют дожди — подставляем лбы,
мудрые лбы, горячие лица...
Ливням повелеваем литься
на горячие лица судьбы.
И не золотом — глиной и небом
присягаем любви своей.
Месим глину, кувшины лепим,
чем искуснее, тем звончей.
И, задумчивые, как мужчины,
открывающие миры,
по столам шагают кувшины,
переполненны и щедры.
В них дыханье гор не стихает,
гулкий грохот грома живет.
Опоясанные стихами,
продолжают они поход.
И живем мы, огнем объяты,
выжимаем пот из рубах...
И кувшины, словно солдаты,
на часах стоят в погребах.

Перевел с грузинского Б. ОКУДЖАВА

Горное село Таго.

«Однажды Столыпин предлагал государю важную внутриполитическую меру. Задумчиво выслушав его, Николай Второй делает скептическое беззаботное движение, которое как бы говорит: это или что-нибудь другое — не все ли равно... Наконец он заявляет:

— Знаете ли вы, когда день моего рождения?

— Разве я мог бы его не знать?

— Шестого мая. А какого святого праздник в этот день?

— Простите, государь, не помню.

— Иова Многострадального.

— Слава Богу, царствование Вашего величества завершится со славой, так как Иов, претерпев самые ужасные испытания, был вознагражден благословением Божьим и благополучием.

— Нет, поверьте мне, Петр Аркадьевич, у меня более чем предчувствие. У меня в этом глубокая уверенность. Я обречен на страшные испытания...»

Морис Палеолог.
«Царская Россия накануне революции».
М.—П., 1923.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

Эдвард РАДЗИНСКИЙ

«РАССТРЕЛ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ»

Множество писем пришло в ответ на «Расстрел в Екатеринбурге». Люди вспоминают рассказы родителей и даже личные встречи с участниками екатеринбургской трагедии, шлют ксероксы газет и журналов далекого 18-го года. В письмах этих — множество легенд, таинственных историй о людях, выдававших себя за чудом спасшихся детей Романовых. До сих пор в одном из глухих сибирских сел доживает век старуха, носящая имя царской дочери Марии. Все эти 70 лет односельчане заботливо оберегали ее «тайну». И сейчас на Урале, в Сибири есть несколько могил, на которых начертаны имена царских детей... Есть в этой почте и такие письма: «Удивляюсь и поражаюсь напечатанной в «Огоньке» такой жалостливой статье Э. Радзинского... Что это? Неужели и вы тоскуете по царю Николаю Кровавому и его потомству? Никакие соображения о правовом государстве не могут в данном случае иметь места». Что ж, и это — мнение. Среди пришедших писем множество вопросов. Попытаюсь ответить на них выдержками из книги «Николай Второй: жизнь и смерть», которую сейчас заканчиваю.

ДНЕВНИКИ ПОСЛЕДНЕГО РУССКОГО ЦАРЯ[1]

В 1882 году четырнадцатилетний Николай Романов, наследник русского престола, начал вести дневник. С тех пор он будет делать это почти ежедневно — до той последней ночи в полуподвальной комнате...

51 тетрадь заполнит он до конца своей жизни. В них — 36 лет почти ежедневных записей жизни человека, 22 года правившего Россией.

Первая маленькая книжка с золотым обрезом, подаренная Николаю отцом в 1882 году, навсегда сформировала его стиль. Это не мемуары для печати: здесь нет размышлений, редки оценки, всего лишь перечень событий — пунктир для памяти, либретто дня, не более. Любимая ежедневная прогулка, и важнейшее событие, переворачивающее жизнь страны, и приезд мама́ — записываются рядом, создавая ощущение фантасмагории. Но это и была самодержавная власть, жизнь из дворца. И все-таки, читая подряд его записи, мы постепенно начинаем ощущать личность этого загадочного и очень одинокого человека. Какая-то безысходность с самого начала нависает над ним, и каждый его шаг неизменно вел к очередной катастрофе...

«2 марта (1917), четверг. Утром пришел Рузский и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будет бессильно что-либо сделать, так как с ним борется социал-демократическая партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в ставку. А Алексеев всем главнокомандующим. К двум с половиной часам пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена, трусость и обман».

Постановление об аресте царя и царицы было принято Временным правительством 8 марта. Но официальная запись об этом загадочно отсутствует, журнал заседаний в этот день почему-то не вели.

Уже находясь в эмиграции, Керенский укажет две категории причин ареста: крайне возбужденное состояние солдатских тыловых масс и рабочих. Петроградский и московский гарнизоны были яростно враждебны Николаю. «Вспомните мое выступление 20 марта на пленуме Московского совета,— пишет Керенский,— тогда раздались требования казни, прямо ко мне обращенные. Я сказал, что никогда не приму на себя роль Марата, что вину Николая перед Россией рассмотрит беспристрастный суд».

«И второе: интеллигенция усмотрела в деятельности царя и особенно царицы ярко выраженную тенденцию развала страны».

8 марта произошел арест бывшей царицы.

9 марта прибыл поезд с бывшим государем и его свитой.

Когда бывший царь вышел из вагона, «лица свиты посыпались на перрон и стали быстро убегать».

Подъехали ко дворцу: ворота заперты. «Открыть ворота бывшему царю»,— прозвучала команда, и бывший самодержец сразу попал в совсем новую, доселе не известную ему атмосферу ненависти, которая будет сопровождать его до конца.

Караульный офицер в ответ на его приветствие отказывается пожать протянутую руку... Когда бывший повелитель России попытался уйти на прогулку, Александра Федоровна увидела в окно, как шестеро солдат, окружив Николая, толкали его прикладами обратно ко дворцу: «Нельзя, г-н полковник, вернитесь, когда вам говорят!»

За решеткой Александровского дворца: июльские дни — первый удар колокола другой революции. Кронштадтские матросы вошли в Петроград. Вырубова, любимая и роковая подруга царицы, находившаяся в это время в арестном доме, описывала происходившее: «Никто не спал в эту ночь. По нашей улице шествовали процессии матросов и полки с Красной горки, направляясь к Таврическому дворцу. Чувствовалось что-то страшное и стихийное. Тысячами шли они, пыльные, усталые, с озверевшими ужасными лицами, несли огромные плакаты: «Долой Временное правительство!», «Долой войну!». Матросы часто вместе с женщинами ехали на грузовых автомобилях с поднятыми на прицел винтовками... Наш караульный начальник объявил, что если матросы подойдут к арестному дому, караул выйдет к ним навстречу и сдаст оружие».

И в этой страшной стихии они уже могли разглядеть свое будущее.

В политической борьбе с Советами царская семья становилась все опаснее для слабеющего правительства. И тогда было найдено театральное решение: сослать семью в Сибирь, то есть туда, куда до того ссылались царями революционеры. Красивая символика успокоила ярость, а тихий Тобольск, избранный местом ссылки, должен был обеспечить безопасность семьи. Комиссаром правительства при семье — в продолжение все той же символики — был назначен некто Панкратов, просидевший при Николае 14 лет в Шлиссельбургской крепости.

...Наступил Октябрь...

Но сонный Тобольск жил вдалеке от всех потрясений. Александра Федоровна меланхолически писала в Петроград своей подруге Вырубовой.

«Мы далеко от всех поселились, тихо живем, читаем обо всех ужасах...»

«...Вяжу маленькому чулки... Я своим людям все теперь сама делаю... У папы брюки страшно заштопаны, рубашки у дочери в дырах, у мамы[2] масса седых волос...»

А потом были переезд в Екатеринбург и их последний, Ипатьевский, дом.

За три дня до гибели Николай перестает писать свой дневник.

«28 июня (он упорно придерживается старого стиля). Утром, около десяти тридцати, к открытому окну подошли трое рабочих, подняли тяжелую решетку и прикрепили ее снаружи рамы без предупреждения со стороны Ю(ровского). Этот тип нам нравится все менее. Начал читать восьмой том Салтыкова.

30 июня, суббота. Алексей принял первую ванну после Тобольска. Колено его поправляется, но совершенно разогнуть его он не может. Погода теплая и приятная. Вестей извне никаких не имею».

Он не успел вернуться к своему дневнику...

Однако последний день семьи был все-таки записан.

Записала Александра Федоровна.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Полосатые палевые обои, письменный стол, этажерка в простенке между окнами... Бронзовая лампа — вместо разбитого абажура - самодельный, умывальник с треснутой мраморной доской, гардероб с плохо закрывающимися дверцами. И деревянная доска, заменившая Алексею стол,— на ней больной гемофилией мальчик ел, читал и рисовал, лежа в постели.

Такова декорация последней спальни последнего царя. Вместе с соседней комнатой дочерей спальня находилась как раз над тем полуподвалом, куда их сведут в ночь на 17 июля...

...Здесь, за туалетным столиком, заполняла бывшая царица свой последний дневник[3].

Вот несколько доселе не опубликованных у нас последних записей в нашем переводе (свой дневник Александра Федоровна вела карандашом по-английски, вставляя русские слова).

«21/4 июня. Екатеринбург.

Очень жарко: 22,5 градуса в 9 часов вечера.

В течение ланча областной комиссар пришел с несколькими мужчинами: Авдеев сменен, и мы получили нового коменданта, который приходил уже однажды смотреть ногу бэби. С молодым помощником, который выглядит очень приятным по сравнению с другими, вульгарными и неприятными (этот приятный помощник — Г. П. Никулин, который застрелит Алексея.— **Э. Р.**). Затем они заставили нас показать все драгоценности, которые у нас были. Молодой помощник все тщательно переписал, затем они их унесли (куда? на сколько? зачем? — неизвестно!). Оставили только два браслета, которые я не смогла снять».

«22/5 июня. Комендант предстал перед нами с нашими драгоценностями, он оставил их на нашем столе (опечатанными) и будет приходить каждый день смотреть, чтобы мы не раскрывали ящичек».

«25/8 июня ...Ланч был только в половине второго, так как чинили электричество в наших комнатах».

Так подготавливали дом к последнему событию.

«28/11 июня. Рабочий, которого пригласили, установил снаружи железную решетку перед единственным открытым окном. Без сомнения, это их постоянный страх, что мы выберемся или войдем в контакт с часовым...

Сильные головные боли продолжались, провела в кровати весь день».

«3/16 июля. Вторник. Серое утро, позднее вышло милое солнышко. Бэби слегка простужен. Все ушли на полчаса на прогулку, остались Ольга и я. Готовили лекарства. Татьяна читала духовное чтение, затем они ушли. Татьяна осталась со мной, и мы читали книгу пророка Амоса и книгу пророка Авдия. Потом болтали.

Как обычно, комиссар пришел в наши комнаты и наконец, после целой недели, принесли яйца для бэби.

В 8 ужин.

Внезапно вызвали Седнева повидаться с его дядей, и он исчез. Очень удивлюсь, если это правда и мы увидим его вновь... Играли в бэзик с Николаем. 10 с половиной пошли спать...»

[1] ЦГАОР, ф. 601, оп. 1.

[2] Так она себя называла.

[3] ЦГАОР, ф. 640, оп. 1, ед. хр. 334.

После этого идут пустые листы, заботливо разграфленные дочерью Татьяной до конца года...

* * *

Нашу Революцию мы все чаще сравниваем нынче с другой революцией — Великой французской, также казнившей своего короля.

Из речи защитника Людовика XVI:

«Когда-нибудь потомство соберет все документы этого великого процесса между целой нацией и одним человеком...»[4].

Из речи обвинителя:

«Можно ли судить с большей торжественностью и большей гласностью, чем мы судим Людовика Капета? Закон предоставляет обвиняемому иметь защитника: у Людовика их трое, избранных им самим. Открытое голосование, которое должно донестись до самых отдаленных окраин Республики, будет более внушительно, чем тайное...»

И вот теперь, как и провидел французский историк, мы тоже пытаемся собрать все документы. И что же?

Решение (Временного правительства) об аресте Романовых? Не существует! Постановление (Совета) о казни Романовых? Я так и не смог найти.

Но почему? Почему оно исчезло?!

Для начала попробуем восстановить текст.

Слово самому Юровскому. Он пишет в своих показаниях: «Комендант сказал Романовым, что, ввиду того, что их родственники продолжают наступление на Советскую Россию, Уралисполком постановил их расстрелять...»[5].

Как-то не похож этот текст на риторический язык нашей Революции.

А теперь обратимся к официальной телеграмме Уралсовета ВЦИКу. В ней, конечно же, должно цитироваться решение.

И оно цитируется:

«...Ввиду приближения контрреволюционных банд красной столице Урала и возможности того запятая что коронованный палач избежит народного суда скобки раскрыт заговор белогвардейцев пытавшихся похитить его самого и его семью и найдены компрометирующие документы будут опубликованы скобки президиум облсовета исполняя волю революции постановил расстрелять бывшего царя Николая Романова запятая виновнаго в бесчисленых кровавых насилиях над русским народом»[6].

Вот это уже похоже!

Итак, клочок бумаги, который читал Юровский в ту ночь, никакого отношения к официальному «постановлению» Уралсовета не имел. Не только в убогой своей фразеологии, но и по существу дела: Юровский читал о казни Романовых, а официальное «постановление», видимо, было только о казни Романова...

10 человек, окружавших последнего царя в ту ночь, были расстреляны совершенно **незаконно.** И нам все-таки следует именовать происшедшее подобающим словом: «убийство».

Однако вернемся к документам.

Боец Александр Стрекотин вместе со своим братом входил во внутреннюю охрану Ипатьевского дома.

И вот небольшие отрывки из воспоминаний самого А. Стрекотина (публикуются они впервые). Он называет их «Личные воспоминания»[7].

В ночь на 17 июля Александр Стрекотин нес охрану внутри дома.

«...Сверху послышались электрозвонки (звонками будили царскую семью). Потом шорох ходьбы людей. Наконец, слышу шаги. Вниз спускалась вся семья Романовых и их приближенные.

В это время группа людей[8] вышла из другой комнаты и направилась туда, куда только что ввели арестованных.

Я пошел за ними, оставив свой пост. Они и я остановились в дверях комнаты...»

«...Царица и дочь Ольга попытались осенить себя крестным знамением, но не успели. Раздались выстрелы... Царь не выдержал единственной пули нагана, с силой упал навзничь. Свалились и остальные десять человек. По лежащим было сделано еще несколько выстрелов...

...Дым застилал электрический свет. Стрельба была прекращена. Были раскрыты двери комнаты, чтобы дым рассеялся. Принесли носилки, начали убирать трупы. Когда ложили на носилки одну из дочерей, она вскричала и закрыла лицо рукой. Живыми оказались также и другие. Стрелять было уже нельзя при раскрытых дверях, выстрелы могли быть услышаны на улице. Ермаков взял у меня винтовку со штыком и доколол всех, кто оказался живым. Когда были вынесены трупы и ушла автомашина, только после этого наша смена была сменена с дежурства...»

Уже в семидесятых годах в немецком журнале «7 Tage» были опубликованы показания члена Уральского областного Исполнительного комитета, бывшего австрийского военнопленного И. П. Мейера.

«...Когда мы вошли (в подвал), Войков был занят обследованием расстрелянных, не остался ли кто-нибудь еще жив. Он поворачивал каждого на спину. У Царицы он взял золотые браслеты, которые она носила до конца... Было одиннадцать трупов. Это были, и в этом нет никакого сомнения, Царь со своей Семьей и своими последними верными людьми. Некоторые чекисты из стражи в доме пришли сюда по приказанию Юровского... Они тащили завернутые трупы по одному на улицу, куда приехал транспортный автомобиль. Медведев (один из одиннадцати убийц) влез на грузовик и складывал там мертвых. Когда все лежали наверху, Якимов (один из охранников) принес еще маленькую собаку, которую Великая Княжна Анастасия несла с собой. Он ее взял за задние лапы и бросил мертвое животное к трупам».

Далее И. Мейер рассказывает, как уже утром (после ночи убийства) он ездил на место уничтожения тел расстрелянных:

«Мы ехали в северо-западном направлении через Верхний Иссецк, через две колеи железной дороги, в густой лес. Уже при переезде через вторую колею мы натолкнулись на первый пост. Это были кавалеристы 2-го эскадрона, которые окружили кольцом место, где должно было происходить полное уничтожение Царской Семьи. В этой части леса должны были находиться четыре, почти одинаковой величины сосны, которые население называло «Четыре брата». Немного на запад от дороги находились старые шахты, оставшиеся с тех пор, когда здесь еще разрабатывалась железная руда. Эту заброшенную часть леса выбрал Юровский для выполнения своей работы уничтожения. Когда мы приехали на нашей коляске, то горело несколько костров, вокруг которых сидели красногвардейцы.

Голощекин, Белобородов, Войков и Юровский стояли в группе отдельно, недалеко от которой Ермаков спал около костра.

Мертвые лежали еще завернутые в шинельное сукно на краю шахты. Чего все они еще ждали, не было совсем понятно. Во всяком случае, казалось, что все делается очень медленно. Только после того, как Мебиус резкими словами начал торопить Юровского, появилось немного жизни в различных группах.

Ермаков был разбужен, и он с Войковым начали разворачивать мертвых из шинельного сукна и их раздевать, причем они внимательно обыскивали одежду. Юровский положил свою фуражку на землю и туда складывал все драгоценности, которые находились у мертвых. Действительно, Царица и дочери имели большое количество драгоценностей на теле. Они, наверное, надеялись с этими драгоценностями когда-нибудь еще убежать.

Я стоял приблизительно в 30 шагах от них. Все мертвые были раздеты, за исключением Наследника, у которого они, должно быть, не предполагали найти никаких драгоценностей. Мы стояли до тех пор, пока не столкнули мертвых в шахту»[9].

Но воспоминания бойца охраны А. Стрекотина и воспоминания Мейера — это все показания, как говорится, «людей вокруг».

Только «Записка» коменданта Юровского являлась единственным добровольным рассказом непосредственного участника расстрела.

Так считалось прежде...

* * *

В 1964 году в помещение Радиокомитета на Пятницкую улицу приехали два старика...

Запись на магнитную пленку, которую они делали, отнюдь не предназначалась для слушателей.

Эти два старика и были единственно оставшиеся тогда в живых участники екатеринбургской трагедии.

Историк-архивист М. М. Медведев, сын того самого члена Уральской коллегии ЧК — М. А. Медведева, в своем письме ко мне рассказал:

«В 1927 году Юровский подал в ЦК ВКП(б) идею издать к «десятилетию расстрела Романовых сборник документов и воспоминаний участников расстрела». Но через члена коллегии ОГПУ Ф. И. Голощекина был передан устный ответ И. В. Сталина: «Ничего не печатать. И вообще помалкивать». Так они и помалкивали. Даже через три года после смерти Сталина оставшиеся в живых цареубийцы боялись магнитофона, как черт ладана. Лишь после смерти моего отца, уже летом 1964 года, мне удалось уговорить двух еще живых свидетелей сделать запись на магнитофонную пленку. Спасибо Никите Сергеевичу Хрущеву (к которому я обратился), такая запись была произведена...

Во время записи Григорий Петрович Никулин (начальник внутренней охраны и заместитель Юровского) рассказал о предыстории расстрела и самом расстреле, в котором он участвовал — стрелял в Алексея...

Второй участник записи был член Уральской ЧК И. Родзинский (почти ваш однофамилец!). Он в расстреле участвовать отказался, но присутствовал при повторном перезахоронении Романовых...»

КТО ЗАСТРЕЛИЛ НИКОЛАЯ РОМАНОВА

Итак, в 1964 году в помещении Радиокомитета состоялась эта запись. К тому времени все главные руководители Уралсовета, принимавшие решение о расстреле Романовых,— Белобородов, Дидковский, Сафаров, Голощекин — давно погибли в сталинских лагерях.

Но непосредственные участники расстрела — Юровский, Ермаков, Медведев — благополучно прожили жизнь и умерли своей смертью.

И Г. П. Никулина тоже не коснулись беды: в 1964 году он благополучно здравствовал.

Мы беседуем с М. М. Медведевым.

— И вы присутствовали при этой записи на радио?

— Я и представитель ЦК... фамилию запамятовал. Мы иногда задавали вопросы. Но в основном, разумеется, мы молчали, говорили они... Наши вопросы были разные. В частности, помню, был задан вопрос об Анастасии...

Члены Президиума Уралсовета: Толмачев, Белобородов, Сафаров, Голощекин.

[4] «Процесс Людовика XVI, ГИЗ, 1920, стр. 3.

[5] ЦГАОР, ф. 601, ед. хр. 35.

[6] ЦГАОР, ф. 602, ед. хр. 35.

[7] Автор благодарит В. Винера из Свердловска и Л. Левченко, приславших ему эти воспоминания.

[8] Команда расстреливавших.— **Э.Р.**

[9] «Как погибла царская семья», Калифорния, 1977, стр. 23.

(Еще в двадцатых годах в Германии появилась знаменитая Анна Андерсон. Она объявила себя Анастасией, чудом спасшейся во время расстрела. Поражали ее сходство с младшей дочерью Николая и ее рассказы о семейном быте царской семьи, которые откуда-то знала эта женщина. Ее признали Анастасией и Матильда Кшесинская, и великий князь Андрей Владимирович, о ней снимались фильмы...)

На этот вопрос об Анастасии Г. П. Никулин ответил кратко: «Погибли все»...

— Задавались и другие вопросы... Я,— продолжал Медведев,— спросил Никулина: расстрел начался с залпа или это была беспорядочная стрельба? Никулин ответил: «Беспорядочная стрельба». Тогда я спросил его: «Кто сделал первый выстрел?» Он ответил: «Ваш отец, Михаил Александрович Медведев. Он выстрелил первым и убил царя».

Заместитель коменданта Ипатьевского дома Г. Никулин.

— Значит, царя убил ваш отец?! И вы знали об этом?

— Разумеется. Отец рассказывал. И не только отец. Я уже говорил: у нас часто собирались участники Екатеринбургского дела.

— Но ведь была, наверное, какая-то договоренность заранее — кто в кого должен стрелять?

— Разумеется, была. И договоренность была такая: Петр Ермаков, верх-исетский комиссар, получил право застрелить царя, царицу — Юровский, Никулин должен был стрелять в Алексея, отец — в Марию... При этом была договоренность: целить в сердце, чтобы не причинять излишних мучений.

Но когда они реально вошли в комнату, отец оказался как раз напротив царя, Никулин напротив Алексея, Юровский напротив царицы. Отец никогда не видел Николая так близко, и он рассматривал его, пока Юровский читал бумагу.

И когда Юровский закончил, отец выстрелил в царя и убил его первой пулей. Кстати, свой браунинг он сдал потом в Музей Революции.

— И это был тот самый браунинг?

— Это был именно тот самый браунинг.

Он и сейчас находится в Музее Революции, «тот самый браунинг»...

Если все это действительно так, значит, в своей «Записке» Я. М. Юровский приписал **себе** пулю, убившую царя! Что ж, для него эта пуля была исторической миссией, желанная высокая честь. «Честь расстрела» — новое понятие новой эпохи...

Михаил Медведев продолжал рассказ.

— Я попросил Никулина рассказать и другие подробности расстрела. Он сказал: «Не надо все это смаковать. Пусть все эти подробности уйдут вместе с нами...»

Очень интересны были показания бывшего члена Уральской ЧК И. Родзинского. Он сообщил, что письма по-французски за подписью «офицер», которые получали Романовы и которым в конце концов поверил Николай, были составлены... П. Войковым, членом исполкома Уралсовета. Этот выпускник Женевского университета удачно составил письма. Но у него был неважный почерк. И эти письма переписывал И. Родзинский.

Упомянув об этом эпизоде, М. Медведев сделал в письме ко мне такой вывод: «Все это лишний раз доказывает, что Екатеринбургу не удалось получить из Москвы четкий приказ о ликвидации Романовых. И пришлось екатеринбургским чекистам создавать эти письма, чтобы заранее обезопасить себя. Ведь по тем временам за самоуправство ставили к стенке без суда и следствия. А расстрел царя — дело нешуточное: восстание эсеров в Москве и Ярославле, убийство Мирбаха и требование Германии о вводе двух батальонов в Москву для охраны посольства, а царица — родственница кайзера, а царь — родственник английского короля!

Только благодаря «Версии побега» и реальному факту — наступлению белых на Екатеринбург — Свердлову удалось протащить одобрение расстрела через ВЦИК и СНК...»

Итак, первая версия: Центр ничего не знал о расстреле царя и царской семьи, все сделал на свой страх и риск Уралсовет.

Но вот другое свидетельство.

Лев Троцкий писал в своем «Дневнике»: «Я прибыл в Москву с фронта после падения Екатеринбурга. Разговаривая со Свердловым, я спросил: «Где теперь царь?» — «С ним все покончено».— «А где семья?» — «Семью постигло то же».— «Всех их?» — спросил я удивленно. «Всех»,— ответил Свердлов. «Кто принял решение?» — «Мы решили это здесь. ...Ильич считал, что нельзя оставлять нам им живого знамени, особенно в наших трудных условиях»[10].

И в другом месте: «По существу, решение было не только целесообразным, но и необходимым... Казнь царской семьи нужна была не просто для того, чтобы напугать, ужаснуть, лишить надежды врага, но и для того, чтобы встряхнуть собственные ряды, показать, что впереди полная победа или полная гибель. В интеллигентских кругах партии, вероятно, были сомнения и покачивания головами. Но массы рабочих и крестьян не сомневались ни минуты: никакого другого решения они не поняли и не приняли бы. Это Ленин хорошо чувствовал: способность думать и чувствовать за массу и с массой была ему в высшей мере свойственна, особенно на великих политических поворотах...»[11].

Свою точку зрения я изложу в книге.

[10] Лев Троцкий «Русская Революция» (см. Г. Ясиницкий «За кулисами великой катастрофы», стр. 209 и «Родина» № 5, стр. 89).

[11] Там же.

Не буду лукавить, дорогой читатель, но я раскрыл лишь малую толику того, о чем говорили Никулин и Родзинский. Это была обширная трехчасовая запись, и я рассказал здесь (да и то очень кратко) лишь то, что удержала память М. М. Медведева. Но содержание и остальной беседы мне все-таки удалось узнать. К сожалению, от лица, которое предпочло остаться анонимным. Естественно, я не могу ссылаться на анонима.

И я решил найти сам эту таинственную запись на радио.

И удалось! Удалось установить: существует и благополучно хранится в Центральном партархиве Института марксизма-ленинизма.

Однако из архива мне обескураженно сообщают: «К сожалению, эта группа документов у нас пока не выдается...»?!!!

РАССТРЕЛ В ПЕРМИ И АЛАПАЕВСКЕ

Но вернемся в 1918 год.

В Перми в гостинице купца Королева жил высланный туда из Гатчины родной брат бывшего царя Михаил. В июне 1918 года распространились слухи, что Михаил Романов бежал из Перми, слухи проникли в печать, и даже появились официальные сообщения о его бегстве.

12 июня в гостиницу пришли трое. Они потребовали Михаила Романова. Разбудили камердинера — и он пошел с ними в номер Михаила. Пришедшие разбудили Михаила и хотели его увести.

Михаил не хотел с ними идти и все требовал вызвать какого-то важного большевика: «Я его знаю, а вас нет»...

Впоследствии выяснилось, что Михаила и секретаря Джонсона увезли на Мотовилихинский завод и там расстреляли.

Эту операцию провел председатель Мотовилихинского Совета Мясников с товарищами. В 1920 году в память об истреблении Михаила Романова все пятеро сфотографировались (на снимке — слева направо: Марков, Жупелов, Мясников, Иванченко, Колпашников).

Так была впервые опробована версия «лжепобег», позднее точно повторенная в Алапаевске.

В Алапаевске, в здании Напольной школы, на окраине города содержались Романовы: Иоанн, Константин и Игорь — сыновья великого князя Константина Романова (друга Фета, Чайковского и Достоевского, литератора, писавшего под псевдонимом «К. Р.»).

Кроме них, в здании школы были: великий князь Сергей Михайлович, 18-летний Владимир Палей и великая княгиня Елизавета Федоровна. Елизавета Федоровна — родная сестра бывшей царицы. Ее муж, Сергей Александрович, московский генерал-губернатор, был убит в 1905 году бомбой Каляева. Бомба была брошена в грудь и разорвала его на куски. Елизавета Федоровна была в Кремле, она выбежала на площадь, упала на тело мужа, голова и руки которого валялись среди обломков кареты.

В течение пяти дней перед погребением она неустанно молилась, потом пришла в камеру к Каляеву и принесла ему Евангелие.

— Я буду читать Евангелие, если вы, в свою очередь, прочтете записки о моей жизни — они заставят вас понять, почему я убил вашего мужа,— сказал Каляев.

— Нет, я не буду читать ваших записок, мне остается только молиться за вас.

Она написала царю просьбу о помиловании убийцы мужа. Каляеву было сказано: если он попросит о помиловании, оно будет ему даровано. Но Каляев заявил: «Я хочу и должен умереть, моя смерть будет еще полезнее для моего дела, чем смерть Сергея Александровича».

На могиле мужа Елизавета Федоровна написала слова Евангелия: «Отче, отпусти им: не ведают бо, что творят».

После погребения она распустила свой двор и основала в Замоскворечье знаменитую Марфо-Мариинскую общи-

Участники расстрела великого князя Михаила.

ну. Сестры общины посвящали себя деятельной заботе о больных и бедных. Во всех московских трущобах, на знаменитом Хитровом рынке, в больницах для туберкулезных и в приютах трудились сестры общины.

В 1918 году община прекращает свое существование. Елизавета Федоровна была выслана сначала в Екатеринбург, а потом в Алапаевск...

С середины июня на основании «побега» великого князя Михаила положение арестованных в Алапаевске резко ухудшается. У них отбирают все драгоценности, имущество и вещи.

Так началась подготовка к концу. А дальше знакомый сценарий: 19 июля (на следующий же день после казни Романовых в Екатеринбурге) распространяется известие о побеге алапаевских заключенных.

«Телеграмма 19.7.1918 года. Москва. ВЦИК, Свердлову.

Доношу, что в городе Алапаевске узнал о нападении на помещение, где содержались бывшие князья Романовы, и об увозе таковых. Проведенном мною кратком дознании и осмотре места происшествия оказалось, что бывшие князья Романовы помещались в здании училища под названием «Напольное» на северной стороне города Алапаевска под охраной караула из шести человек. С 17 на 18 июля в два часа ночи нового времени со стороны поля было произведено на помещение вооруженное нападение неизвестными лицами в невыясненном количестве, по заявлению, около пятидесяти человек. После того как караул отступил в сторону города, нападающие ворвались в помещение и освободили всех Романовых, их слуг и увели с собой. На поддержку караула был выслан отряд, но бандиты успели скрыться. При осмотре помещения оказалось, вещи Романовых упакованы и уложены... Полагаю, что нападение и побег заранее подготовлены... Политический представитель Кобелянко»[12].

На самом же деле, как выяснилось позже, всем заключенным в Напольной школе было объявлено, что их переводят в другое место в связи с наступлением белых.

Свидетели видели, как Романовы спокойно рассаживались в пролетки...

Глубокой ночью, когда Напольная школа уже опустела, была инсценирована тревога, подняты казармы, и объявили: наступают белые... Красногвардейцы, рассыпавшись цепью, подошли к Напольной школе, но никакого врага не увидели — только некто Смольников матерился на крыльце школы и сказал, что всех князей «белогвардейцы увезли на аэроплане»...

Как показал впоследствии чекист Старцев, приказ об уничтожении Романовых пришел накануне из Екатеринбурга за подписью Белобородова.

В 12 верстах от города находился заброшенный железный рудник. Здесь обоз остановился. Сергей Михайлович, который сопротивлялся, был убит выстрелом в голову. Остальные были ранены ударами ружейных прикладов, а потом живыми сброшены в шахту под названием «Нижняя Селимская»...

...Когда бывший председатель Уралсовета А. Белобородов переехал в Москву заместителем председателя ЧК, он немедленно вспомнил старые испытанные методы. В это время в партии шла борьба с «рабочей оппозицией». И Белобородов тотчас составил «нужные документы», на основании которых попытался «ликвидировать» вождей оппозиции. Но созданная комиссия ЦК установила: документы были сфабрикованы.

«Это по-видимому новые махинации Белобородова, который в отсутствии Дзержинского пробует вести себя как в Екатеринбурге...» (из письма Г. Сокольникова)[13].

«Вести себя, как в Екатеринбурге», в Москве тогда ему пока не позволили...

[12] ЦГАОР, ф. 601, ед. хр. 35.

[13] Дипломатический ежегодник, 1989.

Весь гонорар за обе статьи «Расстрел в Екатеринбурге» автор просит перевести на счет одного из детских домов города Свердловска.

Екатеринбургский финал, «бессмысленный и беспощадный», по известному выражению Пушкина, был, по сути, бессмыслен изначально. Двойное отречение бывшего самодержца — за себя и за наследника — невозвратно уничтожило монархию. Что же касается намерения искоренить царскую фамилию вовсе — такое едва ли было подвластно не только Уралсовету, но и Совнаркому: у царя было очень много родственников. В те времена, как известно, даже в малоимущих семьях было принято иметь «более одного ребенка». Прихотливые династические связи взамен умершего главы дома немедленно выдвигали очередного. И это нормально — жизнь-то идет. Ведь говорим же мы «рабочая династия Петровых» или «актерская династия Сидоровых». То же самое и с «династией Романовых», в 17-м году сменившей профессию, превратившись в обыкновенную, впрочем, многочисленную семью. Династические браки с некоторых пор стали перемежаться морганатическими, от которых рождались такие же дети, как и в «династиях Петровых и Сидоровых». И так же, как и в любой семье, в этом семействе существует глава дома. В доме Романовых ныне главенствует Владимир Кириллович, пожилой человек, от придворных забот волей истории отстраненный... И далеко не все читатели «Огонька» сумеют сегодня разобраться в генеалогии «великих князей и княгинь». Тем не менее надо знать и это, возвращаясь по следу, уходя вперед, осмысливая столетие, идущее к своему финалу, принявшее в себя стольких бури...

С Владимиром Кирилловичем беседует Жанна ВРОНСКАЯ.

Владимир Кириллович, правнук императора Александра II, живет с супругой Леонидой Георгиевной (урожденной княжной Багратион-Мухранской), дочерью Марией и внуком Георгием в своей вилле Кер Аргонид в бретонском рыбацком городке Сен-Бриак на берегу Атлантического океана. Местные жители не только хорошо знают эту семью, но в прошлом году в знак особого уважения городской совет, включая и коммунистов, единогласно решил назвать улицу, на которой находится вилла Кер Аргонид, Шмен дю Гранд Дюк (Дорога Великого Князя). Одной из достопримечательностей Сен-Бриака считается памятник матери Владимира Кирилловича Виктории Федоровне (внучке королевы Виктории). Памятник поставлен местными художниками, председательницей кружка которых долгие годы была эта женщина, сама художница.

КОРОНА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

— Расскажите, пожалуйста, о себе.

— Когда покойный государь Николай II и вся его семья погибли, то линия Александра III кончилась. После него старшим членом нашей семьи был бы мой дед великий князь Владимир Александрович, то есть следующий брат Александра III. Моего деда уже не было в живых, и, когда эта трагедия произошла, мой отец, великий князь Кирилл Владимирович, оказался в положении старшего в семье, разумеется, не по возрасту, а по старшинству. Тем самым он стал главой дома Романовых. Его сменил я, как его единственный наследник в нашем роду.

Я родился в августе 1917 года в Финляндии. Моим родителям удалось туда перебраться, когда в Петербурге уже были беспорядки, и там моя мать родила меня. Мы прожили в Финляндии до 1920 года, оттуда просто нельзя было выехать из-за военных действий, а в 1920 году через Германию переехали в Швейцарию, а потом на юг Франции. После выезда из Финляндии наша семья поселилась во Франции, временами выезжая в Германию. Мой отец женился на моей матери Виктории Федоровне, второй дочери великой княгини Марии Александровны, единственной дочери Александра II. Родители мои знали друг друга с детства и в 1905 году поженились. У них, кроме меня, были две дочери: моя старшая сестра Мария, родившаяся в Германии, в Кобурге, где случайно оказались мои родители тогда, и моя вторая сестра, Кира, уроженка Парижа. Отцом моей матери был второй сын английской королевы Виктории, герцог Эдинбургский Альфред, женатый, как я уже говорил, на дочери Александра II, и, таким образом, моя мать и ее сестры были принцессами великобританскими и ирландскими.

— Каким образом Вашей семье удалось уцелеть и выехать из России?

— Как говорится, Господь помог. Мои родители из Петербурга выехали в период Временного правительства, во время сравнительного спокойствия. Они уехали в Финляндию. Спаслись еще две сестры покойного государя — Ксения Александровна и Ольга Александровна, затем великий князь Николай Николаевич, бывший главнокомандующий. Кроме того, два брата моего отца — Борис Владимирович и Андрей

Владимирович, которые жили во Франции. Остался в живых и великий князь Дмитрий Павлович, потом муж великой княгини Ксении Александровны, великий князь Александр Михайлович, затем Гавриил Константинович, Георгий Константинович, еще некоторые члены семьи, и, конечно, в первую очередь мать покойного императора Николая, вдовствующая императрица Мария Федоровна.

— Расскажите, пожалуйста, где Вы учились и жили в эмиграции?

— Как я уже говорил, мы жили главным образом во Франции, в Сен-Бриаке, но некоторое время проводили в Германии, потому что у моих родителей был еще дом в Кобурге, подаренный им бабушкой, великой княгиней Марией Александровной, впоследствии герцогиней Кобургской, когда ее муж стал герцогом Кобургским. Я учился дома, мои родители считали, что для моего образования так будет лучше, нежели послать меня в какое-нибудь учебное заведение. Мне дали, насколько я могу судить, хорошее образование. Первым делом смогли научить меня русскому языку благодаря очень хорошей учительнице, которая вместе с нами уехала из Финляндии. Я учился и французскому языку, будучи во Франции. Немецкий язык я тоже освоил в детстве, а по-английски и по-русски мы говорили дома. Потом я окончил русскую гимназию в Париже, там была очень хорошо поставленная русская гимназия, имевшая совершенно одинаковые права и положение с французскими учебными заведениями, и я хорошо сдал экзамены. Некоторое время я посещал Лондонский университет, но, к сожалению, его окончить не смог из-за кончины моего отца.

— До второй мировой войны, насколько я знаю, Вы одно время работали на заводе в Англии под фамилией Михайлов, которой пользовался в свое время Петр I, когда работал плотником в Дептфорде около Гринвича.

— Мне захотелось узнать и почувствовать, как живет рядовой рабочий человек, конкретно — рабочий на сталелитейном заводе. Это для меня было очень хорошей школой. Длился этот «университет», правда, всего полгода из-за начала второй мировой войны, которая заставила меня вернуться сюда, во Францию. И все же даже за это короткое время я действительно на собственном опыте узнал, как живет рабочий.

— Как сложилась Ваша судьба во время войны?

— Почти до конца войны я оставался во Франции, в Сен-Бриаке. Мне пришлось пережить войну во фронтовой зоне, хотя в начале войны, как ни странно, жизнь тут была скорее похожа на глубокий тыл, поскольку это была деревня: никаких важных военных объектов, целей для бомбардировок и обстрелов здесь не было и жизнь была сносной. Должен сказать, что немецкие оккупанты отнеслись ко мне вполне корректно, но тем не менее в 1944 году они силой заставили меня покинуть Сен-Бриак, не объясняя причин. В результате в июле 1944 года я очутился в Германии. Я видел на дорогах горящие машины и броневики, но благополучно добрался до маленького местечка Аморбах в восточной Германии, где жила моя старшая сестра. Там я прожил почти до конца войны. Потом перебрался в Австрию, которая еще была оккупирована, в маленькое местечко Фельдкирх. Уже в 1945 году, после оккупации этой части Австрии французскими войсками, мне удалось получить разрешение проехать через Швейцарию. Меня пригласила приехать моя тетя Беатриса, младшая сестра моей матери, которая была замужем за испанским инфантом Дон Альфонсом. Так в сентябре 1946 года я попал в Испанию.

— В годы второй мировой войны Вы встречались с русскими, вывезенными немцами на работы, и с пленными из Красной Армии и, как известно, оказывали им помощь. Как это случилось?

— Чрезвычайно просто. Как я говорил, немецкие оккупационные власти относились ко мне довольно корректно. Среди них было много офицеров, настроенных антигитлеровски, в частности люди из окружения графа Штауфенберга, который, к сожалению, неудачно подложил бомбу Гитлеру, за что его расстреляли. Эти офицеры прекрасно понимали положение несчастных русских, так называемых «остарбайтеров». Благодаря контакту с этими офицерами мне удавалось встречаться и помогать этим людям продуктами, иногда деньгами и моральной поддержкой, которая, как мне представляется, была для них тоже большой помощью. В этом деле особенно помогло назначение командиром главного военного округа в Сен-Мало полковника фон Аулока, впоследствии генерала, который в молодости знал мою бабушку, великую княгиню Марию Александровну, вспоминал о ней с большой любовью и даже называл ее «тетя Мари».

— Владимир Кириллович, Вас посещают русские, в том числе русские из Советского Союза, это правда?

— Совершенно верно. Было несколько таких случаев. Это главным образом молодые люди, которые совершенно откровенно говорили, что они интересуются историей своей Родины и слышали, что я живу за границей.

— Каковы Ваши международные связи и вообще связи между европейскими королевскими и императорскими домами, большинство которых в данное время не царствует,— Романовыми, Габсбургами, Бурбонами, Гогенцоллернами?

— Связи с различными иностранными императорскими или королевскими домами остались прежними — семейными, какими и были всегда. Самый дружеский обмен письмами, поздравления по случаю семейных праздников, рождений, браков и тому подобного и, конечно, чисто родственные связи. Скажем, французский королевский дом; у нас очень хорошие отношения с ним, но родства почти нет или, скажем, очень далекое. А вот глава прусской королевской семьи и претендент на германский престол — муж моей сестры Киры Кирилловны. С ним у меня контакт очень тесный.

— В республиканской Франции живет глава бывшего французского королевского дома граф Парижский. Как относятся в европейских странах правительства и население к главам своих династий, в свое время лишившихся трона?

— Насколько я могу судить, с чрезвычайным интересом и симпатией. Во Франции это даже заметно по прессе, потому что, когда пишут о королевском доме по случаю какого-то семейного происшествия, всегда упоминается «ля фамий дэ ля Франс», то есть «семья Франции». Это, по-моему, показывает, что республиканцы во Франции гордятся своим королевским домом, хотя он и не царствует.

— Император Николай II отрекся от власти в феврале 1917 года от своего имени и от имени сына. Какова Ваша позиция в вопросе конституционности падения монархии в России?

— Это, несомненно, вопрос двойственный, морального порядка. Строго говоря, монарх не может отрекаться за своего наследника. Но в той ситуации, я считаю, государь поступил совершенно правильно, поскольку видел, что его малолетний сын, да еще слабого здоровья, был бы не в состоянии в такое смутное время по-настоящему возглавить и вывести страну из очень тяжелого положения.

— Есть много людей в наше время, которые считают, что монархия несовместима с демократией. Ваше мнение по этому поводу?

— Я уже много раз говорил и писал, в том числе и в иностранной прессе, что монархия — это единственная форма правления, совместимая с любой политической системой, поскольку предназначение монарха — быть высшим арбитром.

— Монархический строй требует культа личности монарха. Вы с этим согласны?

— Уверен, что именно монархия не нуждается в культе личности. Культ личности нужен диктаторам. Монарх, если так можно выразиться, величина почти постоянная, чтобы не сказать вечная. Как говорили французы: «Король умер — да здравствует король!». Фигура монарха — фигура символическая, это может быть одно лицо, потом другое. Его можно сравнить с национальным флагом, который является символом государства, вокруг него объединяется вся страна и под его руководством именно из-за его функции высшего арбитра способны совместно работать различные политические группы. Мы видим, к сожалению, как в демократических странах группировки часто заходят в тупики. При наличии монарха именно к нему идут в случае конфликтов, как это происходит в Англии, например.

— Монарх царствует как помазанник Божий. Но ведь теперь источником власти почти во всем мире считается воля народа, по крайней мере в теории...

— Мнение о том, что монарх царствует как помазанник Божий, несомненно, правильно, но очень часто его неверно понимали. Это просто форма, при которой человек, берущий на себя самое тяжелое и трудное бремя, существующее в человеческом обществе, просит благословения Всевышнего и помощи исполнить этот долг как можно лучше.

— Многие видят преимущества республиканского строя перед монархическим в том, что глава республики избирается путем голосования за его выдающиеся качества и заслуги. Конечно, это опять же в теории. Но монарх вступает на трон исключительно по праву наследования, совершенно независимо от его личных качеств.

— Я думаю, что такой подход ошибочен, хотя и то, и другое до некоторой степени правильно. Но эти вещи нельзя противопоставлять друг другу. У монархии есть свои вполне рациональные выгодные стороны, о которых я уже упоминал.

— Есть мнение, что монархия дорого обходится народу — дворцы, двор монарха, слуги и прочее. Как Вы считаете?

— Конечно, я не подсчитывал точных расходов в сравнении республики и монархии, но думаю, что монархия вряд ли стоит много больше, а возможно, и меньше, чем некоторые политические деятели в чисто республиканских странах, которые обходятся государству в немалые суммы.

— Многие считают, что монархия связана с привилегиями — классовыми, религиозными и национальными...

— Так, безусловно, было. В будущем же такое положение вовсе не обязательно. Мы видим, кроме того, что при политических системах, совершенно противоположных монархической, создался целый привилегированный класс, чьи привилегии ничуть не меньше монархических. Что же касается религиозных привилегий, то я, простите, не совсем понимаю Ваш вопрос.

— Хорошо, тогда поставим вопрос так. В России живут люди самых разных вероисповеданий, кроме того, в Советском Союзе теперь много неверующих. Существует распространенное мнение, что власть православного монарха означает притеснение неправославных народов.

— Ну, насколько я могу судить, зная историю нашей родины, хотя доминировал, конечно, русский элемент, но в империи занимали позиции и другие национальности. Православие действительно было всегда главной религией, религией, которой придерживалась императорская семья. Я знаю, что бывали безобразные эксцессы по отношению к другим национальностям. Тем не менее наше государство, состоящее из очень многих национальностей и религий, жило как единая держава, и я не вижу никакого повода, чтобы оно и в будущем не продолжало бы жить таким образом.

— Многих за границей удивил всеобщий интерес в России к празднованию Тысячелетия Крещения Руси и вообще возрождение интереса к Русской православной церкви. Было ли это неожиданностью и для Вас?

— До некоторой степени. Причем неожиданностью, безусловно, отрадной для меня. Я испытал это лично, потому что видел, с каким интересом тут, во Франции, в Америке и в других странах иностранцы отнеслись к Тысячелетнему Юбилею, с какой симпатией помогали русским и нашей Церкви этот Юбилей торжественно отметить.

— Вы следите за внутренними событиями в Советском Союзе. Каково Ваше отношение к событиям последних лет, в частности к перестройке, к гласности в прессе, к новому стилю работы Верховного Совета?

— Мне очень отрадно видеть все, что происходит в стране. И я всей душой надеюсь, что это приведет к самому положительному и постоянному результату. Возможно ли это, покажет будущее.

— Есть такое изречение: «Народ, который не помнит своего прошлого, не имеет будущего». Вы лично всегда подчеркивали необходимость бережного отношения к прошлому. Теперь эта позиция стала созвучной настроениям очень широких кругов в Советском Союзе. Как Вы расцениваете подобный сдвиг?

— Явление это меня чрезвычайно радует. Ведь вполне естественно, когда здоровый элемент любой нации интересуется своим прошлым. У нас в России это особенно ценно потому, что в течение многих лет старались это прошлое, блестящее прошлое, предать забвению.

— В России в последнее время наблюдается сильный рост интереса не только к религии, но и к российской монархии. Удивляет ли это Вас после стольких лет агрессивного атеизма и республиканства?

— Ничуть. Как в механике, в физике, всякая акция имеет свою реакцию. Этот процесс, на мой взгляд, является реакцией на то, что было в прошлом.

— Ваша супруга из рода грузинских царей. Хотелось бы услышать подробнее о роде Багратионов.

— Род Багратионов — царский род Грузии. Моя жена была дочерью старшего в то время члена семьи Багратионов, князя Георгия Александровича. Я всегда видел в нашей встрече Перст Божий. Во-первых, ее личные качества, а во-вторых, она была иностранной принцессой из нерусской царской семьи. Так что наш брак соответствует правилам нашей семьи. Она была православной и, более того, членом православного христианского общества одной из наиболее древних стран, принявших христианство. Она оказалась совершенно бесценной помощницей мне во всем. Господь Бог дал прожить нам вместе сорок один год.

— Из кого еще состоит сейчас Ваша семья?

— Сейчас, после кончины моего троюродного брата князя Василия Александровича, членов мужского поколения, имеющих право на наследование престола, уже нет. Потому что все другие члены семьи, к сожалению, женились вопреки законам нашей семьи. Таким образом, моей прямой наследницей после моей смерти станет моя дочь, Мария Владимировна: хотя она и самая молодая по возрасту, в поколении самая старшая после меня.

— Большое спасибо.

Сен-Бриак

Народный депутат СССР Анатолий СОБЧАК отвечает на вопросы обозревателя «Огонька» Владимира ГЛОТОВА

ВОЙСКА ВЫХОДЯТ НА ПЛОЩАДЬ...

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

— Анатолий Александрович, одной из самых острых ситуаций, которые тревожат, я думаю, не только меня, является ситуация, когда оказывается возможным применить вооруженные силы против собственного народа. Какая политическая проблема в этой связи вырисовывается?

— По-моему, это проблема создания новой политической системы и соответствующих ей государственно-правовых и законодательных структур. Это может показаться сугубо теоретическим вопросом, но на самом деле, как видно на примере тбилисских событий, жизненно важно для каждого из нас.

Взаимоотношения между народом и властью — что может быть существеннее? Когда общество в кризисе, проблема эта приобретает особое значение и выражается чаще всего в кризисе власти, в утрате властью доверия со стороны народа.

— Можем ли мы сказать, что переживаем кризис власти?

— Да. Причем не только на глобальном уровне, когда масса граждан перестает доверять основным институтам власти, но и на житейском уровне, когда люди перестают ощущать защищенность со стороны власти. А ведь, строго говоря, для чего необходимо государство? В первую очередь для того, чтобы каждый из нас чувствовал себя защищенным — и человек, и его имущество должны быть защищены от незаконных посягательств со стороны других лиц. Разве нет сейчас кризиса на этом уровне? То в одном, то в другом регионе страны вспыхивают волнения. Насилие над личностью, ограбление имущества — и все не раз остается безнаказанным.

— Казалось бы, у государства в руках такая мощь! Могучая машина подавления, способная расправиться со всем и вся. Куда же ориентирована эта сила?

— В условиях кризиса иные из власть имущих обращают усилия на то, чтобы защитить себя. Но изменения в нашей стране неодолимы. И как бы ни пыталась власть путем насилия себя оградить, из этого ничего не выйдет. Процессы политического, экономического, духовного обновления нашего общества назрели и требуют своего решения. Промедление здесь смерти подобно.

— В этой связи вернемся к тбилисским событиям.

— В истории нашего государства уже были — и немало — случаи насилия не над отдельным человеком, а над целыми классами, слоями населения. Уничтожались миллионы. Хотя проходило внешне даже в рамках закона.

— Под аккомпанемент идеологических фанфар и барабанов?

— Да, конечно. Действовала могучая машина подавления. Но все равно были взрывы негодования, которые приходилось подавлять с помощью войск.

— Что вы имеете в виду?

— Можно вспомнить выступления астраханских рабочих в начале существования нашего государства. Или новочеркасские события 1962 года. Тбилиси — в этом же ряду событий.

— Вы ставите Тбилиси в один ряд с упомянутыми событиями? Означает ли это, что вы видите главную причину апрельских событий прошлого года не в национальных конфликтах?

— Тбилисская трагедия вообще не имеет под собой межнациональных корней. Конечно, там на митинге достаточно было лозунгов, которые при желании можно интерпретировать и как лозунги межнациональной нетерпимости и ненависти. Но мы совершенно точно установили, что в те дни в республике не было ни одного преступления, случая насилия, нападения на межнациональной основе. Грузия испокон веку отличается спокойным характером межнациональных отношений. Столетиями вместе проживают сотни тысяч армян, абхазов, других народов, и конфликты, возникавшие буквально рядом, казалось, обходили Грузию стороной. По своему характеру, по центральному положению на Кавказе грузины всегда отличались высоким уровнем национальной терпимости.

— Так что же было тогда в основе?

— Нормальные процессы демократизации, стремление к независимости, стремление восстановить подлинный суверенитет республики. Понятно, эти процессы имели для Грузии некоторую особенность. Прежде всего — всеобщее недоверие к руководству, партийному и государственному. Мы беседовали с представителями самых разных слоев населения, и никто доброго слова не сказал о своем руководстве. Все отзывались о представителях власти как о людях нечестных, не имеющих права занимать соответствующий пост, людях, не способных руководить республикой, не выражающих интересы своего народа, проводниках «политики Москвы», несамостоятельных в своих действиях. Такое отношение проявилось еще раньше, во время ноябрьских событий 1988 года, когда принимались конституционные поправки и когда, по свидетельству очевидцев, обстановка была накалена еще более: в них было вовлечено огромное количество людей, публика бурлила, на улицы вышли буквально сотни тысяч. И лишь вмешательство Горбачева, обратившегося со специальным посланием к грузинскому народу, приезд Шеварднадзе, активная позиция грузинской интеллигенции и ряд других мер политического характера позволили, как говорится, пережить зиму.

Есть и вторая сторона дела, представляющая особенность Грузии: это удивительное непонимание руководством своего народа. Нараставшее противостояние вызывало у руководителей республики лишь стремление подавить силой народное движение.

— Простите, Анатолий Александрович, не кажется ли вам, что эта неспособность тогдашнего грузинского руководства понимать свой народ, выражать его интересы не есть какое-то особенное качество именно грузинского руководства. Власть, стоящая над народом, мне кажется, по духу своему наднациональна. Быть может, лишь Прибалтика сейчас демонстрирует движение к единству.

— В Прибалтике руководство тоже оказалось перед выбором и осознало: если и дальше будет занимать позицию глухого сопротивления народу, то будет отвергнуто народом.

— Так чьим же представителем являлось, в частности, грузинское руководство?

— Административно-командной системы. Сформированные по номенклатурному принципу, отнюдь не лучшие представители своего народа, они прекрасно существовали за счет народа. И каждый мог бросить им в лицо, что они взяточники, что взяточники их близкие, что они ведут себя недостойно. Вот это, конечно, обостряло ситуацию.

«...такие факты, как самоизоляция руководства республики, неадекватная, подчас паническая оценка конкретных ситуаций, неспособность положительно воздействовать на обстановку политическими методами, явились одной из основных причин, которые и привели в конечном итоге к трагическим последствиям событий 9 апреля с. г. в г. Тбилиси».

(Из заключения Комиссии Съезда народных депутатов СССР по расследованию событий, имевших место в г. Тбилиси 9 апреля 1989 года.)

— Когда мы изучали все этапы конфликта, нас поразило, что единственный орган, который принимает какие-то решения, что-то делает,— это Бюро ЦК Компартии Грузии. Партийных организаций да, собственно, и коммунистов — их как бы не существовало. И в ходе развития конфликта они оказались за пределами его.

— Вы хотите сказать, что члены партии были с народом?

— Нет, это не так. По-видимому, значительная часть коммунистов сочувствовала народу, но ни один не выступил на митинге, не попытался переломить ситуацию. Попытка Патиашвили выступить по телевидению, по общему мнению, была неудачной. Ни у руководства, ни у рядовых членов партии не нашлось слов, идущих от сердца к сердцу, слов, которым бы поверили. Из-за боязни и неумения.

— Не в этом ли и проявилось банкротство власти?

— И в этом тоже. Это трудно вообразить, но это так: во время разгона митинга все руководство республики находилось на своих местах и из окон Дома правительства наблюдало, как происходило избиение собственного народа. И ничего не сделало, не вмешалось. А в его власти было, увидев, что происходит, остановить войска. Когда Патиашвили узнал о жертвах, он сказал: «Мы погибли!»

Сам по себе он человек эмоционально честный, заявил об отставке, во всяком случае, для меня он по-человечески ближе иных, показался порядочнее. Но и он не сделал даже попытки остановить и изменить ход развития событий.

— Что же происходит? Первый руководитель республики, как вы говорите, «эмоционально честный», ведет себя как скованный, наблюдает из окна, как расправляются с его народом, можно сказать, вздыхает, но что-то его сдерживает, не дает вмешаться? Что же вяжет его по рукам и ногам?

— Это серьезная проблема. Возможно, самая серьезная, порождающая тот самый кризис власти, о котором мы говорим.

— Может, личные качества, совесть человека не в состоянии противодействовать безликой общей силе?

— Нет, здесь другое. Я бы назвал это дефицитом внутренней независимости. Мы вырастили поколение людей (причем не только партийных и хозяйственных руководителей), у которых отсутствует внутренняя независимость, не сохраняются моральные критерии, ограничители — до каких пределов можно дойти, повинуясь приказу, руководствуясь соображениями карьеры...

— Всеобщая солдатчина?

— Лучше сказать — поколение людей, не имеющих моральных ограничителей. В критических ситуациях такие люди не способны принимать решения морального плана и оказываются банкротами, терпят крах. Потому что срабатывает привычка к повиновению. Ведь вся система была направлена на то, чтобы никто из нижестоящих не мог принять независимого решения. Инициатива была наказуема.

— Даже инициатива по спасению народа... А как вел себя генерал Родионов?

— Он командовал этой операцией и несет личную ответственность за все происшедшее. Трагедия этого человека в том, что он хороший боевой генерал, понимавший недопустимость использования войск в такой ситуации, представлявший себе возможные последствия. Добавлю — генерал, который сопротивлялся, но которому не хватило внутренней независимости, чтобы сказать: «Нет!»

Еще 6 и 7 апреля, когда руководители республики настаивали на введении комендантского часа, он говорил: «Нет!» Считал — не дело военных, надо решить мирным, политическим путем.

— Откуда у вас такая уверенность?

— У нас были многочисленные встречи, беседы.

— И с глазу на глаз?

— Да, и так, и в присутствии людей. И для меня было достаточно понятно его поведение. Генерал мог остаться на позициях строго формальных. Ведь в руках у него был приказ министра обороны использовать армию только для взятия объектов под охрану и не использовать ее в каких-либо иных целях. Приказом вовсе не вменялось использовать войска для разгона митингующих.

— Так что же, Родионов проявил инициативу?

— Нет... Он противился до тех пор, пока Бюро ЦК Компартии Грузии (а затем партактив республики) не приняло решения о разгоне митинга. Лишь тогда Родионов взял на себя командование и осуществил эту операцию. И вот здесь ему, как человеку, не хватило внутренней независимости сказать: «Нет, товарищи, это не дело военнослужащих, не буду я возглавлять полицейскую операцию. Я военный, и армия предназначена для других целей, у меня приказ министра обороны. Пожалуйста, есть внутренние войска, есть милиция, можете сами осуществлять то, что вы считаете нужным, а я буду выполнять лишь то, что на меня возложено».

Но он не сказал так. Ему не хватило независимости даже на то, чтобы встать на путь строгого соблюдения буквы приказа.

Ибо было решение Бюро ЦК Компартии Грузии, членом которого он является, и было, добавлю, решение центральных органов, о котором он знал.

«Решение о направлении в Грузию подразделений внутренних войск, Советской Армии и специальных подразделений милиции было оформлено директивой Генерального штаба Министерства обороны СССР (тов. Моисеев М. А.) и приказом по Министерству внутренних дел СССР (тов. Шилов И. Ф.) после совещания в ЦК КПСС 07.04.89 г. (председательствующий тов. Лигачев Е. К.). Поскольку речь шла не просто о передислокации войск, а фактически об осуществлении действий, вводящих отдельные элементы режима особого положения в г. Тбилиси с установлением контроля на въездах и выездах из города, взятием под охрану важнейших общественных и государственных зданий и других объектов — следует признать, что указанные решения были приняты с грубым нарушением закона».

(Из заключения Комиссии.)

— Опять двойная бухгалтерия? Одна рука отдает приказ взять объекты под охрану, а другая негласно — действовать «на всю катушку»?

— Сказать, что другая рука отдает негласный приказ, нельзя, ведь в Москве на совещании в ЦК было принято решение о направлении войск для предотвращения возможных беспорядков и для использования их «по усмотрению». Именно такая формула была выработана: при использовании войск на месте надо действовать в соответствии со сложившейся ситуацией, по усмотрению. И когда, по-своему поняв сложившуюся ситуацию, Бюро ЦК Компартии Грузии приняло решение применить силу, разогнать митинг, генерал Родионов, вместо того чтобы отказаться от руководства этой операцией, принял на себя командование.

— Простите, я не совсем понимаю, это что же, несколько человек в Москве, несколько членов Политбюро, секретари ЦК, замминистра внутренних дел, председатель КГБ, министр обороны — эти люди фактически приняли решение передать право распоряжаться армией грузинскому руководству?

— Фактически так.

— С союзного уровня — на республиканский?

— Но, конечно, эта передача не была полностью бесконтрольной. В Грузию был направлен первый заместитель министра обороны Кочетов, представители ЦК КПСС, группа ответственных работников: Лобко, Селиванов, Буянов. Все это руководители секторов, отделов ЦК КПСС, достаточно крупные и ответственные партийные работники.

— Определенный контроль со стороны Центра сохранялся?

— Да, и все время информация шла в Центр. Но тем не менее действительно право решать было передано в республику. Правда, есть одна особенность: такого права нет и у ЦК КПСС.

— ?

«...направление в Грузию подразделений внутренних войск, специальных подразделений милиции и войск Советской Армии проводилось с согласия указанных совещаний в ЦК КПСС 7 и 8 апреля. Это противоречило действующему законодательству, согласно которому право принятия подобных решений принадлежит не партийным, а соответствующим государственным органам».

(Из заключения Комиссии.)

— Да, именно так. Эта собравшаяся в Москве группа не имела права принимать подобного решения. Его не имел ни один партийный орган, ни Политбюро, ни даже съезд партии. Они могли бы принять лишь политическое решение, которое должно было воплотиться в решениях государственных органов. Совещание под руководством Лигачева, на котором было принято роковое решение оказать помощь республике войсками, представляло собой даже не Политбюро, а всего лишь группу людей (хотя и ответственных работников), причем собравшуюся без президента страны, который в это время был в Англии, без главы правительства, хотя Николай Иванович Рыжков был в Москве. Понимаете, что происходит? Вот это самое опасное!

— Уже этим фактом, мне кажется, Родионов был поставлен в противоречивое положение. Он мог ведь не выполнять решение группы людей, которые не имели права такое решение принимать?

— Мог. Если бы строго стоял на позиции закона.

— Что же им все-таки двигало?

— Понимаете, положение его было достаточно серьезно. Учтите, рядом с ним находился первый заместитель министра обороны, прилетевший из Москвы, который отслеживал каждый его шаг. Это генерал армии Кочетов, человек, как вы понимаете, с большими полномочиями. Он мог в любую минуту вмешаться, поверни Родионов «не туда». Он мгновенно мог проинформировать Москву, обеспечить переброску войск из других регионов страны, чего Родионов не мог сделать, его власть кончалась пределами Закавказского военного округа, командующим которого он был. А ситуация в округе сложная, большинство войск находилось (и находится до сих пор) в Азербайджане и Армении, именно там наиболее взрывоопасная обстановка. Каких-либо резервов у Родионова не было. Поэтому и пришлось стягивать войска со всей страны. И ОМОНы — милицейские отряды особого назначения (из Воронежа и Перми), и горьковскую высшую школу милиции.

— Все они поступали в распоряжение Родионова?

— Да, раз он принял на себя командование. Но даже возглавив операцию, у Родионова было еще немало возможностей не допустить трагического исхода событий. Если бы он эту операцию не проводил как армейскую. Если бы сознавал, что эта операция проводится против собственного народа. Я говорил на Съезде об этом.

Представьте... Вот войска выходят на площадь... Почему ночью? Зачем? В ночной темноте — мало ли что может произойти? Уж лучше днем, когда все видно. Тогда могло бы быть другое развитие событий.

— Так почему же ночью?

— Потому что ночью на площади оставалось меньше всего людей и, по-военному рассуждая, предполагалось, что легко удастся очистить от них площадь: кого арестовать, кого отправить, как говорит один наш товарищ, «в больницу».

А когда пришли на площадь, оказалось, что там не 200 человек, а около 10 тысяч, то есть ситуация совершенно иная. Казалось бы, надо вносить изменения в план операции, хотя бы изменить темп ее. Вы же понимаете: одно дело 200 человек, другое — 10 тысяч. Но площадь была очищена за рекордный срок — за 21 минуту!

— Что?!

— Да, за 21 минуту. При этом, если вы помните, это крошечная площадь, на которой столпилось огромное количество людей. И за 21 минуту все было расчищено. А если бы военные руководители догадались растянуть время... Ну, куда было спешить? Что — разве дело происходило на вражеской территории?

— Армейская операция!

— В том-то и дело. А надо было стоять и призывать граждан разойтись. Стоять столько, сколько потребуется — пока не разошлись бы. Конечно, среди 10 тысяч были и экстремисты, но таких, я уверяю вас, было не так уж много. Кто-то бы остался, но тысячи разошлись бы. У людей есть инстинкт самосохранения, чувство опасности — ведь войска уже вышли, стоят перед тобой, щиты, дубинки, все внешние атрибуты суровости и власти говорили о том, что может произойти. Уже прошли бронемашины. Все было ясно.

— Значит, темп, ускорение — инициатива Родионова? Вернее, армейская традиция?

— Да, по-армейски решительно. Не церемониться! И жестко. Уже во время операции Родионов бросил десантников, хотя не имел права этого делать по приказу министра обороны. Причем — в самую гущу. Произошло окружение части людей. Мы спрашивали: «Почему? Зачем?» Военные объясняли: «Был прорван фронт внутренних войск».

— Ну и терминология!

— Да, на войне как на войне... А это митингующие, чтобы вырваться из капкана, прорвались на левом фланге. И вот, как объясняли генералы Ефимов и Родионов, боязнь, что митингующие «зайдут войскам в тыл» (!), вынудила бросить в прорыв десантников... Что значит — «тыл»? Идет бой с враждебной армией? Осуществляется разгон митинга на улицах нашего советского города, люди хотят вырваться из толпы, прорываются — так расступитесь! Дайте им возможность уйти с площади — сделать то, что и требовалось. Так нет, прорыв затыкается десантниками, у которых ни щитов, ни дубинок, ни касок, ни бронежилетов, а оружие было отнято (будь оно у них, я вас уверяю, были бы сотни убитых) — и в обстановке ожесточенного сопротивления, когда люди скопились на пятачке и им некуда было податься — их окружили,— десантники взялись за саперные лопатки, пустили их в ход и как средство защиты, и как средство нападения. При этом надо иметь в виду, что это не простые десантники, а часть, которая месяц назад вышла из Афганистана.

— Люди, не привыкшие церемониться?

— Да, эти люди не привыкли, чтобы их били. А сопротивление грузин было действительно ожесточенным. Это была круговерть. Могло быть гораздо больше погибших. Люди увидели, что происходит, стали бежать. В итоге 19 погибших, сотни раненых. Больше двух тысяч человек сразу же обратились с различными ранениями, в том числе и военнослужащие, и милиция.

Мы изучили множество документов, разговаривали с очевидцами, со всеми категориями — с простыми участниками событий, со священниками, с работниками «Скорой помощи», работниками милиции, военнослужащими всех подразделений, находившихся на площади, с пожарными. У нас картина достаточно четкая. Но самое сильное впечатление произвел фильм Комитета государственной безопасности.

— Каким образом его сняли?

— Работники КГБ снимали его для своих нужд — выявления наиболее активных людей, экстремистов. Снимали и днем и ночью с верхнего этажа Дома художников, который находится прямо напротив, по другую сторону площади.

— Они, что же, знали, что будут события?

— Конечно, нет, они просто делали свое дело. Мы разговаривали с операторами.

— И вам этот фильм помог?

— Да, мы увидели, как все было... Съезд принял решение о демонстрации этого фильма по ЦТ, и я надеюсь, что это решение будет выполнено. Причем депутаты проголосовали за то, чтобы этот фильм был показан до моего доклада. Но фильм показан не был, и я буду настаивать на том, чтобы демонстрация состоялась.

— Значит, этот фильм не оставляет сомнений в том, что произошло в Тбилиси. Как же понять тогда позицию военной прокуратуры?

— Я еще скажу о наших спорах с военной прокуратурой, но здесь подчеркну: сомнений в том, что митинг носил хотя и антиправительственный, но мирный характер, у меня нет. Да, было много антиправительственных лозунгов, говорилось о необходимости замены грузинского правительства, которое не пользуется доверием народа. Даже формировалось новое правительство и кого-то называли в качестве новых министров. И такая пассивная форма протеста, как голодание (более сотни людей), и сам ход митинга: молитва, семиминутное молчание, зажженные свечи, наконец, перед самым разгоном, какое-то лихорадочное веселье, музыка, танцы, исполнение национальных песен — все это говорит о том, что ничего не выходило за рамки мирного митинга.

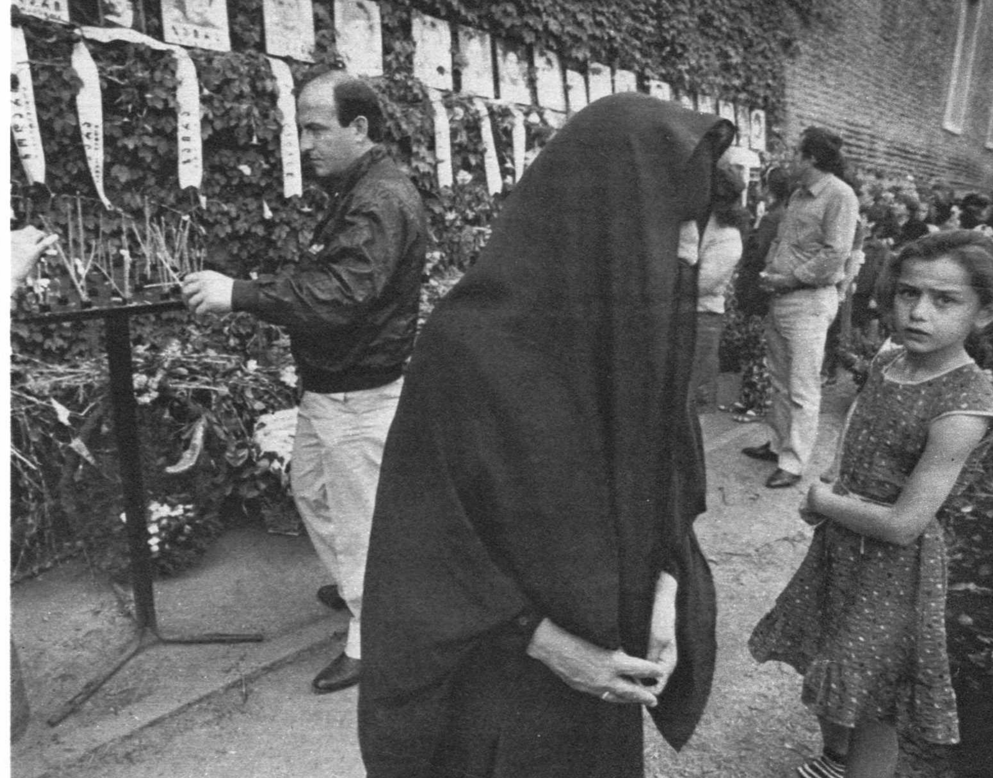
— Почему же на площади оказалось 10 тысяч вместо 200—300 человек?

— В этот день, 8 апреля, военные с благословения ЦК Компартии Грузии (мы так и не добились ясности, кого — конкретно) предприняли «акцию устрашения». Прошли три колонны боевых машин пехоты, над городом на низкой высоте летали боевые вертолеты. Городу дали ясно понять, что войска приведены в боевую готовность и будут действовать. Полагали, что это успокоит. А реакция была обратная. Надо совершенно не понимать свой народ, чтобы рассчитывать устрашить грузин таким способом. Но теперь всем стало ясно, что будет применена сила. Об этом знали все — ведь решение было принято 8 апреля на партийном активе республики, где присутствовали сотни людей. Мгновенно стало известно: будут разгонять. Войска сосредоточивались с вечера в 400 метрах от митингующих, на площади Ленина. Люди ходили туда, смотрели, рассказывали: «Войска готовы!» Вот почему собралось ночью 10 тысяч.

Мы многих спрашивали: почему оказалось так много женщин, подростков? Пожилых людей? Потому, что люди по-

Фото Ш. АЙВАЗОВА и И. ГАВРИЛОВА

шли на площадь защищать голодающих и молодежь, решив: чем больше их будет, тем меньше вероятность, что применят силу.

На площади практически была вся грузинская интеллигенция: актеры, писатели, художники, известные академики, кстати, и партийные работники.

— Скажите: верно ли утверждение, что люди погибли оттого, что их затоптали?

— У жертв, кроме двоих, нет кровоподтеков. Нет размозжения внутренних органов, нет переломов. Вспомним, что на ступенях находились сотни голодающих. И ни один не погиб. Это заслуга милиции. Она с самого начала встала на их защиту. Но все-таки почему на ступенях, в толпе, никто не погиб? Потому что погибали там, где было сражение, активные действия войск.

Утверждение, что причина смерти — давка (затоптали) или, как говорил военный прокурор, будто бы грузинские мужчины прикрывались женщинами — это совершенно не соответствует действительности.

«Персональную ответственность за нарушения и просчеты, которые привели к трагическим последствиям, несут генералы Кочетов К. А., Родионов И. Н., Ефимов Ю. Т.»

(Из заключения Комиссии.)

— Все эти месяцы я нахожусь под влиянием того, что увидел и услышал. И для меня сегодня одна из самых главных проблем в моей деятельности — сделать все для того, чтобы разработать правовые механизмы и создать государственные структуры, которые бы вообще исключили из нашей жизни подобное.

— В свете этого как вы отнеслись к появлению на Съезде содокладчика в лице военного прокурора?

— С самого начала Съезда начали происходить странные вещи. Появились публикации, в которых ставились под сомнение выводы комиссии, еще не оглашенные. Причем в известной статье в «Советской России» от 15 декабря заместителя главного военного прокурора Васильева делалась ссылка на то, что я, мол, уже огласил результаты комиссии по ленинградскому телевидению, но это не так, и каждый, кто видел эту передачу, знает, что я утверждал как раз обратное, говорил, что не могу оглашать результаты работы комиссии. И единственное, что сделал,— заявил, что считаю происшедшее в Тбилиси преступлением против человечности. Но для такого заявления не надо было назначать комиссию Съезда, это было очевидно с самого начала. И показал частично фильм, прокомментировав, что происходит. Смотрите, мол, сами. Достоинство фильма — он с таймером, исключающим возможность монтажа, какую-то ложь. Зафиксированы день, час, минута, секунда. У всякого, кто посмотрит этот фильм, не останется и тени сомнений.

— Какие еще странные вещи стали происходить на Съезде?

— Каждый день стали появляться листовки, в которых события в Тбилиси излагались таким образом, будто есть люди, которые пытаются опорочить армию, вбить клин между ею и народом. В листовках выражалось недоверие «комиссии Собчака».

Старый как мир прием. Когда кого-нибудь из партийных деятелей, даже на уровне райкома, в чем-то уличают, тот мгновенно отождествляет себя с партией, говорит: «Нападки на партию». Точно так же и здесь. Мы показываем, как принимались решения, как некомпетентно они проводились в жизнь военными, которые должны понести ответственность за свои действия, и сразу же начинается отождествление себя с армией и говорится: «Нападают на армию!»

Было бы величайшим заблуждением считать, что тбилисские события вбивают клин между армией и народом. При чем тут армия? Речь идет об ответственности конкретных политических, государственных и военных деятелей. Солдаты, которые там действовали, были поставлены в конкретные условия.

— Мы ведь не нагружаем ответственностью солдат и офицеров, воевавших в Афганистане, осудив эту войну.

— Кстати, та же схема решений была и при вводе войск в Афганистан. Четыре человека, не считая нужным собрать ни Политбюро, ни послушный Президиум Верховного Совета, решили все сами. Собирать — а зачем? На закон, на Конституцию нашему руководству было глубоко наплевать. Только сегодня начинают прорываться первые ростки осознания того, что надо считаться с законом. И надо отвечать. К некоторым нашим высокопоставленным партийным работникам это осознание начало приходить лишь тогда, когда их пригласили на комиссию для объяснений. Ведь такого никогда не было! Какие-то неизвестные люди, которых еще вчера никто в стране не знал, сегодня спрашивают, и перед ними надо держать ответ.

Был домашний порядок решения проблем. Протоколов не велось. Никаких документальных следов принимаемых решений не осталось. Наши выводы о совещаниях в ЦК КПСС 7 и 8 апреля мы делали только на основе того, что нам рассказали сами участники этих совещаний. Что же было на самом деле — отследить невозможно.

— И стенограммы не велось?

— Нет.

— Может быть, просто не дали?

— Да нет... Мы проверили. Так называемое «рабочее совещание», когда решения принимаются, но не оставляется никаких следов.

— Афганистан... Грузия... Наработанный принцип, стиль.

— С этим стилем надо решительно бороться. Для каждого участника подобных совещаний надо исключить самую мысль о том, что могут собраться несколько человек (пусть даже членов Политбюро) и принять решение отправить войска либо за рубеж, либо внутри страны — для подавления собственного народа.

— Продолжим разговор о «странных вещах», происходивших на Съезде. Значит, плакаты, листовки...

— Прекрасно отпечатанные, многоцветные. У меня есть, могу показать. Был и такой эпизод. Мне говорят: «Вы посмотрите, там один из адмиралов раздает листовки». Я подхожу, говорю: «Товарищ адмирал, я слышал, вы раздаете какие-то листовки по тбилисским делам, так, может быть, и мне вручите?»

Адмирал посмотрел на меня (он, конечно, знал, что я председатель комиссии) и сказал: «Нет, нет, я никаких листовок никому не вручал». Я говорю: «Ну как же, мне сказали». Он в ответ: «Ну, это мне у входа дали».

Было неловко за флотскую честь адмирала.

Потом стали появляться «заявления депутатов». Чем ближе к моменту рассмотрения вопроса, тем больше заявлений. Заранее отпечатанные, они передавались по рядам, собирались подписи.

Комиссия, мол, не располагает всеми данными, выводы ее не объективны, надо заслушать военную прокуратуру.

В этих условиях я счел необходимым встретиться с руководством военной прокуратуры. Мы пригласили главного военного прокурора, его заместителя генерала Васильева, следователей Баграева и Матуса, которые выступали по ленинградскому телевидению. Почти пять часов продолжался разговор.

В итоге оказалось несколько расхождений.

Они, например, утверждали, что на площади действовали подготовленные группы боевиков, причем группы, которые специально тренировались.

— Боевик — это как понять?

— В переводе на юридический язык — террорист. Человек, который специально готовится для совершения террористического акта. Сведения такого рода муссировались и раньше. Мы таких фактов не установили — ни опросами, ни документально. Никаких следов.

Тогда я спросил у товарища Васильева: если были группы и вы их установили (а прокурор говорил: «Мы знаем их фамилии»), то предъявили ли вы кому-нибудь обвинения, возбудили против кого-нибудь уголовное дело?

Отвечает: «Нет».

Как же так? Знают террористов и оставляют их на свободе! Поощряют тем самым террористическую деятельность! Как же так можно?

Я сказал: «Учтите, если завтра вы не привлечете этих людей к ответственности и вообще никого не привлечете (а, как выяснилось, до момента рассмотрения вопроса на Съезде главная военная прокуратура не привлекла к ответственности никого, ни одного человека), то, значит, все ваши утверждения построены на песке, хотя у вас работают десятки следователей, и если дело окончится ничем и ваши утверждения не будут доказаны, то вы должны будете отвечать».

«Уместно отметить, что командирами и политработниками при инструктаже привлекаемых к операции военнослужащих информация об участниках митинга и их намерениях доводилась в искаженном виде».

(Из заключения Комиссии.)

— Военная прокуратура должна будет нести ответственность за то, что сообщила Съезду народных депутатов неверные сведения, если дело закончится ничем. Ответственность за должностное вранье, за попытку ввести Съезд в заблуждение и тем самым воспрепятствовать принятию правильного политического решения.

— Не подталкиваете ли вы тем самым фабриковать дела?

— Сфабриковать дело, конечно, можно. Но есть суд. В нем будут участвовать адвокаты, которые каждое доказательство следствия, каждое утверждение прокурора подвергнут тщательной проверке.

Второе расхождение с военной прокуратурой заключалось в том, что митингующие на площади якобы применяли самодельные взрывные и зажигательные устройства. Мы же ничего такого не обнаружили.

Кроме того, говорилось, что раздавались возгласы: «Бей коммунистов!» Какие же свидетельства на этот счет? Оказывается, шла группа туристов, увидела лозунги на грузинском языке, спросила какого-то пожилого грузина, что они означают. И якобы человек сказал, что написано: «Бей коммунистов». Естественно, нет ни этого пожилого грузина, ни этих лозунгов.

А ведь на площади после побоища осталась масса лозунгов. Однако такого не обнаружено. Его нет и в отснятом КГБ киноматериале.

— Думаю, операторы КГБ, чтобы снять на пленку такой лозунг, наверное, постарались бы!

— Да, приложили бы усилия. Если бы он был.

Есть еще расхождение — относительно причин смерти. Нам дали заключение независимые специалисты, профессора, академики, сделавшие вывод, что причиной смерти большинства погибших было совокупное действие давки и вдыхания химических спецсредств («Черемухи» и газа Си-Эс). Следы вдыхания газа обнаружены у всех пострадавших.

«...с особой тревогой комиссия отмечает предпринимавшиеся руководством внутренних войск попытки сокрытия самого факта применения отравляющих веществ.

Применение спецсредств «Черемуха» было официально ими признано 13 апреля с. г. и то лишь под давлением неопровержимых улик.

В последующем шло поэтапное признание применения различных модификаций «Черемухи» и газа Си-Эс.

Длительное время представителями командования Советской Армии отрицался также факт применения малых пехотных лопаток».

(Из заключения Комиссии.)

— И, наконец, расхождение в оценке. Военные считают, что все было сделано правильно. Необходимо было пресечь. И именно с применением военной силы. Мы же посчитали, что ни сам митинг, ни его характер не требовали военного вмешательства.

— Итак, вы узнали, что предстоит содоклад, заметили, что распространяются листовки, плакаты, собираются подписи под обращениями депутатов, почувствовали, что что-то происходит, пошли на встречу с военной прокуратурой...

— Содоклад военной прокуратуры противоречит парламентской практике. Съезд тем самым выразил недоверие своей же собственной комиссии. Но я не хотел, чтобы меня упрекнули или кого-то из членов комиссии, будто мы боимся, что-то скрываем. И мы сказали: не возражаем, пожалуйста! Пусть будет содоклад. Но напомнили, кто был в нашей комиссии. И заместитель министра обороны, генерал армии Говоров. И генерал-лейтенант Голяков, заместитель председателя комитета ветеранов. И генерал-лейтенант Газенко, академик, известный человек, бывший директор института космической медицины. И генерал-лейтенант Мирошник, председатель Комитета госбезопасности Казахской ССР. Понимаете, в работе комиссии самое трудное было соединить то, что казалось несоединимым: в составе ее были и военные, ученые, и писатели, и известные общественные деятели, и представители народных фронтов. Совершенно новые люди с совершенно другими взглядами — из Латвии, Литвы, Эстонии и Москвы. Казалось, что соединить этих людей в единое целое невозможно. А я видел свою задачу именно в этом. И самое большое удовлетворение я испытал оттого, что мы пришли к единому решению.

Мы все подписали этот документ.

— Даже генералы?

— Да. Вместе с представителями народных фронтов, некоторые из которых начинали свою работу в комиссии с заявлений об имперском характере нашего государства. Разброс мнений вначале по многим вопросам был полярный.

— Что же вас объединило?

— Факты. Перед их лицом все эмоции, все давление, которое, конечно, иные ощущали, отступило. Члены комиссии вели себя в высшей степени достойно. Со многими членами комиссии у меня установились близкие, дружеские отношения. С Олегом Георгиевичем Газенко, Борисом Львовичем Васильевым или, например, первым секретарем ЦК Компартии Казахстана Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым — прогрессивным, умным человеком, который против совести не пойдет. А митрополит Питирим, академик Лихачев!..

— Они тоже были в составе комиссии?

— Да, и активно участвовали. А Сагдеев! Всех не могу перечислить, но все — достойнейшие люди. В составе комиссии были и ребята-афганцы. Чистые, умные, им, конечно, было очень трудно рядом с известными учеными. Они поначалу робели, потом внесли свой вклад, и очень серьезный.

— Сложность ситуации для них заключалась, наверное, не только в разнице в интеллекте, в образованности, но и в том, что соприкасались человеческие качества. Очень трудно на фоне академика Лихачева проявить себя достойной личностью, ведь любое отклонение, малейшая твоя фальшь, которая в иных условиях могла бы остаться незамеченной, тут становилась, наверное, явной: под индикатором совести таких людей.

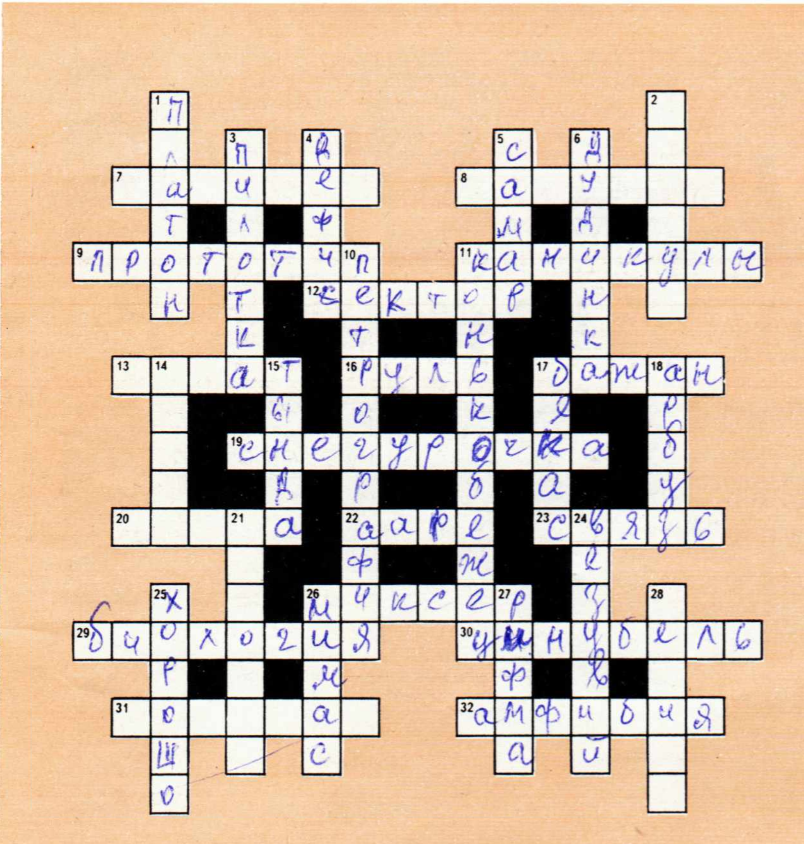
— Я помню, как сам однажды испытал действие такого мощного индикатора. Ко мне подошли журналисты, попросили сделать съемку нескольких ленинградских депутатов и тех, кто входит в нашу комиссию, и я подошел к Дмитрию Сергеевичу, сказал ему об этом. И он лишь посмотрел на меня, ничего не ответил, но мне стало очень неловко, столь красноречив был его взгляд.

— Итак, вернемся к Съезду. Какие же из всего невеселого вашего рассказа напрашиваются выводы? О чем мы размышляем, Анатолий Александрович?

— Мы размышляем о том, какой механизм выработать для принятия и осуществления политических решений, государственных решений, чтобы армия никогда не была использована против своего народа.

— Именно в этом вы видите смысл своей деятельности. Так?

— Надо создать систему государственных органов и юридический механизм принятия решений, который исключал бы такую возможность.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Малая планета. 8. Хирург, академик, Герой Социалистического Труда. 9. Прообраз. 11. Перерыв в занятиях в учебных заведениях. 12. Часть круга. 13. Черный янтарь. 16. Устройство для управления автомобилем, судном, самолетом. 17. Украинский советский поэт, лауреат Ленинской премии. 19. Опера Н. А. Римского-Корсакова. 20. Академическая хоровая капелла УССР. 22. Река в Швейцарии. 23. Передача и прием информации техническими средствами. 26. Прибор для смешивания, сбивания кремов, коктейлей. 29. Комплекс наук о живой природе. 30. Разновидность рубанка. 31. Река в Восточной Сибири. 32. Автомобиль, способный передвигаться по суше и воде.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Древнегреческий философ. 2. Действующий вулкан в Антарктиде. 3. Форменный головной убор. 4. Знак, употребляемый при разделении слова на части. 5. Один из Филиппинских островов. 6. Центр Таймырского автономного округа. 10. Наука о составе и происхождении горных пород. 11. Спортсмен, занимающийся одним из зимних видов спорта. 14. Бразильский писатель, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 15. Город в Амурской области. 17. Болотная птица, дичь. 18. Бахчевое растение. 21. Русский живописец, автор картины «На миру». 24. Действующий вулкан на юге Италии. 25. Поэма В. В. Маяковского. 26. Спутник Сатурна. 27. Созвучие концов стихов. 28. Линза со сферическими поверхностями.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Веселье. 8. Картули. 10. Николаи. 12. Декорация. 15. Радомир. 16. Крюкова. 17. Рубаб. 19. Жаркое. 20. Ассоль. 21. Балет. 22. «Нистру». 24. Ушанка. 27. Сонет. 29. Руденко. 31. Антраша. 32. «Аптекарша». 35. Ферсман. 36. Макаров. 37. Онтарио.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Свитер. 2. Менчик. 3. Каскад. 5. Соло. 6. Леда. 7. Забава. 9. Титова. 11. «Оракул». 12. Дискотека. 13. Рубильник. 14. Ярославна. 17. Ребус. 18. Батут. 23. Иберис. 25. Курага. 26. Буклет. 28. Эшелон. 30. Опенок. 31. Ашимов. 33. Енот. 34. Амур.

ОГОНЁК

More than 120 children today -
and there will be many thousands
more tomorrow -
infected with HIV in Soviet hospitals
because of the lack of
disposable syringes etc.
To buy them we need your help!

«OGONYOK» charity hard currency account «ANTIAIDS» № 7000015 in the Vnesheconombank USSR

